

140
591

V

Ф. БУОНАРРОТИ
ЗАГОВОР
ВО ИМЯ РАВЕНСТВА

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ПРЕДШЕСТВЕННИКИ
НАУЧНОГО
СОЦИАЛИЗМА

Под общей редакцией

академика

В. П. ВОЛГИНА

МСМLXIII

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Москва

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

Ф. БУОНАРРОТИ
ЗАГОВОР
ВО ИМЯ РАВЕНСТВА

Т о м I

Вступительная статья

В. П. ВОЛГИНА

Перевод с французского
Э. А. ЖЕЛУБОВСКОЙ

Комментарии
В. М. ДАЛИНА

МСМLXIII

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

М о с к в а

*CONSPIRATION POUR L'ÉGALITÉ
DITE DE BABEUF.
SUIVIE DU PROCÈS AUQUEL ELLE
DONNA LIEU, ET DES PIÈCES
JUSTIFICATIVES, ETC., ETC.
PAR PH. BUONARROTI.
1828*

ФИЛИПП БУОНАРРОТИ
Литография Фарей. Собрание ИМЛ

ПРЕДИСЛОВИЕ К ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ

Настоящее издание является наиболее полным по сравнению со всеми предшествующими изданиями этой книги, выходившими на французском языке и в переводах, в том числе с русским изданием 1948 г. Подготавливая к печати свою книгу, Буонарроти намеревался включить в число приложений две изданные бабувистами брошюры: «*Le cri du peuple français contre des oppresseurs*» и «*L'Opinion sur nos deux Constitutions*». Ему, однако, не удалось их разыскать. При подготовке настоящего издания обе эти брошюры удалось обнаружить в следственном деле бабувистов¹ и обе они включены в состав приложений.

Издавая свою книгу, Буонарроти вынужден был опубликовать воззвание Бабефа «*Un mot pressant aux patriotes*» с большим пропуском, так как ему пришлось пользоваться дефект-

¹ Archives Nationales, W³ 562—563. Публикуется по фотокопии, хранящейся в Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ф. 223).

ным экземпляром, в котором отсутствовали некоторые страницы. Во всех последующих изданиях книги Буонарроти этот пробел не был восполнен. В настоящем издании воззвание Бабефа публикуется полностью, согласно тексту газеты Бабефа «*Le Tribun du peuple*», № 42.

В приложениях к настоящему изданию помещено также письмо Буонарроти к чартисту Бронтеру О'Брайену, опубликованное впервые в английском издании «Заговора», вышедшем в Лондоне в 1836 г. В этом письме Буонарроти раскрыл анаграммы, которыми он зашифровал фамилии ряда участников движения, которые, как он предполагал, были еще живы и могли подвергнуться преследованиям. В тексте настоящего издания, как и в последнем французском издании, вышедшем в 1957 г. под редакцией Ж. Лефевра, рядом с анаграммами указываются в квадратных скобках подлинные фамилии участников бабувистского движения.

Текст русского перевода заново проверен и исправлен. Вводная статья и комментарии пересмотрены и дополнены.

ДВИЖЕНИЕ «РАВНЫХ» И ИХ СОЦИАЛЬНЫЕ ИДЕИ

1

«При каждом крупном буржуазном движении, — говорит Энгельс, — вспыхивали самостоятельные движения того класса, который был более или менее развитым предшественником современного пролетариата»¹. Заговор Бабсфа является наиболее ярким примером такого движения, движения, отражающего во время буржуазной революции стремления пролетаризированных масс населения.

Борьба французской буржуазии против феодализма, борьба, достигшая наивысшего напряжения в буржуазной революции конца XVIII в., имела громадное историческое значение. Ликвидируя устаревший феодальный порядок, французская буржуазия делала большое прогрессивное дело, расчищала путь для дальнейшего движения вперед всего человечества. В этом смысле она, борясь за свои клас-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 19, стр. 191.

совые интересы, боролась за интересы общества в целом. С другой стороны, грань, отделяющая интересы трудящихся вообще, и рабочих в частности, от интересов возглавлявшей революционные массы буржуазии, была накануне и в начале революции еще не вполне для них ясна.

Своеобразное положение французской буржуазии в общественном движении XVIII в. не могло не отразиться на ее идеологии. Вдохновленная своей ролью всенародного руководителя, буржуазия могла подняться в своем идеологическом творчестве до больших высот. Буржуазные просветители XVIII в. в своей критической работе не оставили камня на камне от старой политической доктрины абсолютизма. В своей борьбе за освобождение умов от обветшалых традиций феодального порядка просветители противопоставили им незыблемые права человеческой природы и свободу человеческого разума. Конечной целью общественного союза они провозгласили благо человека, высшим законом государства — счастье народа. Буржуазное просвещение XVIII в. внесло немало новых и прогрессивных идей в сокровищницу общественной мысли. Немало дало оно и для дальнейшего развития коммунизма.

Радикализм буржуазных идеологов имел, однако, свои пределы. Исключительно смелая во многих своих теоретических построениях, их мысль не могла, однако, выйти за грани

буржуазного кругозора в вопросах, затрагивающих непосредственно классовые интересы буржуазии. Этим объясняется характерное для буржуазной идеологии XVIII в. противоречие: выдвигая в теории положения, подрывающие корни всякого порядка, основанного на эксплуатации человека человеком, всякого классового общества, ее представители предлагают на практике лишь идеализированное буржуазное общество, в котором сохраняется эксплуатация, хотя и в новых, не феодальных формах. Противоречие между высокими социальными идеалами (общее благо, наибольшее счастье наибольшего числа людей) и сохраняющимися в обществе эксплуатацией и неравенством составляло проблему, которую были неспособны разрешить даже самые радикальные буржуазные мыслители XVIII в.

Весь глубокий социально-политический смысл отмеченной нами двойственности в построениях предреволюционных мыслителей раскрыла до конца революция. Революция пробудила к политической жизни все слои населения. Без участия широких масс, деревенских и городских, она не могла бы двигаться вперед, она не могла бы победить. Эти вступавшие в борьбу крестьянские, мелкобуржуазные, предпролетарские и пролетарские массы приносили в революцию не только необходимую ей физическую силу, но и свои социальные настроения, свои — пусть еще далеко не ясные — социальные мечты и надежды. В классовой борьбе времен революции

теоретические противоречия предреволюционной эпохи выступают как противоречия интересов различных группировок внутри революционного лагеря. Практически эти противоречия, поскольку речь идет о буржуазных революционных группировках, были сняты открытым торжеством буржуазных принципов частной собственности и индивидуального накопления после 9 термидора, после разгрома защитников уравнилельных идей. Теоретический выход из противоречия могла дать лишь идеология растущего нового класса буржуазного общества — коммунистическая идеология пролетариата.

Французские рабочие вступали в буржуазную революцию, не осознав еще себя как особый общественный класс с особыми классовыми интересами. Но напряженная политическая и социальная борьба времени революции не могла пройти бесследно для самосознания пролетарских элементов французского общества. В первый период революции рабочие совместно с мелкобуржуазными слоями населения, не отделяя себя от них политически, боролись против господствовавшей в Учредительном собрании буржуазной верхушки, стремившейся сохранить ненавистные народу остатки старого режима. Рабочие принимали активное участие в борьбе парижских масс против монархии, в борьбе, завершившейся переворотом 10 августа 1792 г.

Из многочисленных клубов, возникавших в годы революции, наибольший интерес к соци-

альным вопросам проявлял «Cercle sociale» Фоме и Бонвилля. Программу этого клуба можно считать умеренно-уравнительной, хотя отдельные его представители в своих выступлениях приближались порой к построениям социалистическим. Фоме признавал право на существование естественным правом человека и выводил из него право каждого на землю. Право общества, утверждал он, выше прав частных лиц, и общество должно пользоваться своим правом в целях достижения равенства. Какое влияние имел «Социальный клуб» в рабочих кругах, сказать трудно.

Когда установилась якобинская диктатура, рабочие в своей массе на первых порах считали, вероятно, ее своим народным правительством. Якобинцы говорили от имени бедноты, от имени санкюлотов; они довели до конца разрушение старого порядка, удовлетворили ряд основных требований крестьянства. Но даже самые радикальные представители якобинского клуба и якобинского правительства не могли пойти в своей идеологии дальше мелкобуржуазного уравнительства со всей его половинчатостью в социальных вопросах. Рабочим якобинская диктатура не могла дать и не дала ничего существенного. «Весьма характерно для Робеспьера, — писал Маркс, — что в то время, когда «конституционность» в духе Собрания 1789 года считалась преступлением, достойным гильотины, все законы этого Собрания *против* рабочих продолжали сохра-

нять свою силу»². Социальные чаяния рабочих масс были еще весьма неопределенны, однако пробуждавшееся сознание того, что эти чаяния не могут быть удовлетворены якобинским правительством, вызывало недовольство и брожение. Парижские рабочие, несомненно, участвовали в движении «бешеных» и оказывали известную поддержку выступлениям левых якобинцев с их радикально-уравнительными лозунгами.

После 9 термидора, после установления ничем не прикрытого господства буржуазии, оглядываясь на пройденный путь революции, рабочие не могли не испытывать глубокого разочарования во всех тех рецептах исцеления общественных зол, какие предлагались политическими группировками, сменявшими друг друга у власти в процессе революции. Под влиянием классовой борьбы 1789—1794 гг. начинался процесс идеологического выделения предпролетариата как особой социальной группы из той плебейской массы, частью которой он признавал себя до этого времени. В его среде росло сознание того, что те или иные изменения в политическом строе еще отнюдь не обеспечивают улучшения положения рабочих; шла усиленная работа мысли в поисках каких-то новых путей разрешения социальной проблемы; укреплялось убеждение в том, что на этих новых путях нечего ждать помощи от тех социаль-

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма. 1947, стр. 159.

ных сил, в руки которых революция передала власть. Последовательного классового мирозерцания французские рабочие этой эпохи выработать еще не могли, но элементы, зачатки этого мирозерцания были уже налицо.

Бабувистское движение явилось политическим отражением этого процесса идеологического роста предпролетариата. Бабувисты попытались выразить в отчетливой форме смутные социальные чаяния рабочих, дать им организационное выражение. Вожди движения в большинстве своем принадлежали к тем представителям французской демократической интеллигенции, которые вступали в революцию с уверенностью в возможности добиться на ее путях реального улучшения социального положения масс. Некоторые из них и до революции, и в ходе революции не раз выступали в качестве сторонников уравнительных или коммунистических идей. Многие еще недавно боролись в рядах якобинцев, считая себя защитниками интересов плебейской массы, соединявшей в себе в нерасчлененном виде и мелкобуржуазные и пролетарские элементы. Процесс политической дифференциации плебейства вызывал соответственную дифференциацию и в среде его политических руководителей. Их левые, наиболее последовательные группы, разочарованные в достижениях революции, обращались к коммунизму как к единственному радикальному средству исцеления обществен-

ных зол, как к единственному лозунгу, могущему найти отклик в пролетаризированных массах населения. Этот поворот революционной интеллигенции к коммунизму составлял как бы идеологическую параллель процессу выделения рабочих из общей плебейской массы.

Как мы знаем, коммунистические идеи не были во время революции чем-то абсолютно новым. Коммунистические теории имели распространение во Франции уже в дореволюционное время. Среди них наибольшей последовательностью отличалась теория Морелли. Нет никакого сомнения в том, что бабувисты во многих отношениях, — и прежде всего в своих представлениях о будущем коммунистическом строе — были учениками предреволюционных коммунистов. Вождь «заговора равных» Бабеф уже в предреволюционные годы питал большой интерес к коммунистическим теориям, хотя, по-видимому, и проявлял иногда колебания, выдвигая предложения уравнительного характера. В 1787 г. в письме президенту Аррасской академии Дюбуа де Фоссе Бабеф ставил вопрос о возможности и целесообразности установления коммунистического порядка. «При общем состоянии имеющихся в настоящее время знаний, — писал Бабеф, — каково было бы положение народа, социальные установления которого обеспечивали бы господство между всеми его гражданами возможно более совершенного равенства, земля которого не принад-

лежала бы никому в отдельности, а была бы достоянием всех; наконец, все было бы общим, вплоть до продуктов всех видов производства? Соответствовали бы подобные установления естественному закону? Возможно ли, чтобы такое общество существовало; имеются ли практические средства достигнуть абсолютно равного распределения?» В одном из последующих писем Бабеф вновь возвращается к той же проблеме. Ссылаясь на некоего неизвестного нам «реформатора», Бабеф пишет: «Реформатор считает необходимым, чтобы все были в абсолютно равной мере обеспечены всем, чем можно пользоваться в нашем мире. Это может быть достигнуто установлением такого порядка, при котором никто не должен ничем владеть частным образом, а все должны пользоваться всем сообща». Такой порядок представляется Бабефу значительно более совершенным, чем современный. В заключение Бабеф выражает горячее желание одним из первых эмигрировать в республику, основанную на началах равенства.

В одном из неопубликованных дореволюционных писем Бабефа содержится интересная мысль о создании крупных сельскохозяйственных коллективов (*fermes collectives*). Бабеф исходит из того, что мелкие фермы препятствуют необходимому развитию сельского хозяйства, задерживают рост его производительности. Бабеф не ставит в рассматриваемом письме вопроса о разделе крупных земельных владений. Он считает, что подобное глубокое

преобразование в настоящий момент невозможно. Еще менее возможен был бы, по его мнению, переход к совершенно новому порядку, основанному на общности, хотя такой порядок и представляется ему желательным. Организацию «коллективных ферм» он предлагает, очевидно, как некоторый компромисс, преимущества которого в том, что он может быть осуществлен без радикальной ломки основ существующего порядка. Идеальным, окончательным решением социальной программы он свой проект не считает³.

В 1789 г. в предисловии к своей книге «*Cadaastre perpetuel*» Бабеф пытался наметить желательные, по его мнению, преобразования общественного порядка. Великая цель общества, говорит он, счастье народа. Люди имеют разные способности, которыми определяются их занятия. Все в соответствии со своими данными соучаствуют в обеспечении обществу разнообразных выгод. Общество составляет как бы единую семью, члены которой должны пользоваться равным благосостоянием и равными правами. Для того чтобы это равенство было обеспечено, необходимо прежде всего установить новый порядок пользования землей. Земля, говорит Бабеф, могла бы быть разделена на неотчуждаемые участки, предоставляемые пожизненно лицам, ее обрабатывающим. Такая система землепользования,

³ Текст письма, хранящегося в архиве ИМЛ, сообщен мне обнаружившим его В. М. Далиным.

согласно Бабефу, соответствует требованиям разума и законам природы. Как мы видим, в 1789 г. Бабеф наряду с положениями, сближающими его со сторонниками коммунизма, предлагает проект уравнительной аграрной реформы. Но уроки революции не прошли бесследно для Бабефа, как не прошли они бесследно для французского пролетариата. В 1793 г. Бабеф решительно, и даже с некоторой обидой, опровергает представление о нем как об «апостоле аграрного закона». Очевидно, уже до 1793 г. он пришел к твердому убеждению в невозможности компромиссных решений социальной проблемы, в необходимости установления порядка общности. Это убеждение он сохранил до конца своих дней, оно стало руководящим принципом всей его последующей революционной деятельности.

Используя наследие теоретиков XVIII в., с одной стороны, традиции революционного якобинства,— с другой, Бабеф и его соратники попытались дать ответ на запросы нового общественного слоя, начинавшего пробуждаться к самостоятельной политической жизни пролетариата. Разумеется, эта первая попытка по неизбежности несовершенна. В ней много элементов, отражающих незрелость классовых отношений, в частности незрелость французского рабочего класса. Тем не менее бабувистское движение составило, бесспорно, весьма значительный этап в истории домарксовского коммунизма. Коммунистическая пропаганда бабувистов имела ~~целью не только распропаган-~~

ние в узком кругу читателей правильных взглядов на способы разрешения социальных вопросов, эта пропаганда, происходившая в атмосфере, еще насыщенной возбуждением революционной поры, была рассчитана на то, чтобы поднять народные массы на новый революционный переворот во имя коммунизма. В этом коренное отличие коммунизма бабувистов от коммунизма дореволюционных теоретиков.

Поставив перед собой задачу революционным путем свергнуть существующий строй, бабувисты неизбежно должны были, с одной стороны, выдвинуть ряд новых вопросов, вовсе не существовавших для утопистов XVII—XVIII вв., с другой,—пересмотреть многое в их теоретическом наследии. И в том и в другом отношении бабувизм дал много ценного и интересного. Впервые в истории коммунизма бабувисты, наряду с основными контурами будущего коммунистического строя, наметили ряд непосредственных мероприятий, с одной стороны, облегчающих положение бедноты, с другой,—подавляющих сопротивление враждебных революции сил. Впервые в истории коммунизма они сделали попытку разрешить проблему организации власти после победоносной революции, выдвинув идею революционной диктатуры трудящихся, попытались дать характеристику процесса этого преобразования, его основных этапов.

2

Бабувизм возник в обстановке революции. Бабувисты ставили себе непосредственной целью насильственный переворот, насильственный захват власти. Перед их глазами прошла борьба революционного периода, они сами были не только свидетелями, но и участниками ожесточенных классовых битв. Они не могли представлять себе ход истории так, как представляли его себе дореволюционные просветители. Рационалистическая схема Морелли была явно недостаточна для понимания революционной действительности, она была еще более недостаточна для обоснования революционных планов. Бабувисты, как и их предшественники, верили в то, что будущий общественный строй, за который они борются, есть естественный строй, соответствующий естественным свойствам человеческой природы. Но мы не находим у них характерной для большинства дореволюционных мыслителей идеализации естественного состояния как исходного пункта истории человечества. Первобытное общество, по их представлению, отнюдь не отвечало требованиям естественного права. Естественное состояние — случайное и несовершенное состояние. Это — продукт первых впечатлений и невежества. Естественное право — результат опыта и рефлексии; его положения вытекают из природы вещей, но для их открытия требуется работа разума⁴.

⁴ Ph. Buonarroti. Conspiration pour l'égalité, dite de Babeuf. Bruxelles, 1828, II, p. 215.

Природа дала всем людям равное право пользоваться ее благами. Равенство — основной принцип естественного права. Целью общества, сменившего естественное состояние и основанного на законах, должна была стать охрана равенства от сильных и злых; общественный договор должен был обеспечить *общее* благосостояние. «Все люди, — писал Бабеф в своей газете «Трибун народа», — имеют право на счастье, и целью их соединения в общества является прочное обеспечение каждому из них достаточных средств к существованию»⁵. Однако этого нет нигде. Гражданские законы — варварские законы всеобщего грабежа. Естественное право не реализовано в праве положительном. Везде царит неравенство, имеющее своим источником частную собственность⁶. Основной причиной этого разрыва между естественным правом и действительностью является своекорыстный и злонамеренный заговор одной части общества против другой. Невежество масс лишь обеспечивает успех этого заговора. Поэтому, чтобы добиться реализации естественного права, недостаточно просвещения, необходима *борьба* за право. Общественный договор, если он не соответствует естественному праву, должен быть расторгнут силой.

Необходимость борьбы за право бабувисты обосновывали характеристикой исторического

⁵ «Le Tribun du peuple», N 14.

⁶ Ph. Buonarroti. Op. cit., I, p. 84.

процесса, как «непрерывной борьбы между патрициями и плебеями». «Эта борьба между плебеями и патрициями, между бедными и богатыми, — говорит Бабеф, — начинается не только с того момента, когда она открыто объявлена; она идет вечно, она начинается вместе с появлением институтов, стремящихся передать все богатства одним, и отнять все у других»⁷. Одни заинтересованы в сохранении этих институтов, другие — в их разрушении и в установлении естественного права, согласно которому целью общежития является всеобщее благо. Просвещению бабувисты отводят в своей теории большую роль, но оно является для них лишь одним из условий и средств борьбы. Для богатых самым надежным оплотом является невежество бедных, их уверенность в неизменности существующего положения. Но под давлением тяжелых жизненных условий к массам неизбежно приходит в конце концов просвещение — понимание того, что их обкрадывают. «Восстание угнетенных против угнетателей обыкновенно вспыхивает тогда, когда большинство доведено до нестерпимого положения, — писал Бабеф. — Только тогда масса начинает задумываться над естественными правами человека, только тогда людям становится ясным, что природа создала каждого человека равным в правах и потребностях со всеми его братьями». Только тогда начинают они понимать, что их бед-

⁷ «Le Tribun du peuple», N 34.

ственное положение является результатом господствующих в обществе законов, составляющих ужасный кодекс грабительства.

«Когда народ совершает революцию,— говорил Бабеф в своей защитительной речи,— это значит, что воздействие дурных учреждений так сжало пружины общества, что большая его часть не может более оставаться в прежнем положении...». «В настоящее время гангрена мнимого права собственности распространилась настолько, что не осталось ни одного не охваченного ею места»⁸. Это создает благоприятные условия для торжества естественного права. Настоящая эпоха — наиболее благоприятна для достижения этой цели. Люди, когда они учреждали право собственности, не предвидели всех тех бедствий, к которым она приведет. С течением времени порядок собственности начали считать естественным, неизменным и фатальным. Невежество, предубеждение и власть соединились для утверждения этого мнения. Сейчас, когда пагубные последствия собственности ясны, нет препятствий к тому, чтобы народ, естественно стремящийся к своему благу, торжественно заявил, что он желает жить в единственном мирном и счастливом порядке. Французская революция показала, что даже самые древние злоупотребления не являются неискоренимыми.

⁸ «Le Tribun du peuple», N 31, 34 et 37; V. A d - vielle. Histoire de Gracchus Babeuf et du babouvisme d'après de nombreux documents inédits, v. II, Paris, 1884, p. 30.

Неужели можно думать, что негодование 24 миллионов ничего не в состоянии достигнуть? Правительство принимает все меры, чтобы потушить это негодование. Но этим оно только концентрирует взрыв. Пагубные последствия права собственности достигли крайних пределов. Корни собственности по большей части уже подгнили, все дерево готово рухнуть от первого серьезного толчка. Экспроприируйте массу, отдайте ее во власть кучки прожорливых эксплуататоров — и роковой институт частной собственности уже потерял свою непоколебимую прочность. «Когда масса лишена возможности существовать и не обладает ничем, когда вся сумма общего богатства присвоена немногими... общий переворот в системе собственности становится неизбежным»⁹. Экспроприированная масса не может не стремиться к низвержению существующего порядка и к установлению порядка, при котором плоды будут принадлежать всем, а земля — никому.

С точки зрения исторической концепции Бабефа французская революция есть последний эпизод в вечной борьбе между патрициями и плебеями. «Я различаю,— говорит Бабеф,— две партии, диаметрально противоположные одна другой и по своим системам и по своим планам общественного управления. Я верю, что обе они хотят республики, но каждая хочет республики на свой лад. Одна хочет рес-

⁹ V. Advielle. Op. cit., v. II, p. 30—31.

публики буржуазной и аристократической. Другая хочет, чтобы республика оставалась народной и демократической. Одна хочет республики одного миллиона граждан, которые неизбежно будут врагами, повелителями, эксплуататорами, угнетателями, кровопийцами для остальных 24 миллионов; этот миллион — тот слой, который в течение веков пребывает в праздности за счет нашего пота и нашего труда. Вторая партия хочет республики для этих 24 миллионов, которые заложили ее основы, которые цементировали ее своей кровью, которые питают отечество, снабжают его всем необходимым, защищают его, умирают во имя его безопасности и славы. Первая партия желает сохранить в республике патрициев и плебеев, небольшое число привилегированных и господ... и большинство, сведенное к уровню илотов и рабов; вторая партия желает для всех не только равенства в правах, но и достойного благосостояния, равного обеспечения всех физических потребностей, всех социальных преимуществ, справедливого вознаграждения за труд, который каждый отдает общему делу»¹⁰.

Французская революция не привела пока к тем результатам, к которым она должна была привести. В то время, как трудящийся класс проявил в революции чудеса самопожертвования и добродетели, прочие слои населения все время противодействовали общественному

¹⁰ «Le Tribun du peuple», N 29.

возрождению. Французская революция шла вперед до 9 термидора; с этого момента она пошла назад. «Она не доведена до конца, так как не сделано ничего для обеспечения блага народа; наоборот, сделано все для того, чтобы заставить народ вечно проливать свой пот и свою кровь, собираемые в золотые сосуды кучки ненавистных богачей»¹¹. Одна группа терранов отняла силу и власть у другой. Пока положение останется таким, как сейчас, самая свободная политическая форма пойдет на пользу только тем, кто может обойтись без труда. Масса народа, подчиненная необходимости тяжелого и неизбежного для нее труда, не может разобраться в общественных делах, не может даже участвовать в собраниях, где они обсуждаются. Там, где существует неравенство, использование беднотой ее прав является иллюзией. Революцию нужно продолжить, пока она не станет народной революцией, пока она не найдет своего необходимого завершения. Иногда бабувисты выражают эту мысль иначе: французская революция — предтеча новой, более великой революции, которая будет революцией последней¹².

Те, кто утверждает, что революция окончена, являются врагами народа. На самом деле завершена не революция, а контрреволюция. Революция — благо для всех. Контрреволюция — несчастье для большинства. Истинная революция — революция масс; революция,

¹¹ «Le Tribun du peuple», N 36.

¹² Ph. Buonarroti. Op. cit., II, p. 131.

которую может совершить только сам народ, установив подлинную демократию, навсегда обеспечит счастье народа. Именно такой революции, говорит Бабеф, мы и хотим¹³.

Ясно понимая контрреволюционный характер правительства Директории, Бабеф считает, что несчастья масс дошли до такого предела, что народ в определенный момент готов вступить в бой против правящей касты. Это революционное настроение масс, утверждает он, не может не вызывать страха у буржуазии. Богатые не могут не видеть, до какой степени их ненавидят угнетаемые ими массы. В такой ситуации, с редкой прозорливостью указывает Бабеф, не стоим ли мы перед вероятностью военного правительства, которое в интересах богатых подавило бы и навсегда устратило санкюлотов?

Правящая каста утверждает, что она грабит массы на законном основании. В действительности ограбление большинства могло быть осуществлено лишь при посредстве отвратительных учреждений, созданных правительствами при помощи основных законов. Патриции-стяжатели и правящая каста являются сообщниками. Законы отдали все общество на разграбление небольшой группе захватчиков; законы составляют как бы кодекс грабительства. Если наиболее полезная часть общества оказывается экспроприированной, то это могло произойти лишь в результате ряда махи-

¹³ «Le Tribun du peuple», N 36.

наций, опирающихся на существование законов, благоприятствующих жадности и тщеславию¹⁴. Свои общие положения о грабительской сущности законов Бабеф иллюстрирует примером «принудительного займа у богатых», доказывая, что по существу этот заем является принудительным займом у бедных¹⁵.

Интересам эксплуатации служит также, по мнению Бабефа, существующая система воспитания, при которой массы коснеют в невежестве и предрассудках. Орудием в руках правительства служит и пресса. Мнения правят миром, напоминает Бабеф формулу просветителей XVIII в. Но видимые властители используют этого невидимого властелина для упрочения своего господства. Можно пожалеть об участи народа, восклицает Бабеф, когда его просвещают те, чьи интересы требуют его гибели¹⁶. Наконец, когда наглость правительств и мера их злодеяний достигают высшей точки, когда долготерпение и легковерие народа истощены, правящие обращают взоры на армию и устанавливают военный режим, чтобы держать массы в покорности.

Резко осуждая, как мы видим, существующий политический порядок, государство, его законы и его политику, Бабеф протестует против обвинения его и его сторонников в анархизме. «О нас говорят, что мы анархи-

¹⁴ «Le Tribun du peuple», N 34.

¹⁵ «Le Tribun du peuple», N 39.

¹⁶ «Le Tribun du peuple», N 35.

сты. Но подлинные дезорганизаторы общества — не мы, а те, кто объявляет контрреволюцию революцией, кто защищает порядок, осуждающий на бедствия и смерть большинство населения. Я называю организацией порядок, противоположный существующему, обеспечивающий благосостояние масс. Организаторами я именую тех, кто трудится над созданием и обеспечением этого благосостояния»¹⁷.

Несмотря на все средства, которыми располагают правительства, они не в состоянии предотвратить рост революционных настроений в народе. «Если вы доводите меня, — говорит Бабеф, — до такого положения, что я не в состоянии приобрести ни хлеба, ни дров, ни одежды... если вы затыкаете мне рот, когда я высказываю справедливые жалобы, вы доводите меня до границ отчаяния, и все вынуждает меня размышлять о причинах моих бедствий. Нетрудно понять, что причина — в вас, в тех, кто всем управляет и всем руководит. Так как каждому ненавистна причина его страданий, я неизбежно буду ненавидеть вас, считать вас своими врагами»¹⁸.

В предвидении народной революции, заявляет Бабеф, друзья народа, глубоко убежденные в том, что без народа нельзя сделать ничего значительного, должны полностью довериться народу, должны со всей откро-

¹⁷ «Le Tribun du peuple», N 36.

¹⁸ «Le Tribun du peuple», N 31.

венностью и прямоотой сказать ему правду. Опыт истории учит, что хитросплетения и уловки, применяемые в политике котериями, приводят лишь к тому, что народ утрачивает энергию, теряет уверенность, начинает колебаться и в конце концов дает возможность беспрепятственно утвердиться тирании.

Спасение отечества, утверждает Бабеф, нельзя ожидать ни от правителей, ни от каких-либо иных «освободителей». Спасение может принести лишь Союз равных — эта организация добродетельных и мужественных людей. Только они способны вырвать страну из рук партий, составляющих против нее заговоры. Однако, для победы «равных» Бабеф считает необходимым создание своего рода демократического фронта, объединение всех «свободных» людей, разумея под этим, очевидно, демократические группы, не входившие в организацию равных. Эти люди, говорит он, также хотят торжества равенства, уничтожения аристократии 1795 г. и роялизма, хотят счастья для французского народа. Они отличаются от равных лишь в определении пути, по которому следует идти к этим целям. Они могут объединиться во имя низвержения тирании и освобождения народа от угнетателей. Необходимо противопоставить роялизму национальную волю. Это приведет нас к блестящей победе. К сожалению, добавляет Бабеф, друзья свободы не пришли еще к единству, которое должно составлять их силу. Они склонны забывать о великом це-

лом, которое их объединяет, и придают слишком большое значение частностям, которые их разделяют. В заключение этих рассуждений о необходимости единства Бабеф указывает и лозунг, вокруг которого может произойти такое объединение: этот лозунг — восстановление Конституции 93 года¹⁹.

Бабеф не верит в возможность устранения зол общественного порядка на путях компромисса, частичных улучшений. Ожидаемая и подготавливаемая им революция не должна останавливаться на полдороге. Она должна довести свое дело до конца. Старый режим угнетения, предрассудков и суеверий необходимо уничтожить, писал Бабеф в письме Жермену 25 июля 1795 г.; если этого не сделать, то народ вынужден будет вновь начать все сначала. Необходимо, чтобы экспроприированные не имели возможности вновь установить режим узурпации. Надо сделать так, чтобы их эгоистические сожаления не смягчались никакими надеждами. Если бы я мог, я бы разбил в прах все прошлое, я бы одним ударом воздвиг все то, чего требует общество равных²⁰.

¹⁹ Проспект газеты «Le Tribun du peuple»; «L'Eclairateur du peuple», N 5. Цит. по кн.: G. B a b e u f. Textes choisis. Préface, commentaires et notes explicatives par G. et Cl. Willard. Paris, 1951, p. 64—65, 67—68.

²⁰ B a b e u f. Lettres à Germain 28 juillet 1795.— Pages choisies de Babeuf. Avec une introduction et une bibliographie critique par M. Dommanget. Paris, 1935, p. 207—221; см. также G. B a b e u f. Textes choisis, p. 83.

В будущем обществе, говорит Бабеф в том же документе, характеризуя основные принципы своего общественного идеала, все должны участвовать в производстве и в потреблении, все потребности должны быть удовлетворены, никто не должен страдать ни от нищеты, ни от утомления. В обществе не должно быть ни высших, ни низших, ни первых, ни последних, ни эксплуататоров, ни эксплуатируемых; усилия всех сограждан будут соединены для достижения великой братской цели общего благосостояния. Во всех отношениях будет царить справедливость, лояльность, честность и искренность. Не будет ни купцов, ни негоциантов, если не считать таковыми агентов системы распределения. Все работники производства будут поставлять продукты своего труда в общие магазины; а работники системы распределения будут доставлять всем гражданам равные, но разнообразные доли общей массы продуктов производства в компенсацию за то, что они сделали для увеличения этой массы или для ее улучшения. Такой порядок, очевидно, будет выгоден для всех. Следует еще раз отметить, продолжал Бабеф, что все мы — за исключением детей, стариков и инвалидов — каковы бы ни были наши функции, будем агентами этой хозяйственной системы. В ней все будут объединены на основах совершенного равенства: крестьяне, рабочие и ремесленники, артисты и ученые, работники магазинов и агенты распределения. Все объединенные в этой системе про-

фессии будут подняты до некоторого общего уровня. Само собой разумеется, что все это не относится к внешней торговле: внешняя торговля будет существовать поскольку она не вредна для ассоциации. Она будет служить одним из орудий политики, пока высокий принцип равенства и всеобщего братства не станет единственной религией народов и не найдет повсеместного применения. Мало-помалу границы, являющиеся результатом плохого управления, исчезнут и круг человеческих отношений расширится.

Наши учреждения (т. е. учреждения, предлагаемые равными), всё упорядочивают и разумно направляют и не упраздняют ничего, за исключением того, что противоречит справедливости. Все виды полезного труда будут сохранены. Но ассоциация будет внимательно следить за тем, чтобы ни один из них не производил ни больше, ни меньше необходимого. Она будет определять число граждан, которые должны быть заняты в каждой профессии, и количество молодежи, которая должна к ней готовиться. Все будет соответствовать как существующим потребностям, так и потребностям, предусматриваемым в связи с ростом населения. Все реальные потребности будут учитываться и полностью удовлетворяться; в случае необходимости те или иные продукты будут перебрасываться из одной местности в другую. С того момента, как индустрия начнет служить интересам нации, она потеряет свой характер раздроблен-

ной индустрии. Каждая мастерская будет составлять часть большой мастерской, все продукты будут учитываться как части общей массы ресурсов республики. Каждый будет свободно трудиться, выполняя возложенное на него задание. Каждый будет убежден, что его труд обеспечит достаточное удовлетворение его потребностей и потребностей его семьи. Если кто-либо изобрел новую машину или новый прием, упрощающий и сокращающий труд, он не должен бояться, что у него украдут его секрет. Он передаст этот секрет ассоциации для хранения в ее архивах; его использование увеличит досуг не только изобретателя, но всех трудящихся в данной отрасли, причем никто не должен будет бояться безработицы, вызываемой новыми машинами в настоящее время. Общество примет на себя заботу о детях, о стариках и о больных. По отношению к детям это как бы аванс тем, кто в зрелом возрасте будет трудиться на общество. По отношению к старикам и больным это будет выполнением долга гуманности.

Равенство в распределении продуктов, говорит Бабеф, основывается на строгом равенстве в труде с учетом природных, интеллектуальных и физических способностей каждого. Все паразиты, пользующиеся сейчас излишним, обвиняют нас в том, что мы хотим вернуть общество к варварству. Они называют нас вандалами, желающими уничтожить науки, искусства и индустрию. В действительности наука, искусства и индустрия не только не по-

гибнут — они получают новый импульс к своему развитию. Изменится лишь то, что они будут служить общественной пользе. Они не будут более рабски приспосабливаться к желанию меценатов, они поднимутся к грандиозным обобщениям, достойным подлинной цивилизации²¹.

В 1796 г., незадолго до ареста руководителей движения, бабувисты сочли необходимым опубликовать документ, как бы подводящий итоги пропаганде Бабефа и предшествовавшему обсуждению проблем революции. Этот программный документ носил название «Анализ доктрины Бабефа». Он состоял из 15 статей, каждую из которых сопровождали пояснения. «Анализ доктрины» дает наиболее сжатое общее изложение основных принципов бабувизма²².

3

Дореволюционные коммунисты не представляли себе, какие конкретные задачи встанут перед ними в процессе перехода от существующего строя к строю, который они считали совершенным. Непосредственно, практически, они вопроса о социальном перевороте перед собой не ставили; не задумывались они поэтому ни о его условиях, ни о его этапах. Поло-

²¹ «Lettre à Germain». 28 juillet. 1795.— G. B a b e u f. Textes choisis, p. 89—93, 94. Этот взгляд на науки и искусства, как мы увидим ниже, разделялся не всеми равными.

²² Ph. B u o n a r r o t i. Op. cit., II, p. 137—150.

жение бабувистов, стремившихся путем насильственного захвата власти получить возможность коммунистического переустройства общества в интересах трудящихся, было совершенно иным. Они не могли отмахнуться от непосредственных интересов тех социальных слоев, которыми и для которых переворот совершался. Французская революция многому научила; ограничиться рассуждениями о необходимости просвещения было в 1795 г. для бабувистов совершенно невозможным.

Бабувисты прекрасно понимали — они узнали это из опыта революции — что для прочности правительства, захватившего власть в результате удачной революции, для того, чтобы это правительство могло удержаться у власти сколько-нибудь длительный период, в который оно могло бы осуществить свою программу общественных преобразований, необходимо закрепить узы, связывающие его с теми общественными слоями, в интересах которых оно действует, посредством мероприятий, дающих немедленный эффект²³. Бабувисты намечают целый ряд таких мероприятий.

Время бабувистского движения было чрезвычайно тяжелым временем для парижской бедноты, страдавшей и от недостатка съестных припасов, и от дороговизны, и от удручающих жилищных условий. Роскошь нажившейся на революции новой буржуазии резко подчеркивала бесплодность революции с точки

²³ Ph. Buonarroti. Op. cit., II, p. 155—196.

зрения самых насущных потребностей плебса. С этой обстановкой бабувисты должны были неизбежно считаться, поднимая плебс на новое восстание.

Понимание руководителями заговора всего значения этой проблемы нашло свое отражение в документе, намечающем первые мероприятия революционной власти, так называемом Акте о восстании²⁴. «Народ,— говорится в этом документе,— захватит в свои руки государственное казначейство, почту, дома министров, все общественные и частные магазины, в которых имеются съестные припасы... Съестные припасы всякого рода будут вынесены для раздачи народу на площади, все пекари будут мобилизованы для непрерывной выпечки хлеба, который будет бесплатно распределяться среди народа; им будет заплачено согласно их заявлениям». Далее в том же акте идет мера более длительного значения, в которой проявляется внимание бабувистов к жилищным нуждам бедняков: «Бедняки по всей республике будут немедленно вселены в дома заговорщиков и снабжены мебелью». Затем намечается способ облегчения задолженности бедняков: «Предметы, принадлежавшие народу и заложенные в ломбарде, будут немедленно возвращены ему безвозмездно». В заключение бабувисты обещают провести мероприятия, направленные к частичному перераспределению имущества: «Все имущества эмигрантов, заговорщиков и дру-

²⁴ Документ опубликован в кн. Буонарроти (Pb Buonarroti. Op. cit., II, p. 244 sqq.).

гих врагов народа будут безотлагательно распределены между защитниками отечества и бедняками»²⁵. Один из пунктов приведенной нами программы мероприятий повторяется в другом бабувистском документе, вступительная часть которого дает этому мероприятию общее обоснование. «...Народ,— говорится здесь,— долгое время убаюкивали пустыми обещаниями... Настала, наконец, пора действительно позаботиться о его благе — этой единственной цели революции. Принимая во внимание, что величественное восстание настоящего дня должно навсегда уничтожить нищету — этот постоянный источник всякого угнетения,— Повстанческая директория общественного спасения постановляет:

1. По окончании восстания неимущие граждане, находящиеся в настоящее время в плохих помещениях, не возвратятся в их обычные жилища: они будут немедленно вселены в дома заговорщиков.

2. У вышеупомянутых богачей будет изъята мебель, необходимая для того, чтобы с удобствами обставить жилища санкюлотов»²⁶.

Таким образом, установившаяся в результате революции власть оказывает немедленную и реальную помощь тому общественному слою,

²⁵ Ph. Buonarroti. Op. cit., II, p. 251—252. Под заговорщиками везде в тексте декрета понимаются правящие круги, контрреволюционеры — заговорщики против общего блага.

²⁶ Ph. Buonarroti. Op. cit., II, p. 284.

в интересах которого революция совершена и в котором новая власть видит свою опору. В то же время, отбирая имущество у контрреволюционных элементов (у «заговорщиков»), революционное правительство лишает их ряда средств борьбы с революционным преобразованием. Бабувисты прекрасно понимают, как важно обезвредить врагов революции. «Железной рукой нужно подавить всех противников». Это положение революционной тактики Бабеф и его друзья твердо усвоили и не раз формулировали. Экспроприация богатых является, таким образом, для бабувистов составной частью системы террора, направленной против враждебных революции сил.

Старые власти, правившие страной в силу буржуазной конституции III года,— Директория, Совет пятисот и Совет старейшин,— должны быть после переворота не только немедленно низложены, но и преданы суду народа²⁷. Этой теме бабувистами был посвящен особый проект постановления, во вступительной части которого Повстанческий комитет заявляет, что наказание неверных уполномоченных народа и узурпаторов народного суверенитета является долгом восставших по отношению ко всему народу. Исходя из этого положения, документ провозглашает: «Узурпация и тирания членов обоих Советов и Исполнительной директории очевидны. Закон

²⁷ См. уже упомянутый «Акт о восстании».— Ph. Buonarroti. *Op. cit.*, II, p. 250.

(в сноске указана 27-я статья Декларации прав 1793 г.) карает смертью узурпаторов народного суверенитета»²⁸. Их может помиловать только сам народ решением своих секционных собраний. В дальнейших параграфах намечаются меры, которые должны ускорить наказание изменников. Заслуживает внимания, что бабувисты наряду с категорией заранее признанных виновными «изменников» — членов правящих корпораций — выделяют также, следуя традиции Конвента, особую категорию «подозрительных»; к ней они относят всех «не трудящихся».

Утописты XVI—XVIII вв. сохраняли в своих построениях государственную власть как политическую форму сложившегося коммунистического общества. Но они мало внимания уделяли вопросу о том, как должна быть организована власть в период перехода от существующего порядка к коммунистическому, — власть, строящая коммунизм. В своих рассказах о возникновении изображаемого ими идеального порядка они чаще всего ограничивались ссылкой на деятельность мудрого и доброго законодателя. Для бабувистов, готовившихся к революции во имя коммунизма, вопрос об организации власти в переходное время между переворотом и полным утверждением коммунизма был вопросом самой острой актуальности. Постановка проблемы государства переходного периода со-

²⁸ Ibid., II, p. 285.

ставляла значительный шаг вперед в истории коммунистической мысли. Еще существеннее для дальнейшего развития коммунизма было намеченное бабувистами решение этой проблемы.

Критикуя политический режим, установленный Конституцией 1795 г., бабувисты противопоставляли ему демократическую Конституцию 1793 г. Лозунг возвращения к Конституции 1793 г. был близок и понятен всем, кто оставался в эпоху Директории верен якобинским традициям. Конечно, бабувисты не всё одобряли в Конституции 1793 г., в частности, они осуждали ее отношение к собственности²⁹. Но они рассчитывали, что недостатки этой конституции можно будет легко исправить. К тому же ввести ее в действие сразу же после переворота они, как увидим, не считали возможным. Тот политический режим, который они предполагали установить, свергнув Директорию и захватив власть в свои руки, был весьма далек от Конституции 1793 г.

Пройдя школу революционных лет, считая себя продолжателями дела якобинцев, бабувисты прочно усвоили идею революционной диктатуры. После победы народа, полагали они, должна быть установлена твердая революционная власть. Однако в вопросе о форме этой власти бабувисты отнюдь не повторяли якобинцев; эти формы во многом новы и сво-

²⁹ Ph. Buonarroti. *Op. cit.*, I, p. 98.

еобразны, определяясь новой политической обстановкой и новыми социальными целями.

Народ, говорит Буонарроти в своей истории заговора, мнения которого образовались в период неравенства и деспотизма, мало способен в начале революции избрать людей, пригодных к тому, чтобы ею руководить и ее завершить... Именно из уважения к реальному суверенитету народа нужно заботиться не столько о том, чтобы собирать голоса, сколько о том, чтобы передать власть в руки мудрых и твердых революционеров³⁰. Принимая во внимание эти соображения, бабувисты предполагали, свергнув старую власть, сначала образовать «Национальное собрание» путем его провозглашения восставшим парижским народом. Список членов этого Собрания должен был составить и предложить народу революционный комитет. Впоследствии, как рассказывает Буонарроти, бабувисты приняли решение заключить союз с группой старых якобинцев — бывших членов Конвента. В связи с этим решением в первоначальные предположения о составе «Национального собрания» были внесены изменения. Было решено восстановить Конвент в составе тех его членов, которые не скомпрометировали себя контрреволюционной деятельностью, лишь пополнив его согласно первоначальному плану.

Эти колебания бабувистов были вызваны явным образом соображениями конъюнктурного характера, политической обстанов-

³⁰ Ph. Buonarroti. Op. cit., I, p. 253, 282—283.

кой момента. Для понимания политических идей бабувистов в их существо необходимо от рассказа Буонарроти обратиться к приводимому им документу — к составленному руководством движения проекту «Декрета об управлении». Положения этого проекта представляют большой исторический интерес: они, несомненно, вносят новые черты в старую концепцию революционной диктатуры. По словам Буонарроти, руководящий комитет не успел окончательно утвердить проект ввиду последовавшего ареста. Но проект, конечно, отражал мнения, господствовавшие в среде бабувистского руководства.

Первая статья декрета гласит: «Лица ничего не делающие для отечества не могут пользоваться никакими политическими правами; они — иностранцы, которым республика оказывает гостеприимство». Вторая статья разъясняет, что «ничего не делают для отечества те, кто не служит ему полезным трудом». Третья статья перечисляет занятия, которые считаются в республике полезными. Это — земледелие, скотоводство, рыболовство, судостроение, механические и ремесленные мастерства, розничная торговля, транспорт, военное дело, преподавательская и научная деятельность. Преподавание и научная деятельность не случайно поставлены на последнем месте: статья четвертая указывает, что лица, занимающиеся наукой и преподаванием, должны представить удостоверения о своей граж-

данской честности, и лишь в этом случае их труд будет признан полезным³¹.

Таким образом, политический идеал бабувистов — республика трудящихся, причем только физический труд является в ней бесспорным основанием для приобретения прав гражданина.

Признание человека гражданином или иностранцем имеет весьма существенное значение. Иностранцы находятся под постоянным и прямым надзором администрации, которая может выслать их из места их жительства, может их помещать в случае надобности в исправительные учреждения. В то время как граждане снабжаются оружием, иностранцы должны сдать свое оружие под страхом смерти. Иностранцам воспрещено посещение общественных собраний. Для подозрительных иностранцев приспособляются специальные места заключения. Словом, положение иностранцев (а в этом положении оказываются, очевидно, духовенство, дворянство, значительная часть буржуазии и лиц так называемых свободных профессий) — это положение человека, перед которым плотно закрыты двери собраний, где решаются вопросы политической жизни страны, и всегда раскрыты двери тюрьмы.

В разработке проблемы политического строя переходного к коммунизму периода бабувисты не имели учителей. Революционная

³¹ Ph. Buonarroti. Op. cit., II, p. 301—302.

диктатура бабувистов, конечно, не есть диктатура пролетариата. До этой идеи они не могли подняться; для этого не было предпосылок ни в социальных условиях Франции их времени, ни в их понимании исторического процесса. Они мечтали установить для переходного периода диктатуру трудящихся вообще. Но и это было большим шагом вперед по сравнению с представлениями их предшественников — утопистов XVI—XVIII вв.

4

Наиболее тщательно была разработана у ранних утопистов (конечно, в плане фантастического построения) проблема структуры идеального коммунистического общества. Готовую схему такого общества бабувисты могли найти у своего непосредственного учителя — Морелли. Тем не менее и здесь бабувисты дали немало нового, и опять-таки потому, что в отличие от Морелли они ставили проблему преобразования общества как проблему практическую, настоятельно требующую своего разрешения. Морелли дает нам изображение коммунистического общества в готовом виде. Таково оно должно быть. У Морелли совершенно не показан путь к этому обществу от общества современного, динамика общественного переустройства. Для бабувистов вопрос о том, как и в какой последовательности строить новое общество, был не менее важен, чем вопрос о конечной цели этого строительства. В истории социальной мысли и в этом отноше-

нии бабувизм является звеном исключительного значения.

Бабувисты считали необходимым немедленно после переворота оформить в виде закона основные принципы коммунистического порядка. Особый декрет должен был провозгласить, что право индивидуальной собственности не основывается на естественном законе, что оно является изобретением гражданских законов и может быть поэтому изменено или отменено; что собственность на все имущество, находящееся на национальной территории, едина и принадлежит народу, который один только имеет право распределять пользование ею.

Порядку, основанному на частной собственности, должен, таким образом, прийти на смену порядок, в котором право собственности будет заменено правом каждого на существование в равных для всех условиях, в котором граждане будут получать от должностных лиц нужные им предметы на правах пользования или узуфрукта³². Однако бабувисты не находят желательной и возможной немедленную и всеобщую экспроприацию собственников. Вышедшее из революции государство трудящихся должно, по их мнению, немедленно принять меры к построению коммунистической организации. Но государство никого не принуждает вступать в эту организацию. Согласно первой статье подготовленного бабувистами экономического декрета в республике учреж-

³² Ph. Buonarroti. Op. cit., I, p. 207—208.

дается национальная община (*Une grande communauté nationale*)³³. Этой общине, представляющей как бы исходный пункт в организации коммунистического порядка, передаются в первую очередь имущества, объявленные в свое время национальными и не проданные до 9 термидора (сделки, заключенные после дня падения Робеспьера бабувистами не признаются), имущества врагов революции, имущества отошедшие к республике в силу судебных приговоров и т. д. Далее, община получает старые общинные земли и земли, не обрабатываемые владельцами. Наконец, к ней же переходят те помещения, которые заняты беднотой в силу акта о восстании, а также имущества, узурпированные людьми, обогатившимися при исполнении общественных обязанностей или присужденными к принудительным работам за негражданское поведение, лень и роскошь. Ко всем этим видам имущества присоединяется имущество тех, кто пожелает добровольно отдать его общине: «Республика призывает добрых граждан содействовать успеху преобразования добровольным отказом от своего имущества в пользу общины»³⁴. Следует отметить, что в своей газете «Трибун народа», опровергая направленную против равных декларацию Директории, Бабеф утверждал, что равные стремятся уничтожить лишь колоссальные состояния, что

³³ Ph. Buonarroti. Op. cit., II, p. 375.

³⁴ Ibid., II, p. 307.

положение мелких собственников и мелких лавочников они стремятся сохранить и упрочить³⁵.

Вначале община состоит из лиц, вступающих в нее добровольно, желающих сообща работать на коммунистических началах. Очевидно, бабувисты рассчитывали, что в общину охотно пойдет беднота, которая мало теряет, отказываясь от собственности, и много выигрывает, вступая в общину, обладающую значительным имуществом. В дальнейшем, однако, ряд мер косвенного принуждения должен был способствовать расширению общины. С известной даты только за членами общины сохраняются права гражданства. Все те, кто не войдет в национальную общину, все, кто пожелает сохранить свое частное хозяйство, будут считаться «иностранцами», а положение «иностранцев», как мы уже знаем, имеет в системе бабувистов весьма неприятные особенности. Но кроме этого, на всех, не состоящих членами общины, бабувисты налагают весьма существенное хозяйственное бремя. Они платят государству тяжелый налог в натуральной форме — продуктами своего труда. Члены общины от этого налога совершенно свободны. Наконец, частные собственники заинтересованы в собственности лишь постольку, поскольку они могут эксплуатировать чужой труд. Между тем, при существовании рядом с их хозяйствами большой национальной общины

³⁵ «Le Tribun du peuple», N 43.

они вряд ли найдут рабочих, которые пойдут к ним работать, имея полную возможность вступить в общину. Таким образом, многое должно толкать собственников к отказу от собственности и к вступлению в общину. Для следующего поколения вступление в общину является уже неизбежным. Право наследования бабувисты в своем государстве трудящихся полностью отменяют. Все имущества, принадлежащие в момент переворота частным лицам, по их смерти отходят к национальной общине³⁶.

Хозяйство национальной общины носит в проектах бабувистов подчеркнуто централизованный характер. Как бы стремясь отмежеваться от сторонников хозяйственного дробления, они называют национальную общину *большой*. Носителем хозяйственного единства общины является центральная администрация, которая собирает сведения о силах и потребностях общины, и на основании этого учета распределяет рабочих по отдельным коммунам республики (раздел 10 «Общественные работы»). Следует в этой связи отметить, что, по мнению большинства бабувистов, большие города должны при коммунистическом порядке исчезнуть, все население республики будет жить в деревнях, в простых домах, построенных в самых здоровых и удобных для жизни местностях. Большие здания будут строиться только для общественных учреждений³⁷.

³⁶ Ph. Buonarroti. Op. cit., II, p. 306, 316—317.

³⁷ Ibid., I, p. 221, 222, 224.

Иногда Буонарроти называет будущую республику равных «l'état agricole», а ее население «un peuple agricole»; это давало основание некоторым историкам называть учение равных аграрным коммунизмом. Однако, как мы увидим ниже, в республике равных имеются различные группы ремесленников, не занимающихся сельскохозяйственным трудом. Очевидно, Буонарроти хотел лишь подчеркнуть господствующее положение сельскохозяйственного труда в обществе, в котором нет неравенства и искусственных потребностей. Центральная администрация общины определяет качество и количество продуктов, подлежащих распределению между гражданами, пополняет недостатки в одних районах за счет избытка в других, и в случае надобности производит обмен с границей. Коммуны, входящие в состав большой национальной общины, не являются самостоятельными хозяйственными единицами. Их должностные лица играют чисто служебную роль. Они непосредственно руководят работами в соответствии с общими законами и с указаниями муниципальной администрации, которая доводит до сведения верховной администрации данные о состоянии порученных ей работ³⁸. Труд в идеальной республике бабувистов всеобществен.

«Природа возложила на каждого человека обязанность трудиться,— говорится в «Анализе доктрины Бабефа».— Никто не может избежать труда, не совершая преступления...

³⁸ Ph. Buonarroti. Op. cit., II, p. 305—309.

Состояние деятельности, которое вызывается умеренным трудом, есть для человека источник здоровья и доброго духа»³⁹. Когда все принимают участие в труде, труд каждого оказывается весьма небольшим. Однако, утверждая принцип обязательного труда, бабувисты не забывают о разнообразии способностей трудящихся. Бабеф считал необходимым заставить всех трудоспособных граждан работать, каждого в соответствии с его способностями и навыками. Буонарроти говорит об обязанностях, «пропорциональных силам и тяжести труда»⁴⁰.

Особо тяжелые и неприятные работы должны выполняться в порядке повинностей, падающих на всех граждан в известной очереди. Бабувисты предполагали, впрочем, что успехи механики и химии в недалеком будущем смягчат тяжесть такого труда. Все остальные работы должны производиться трудящимися, специализировавшимися в данной отрасли труда. Бабувисты считают, что человек приносит наибольшую пользу своим трудом в том случае, если он приобрел в нем известные навыки. А для этого необходимо, чтобы каждый имел свою определенную специальность в общей системе разделения труда⁴¹.

В проекте экономического декрета первая статья раздела, посвященного общественным работам, гласит: «Каждый член националь-

³⁹ Ibid., II, p. 142.

⁴⁰ Ibid., I, p. 211.

⁴¹ Ibid., I, p. 209.

ной общины отдает ей труд, на какой он способен, работая как земледелец или ремесленник»⁴². Следует обратить внимание и на то, что в этой статье бабувисты объявляют обязательным физический труд (труд земледельца или ремесленника). На каждом члене общины лежат обязанности, говорит Буонарроти, нести известную долю труда, необходимого для обеспечения существования, процветания и сохранения общества⁴³. Выполнение этого труда есть долг, возлагаемый на гражданина законом. Все прочие функции выполняются гражданами добровольно, по их собственному выбору, в свободное от обязательного труда время. К числу такого рода функций относит Буонарроти не только спорт, богослужение, политическую деятельность, но и преподавание, и усовершенствование искусств. Вопрос об умственном труде, о положении наук и искусств в будущем обществе, вызывал в среде бабувистов споры. Значительная их часть, следуя за Ж.-Ж. Руссо, доказывала, что рост наук и искусств разрушает равенство. Искусство, говорили сторонники этой точки зрения, развивает вкус к излишествам, портит нравы; люди проникаются высокомерием, их преимущества в знаниях развивают в них тщеславие и создают почву для нарушения прав более простых людей, что может быть ими достигнуто при помощи лицемерного и

⁴² Ibid., II, p. 308.

⁴³ Ibid., I, p. 208, 227—228.

опасного красноречия. Эти мысли нашли свое выражение в так называемом «Манифесте равных». По-видимому, самым горячим их пропагандистом был Сильвен Марешаль ⁴⁴.

В «Манифесте Коммунистической партии» Маркс и Энгельс указывают, что литература, сопутствующая первым движениям пролетариата во время буржуазных революций нового времени, проповедует всеобщий аскетизм и грубую уравнильность ⁴⁵. Эти тенденции, несомненно, сказываются и в пропаганде бабувистов. Их влияние отразилось на отношении бабувистов к науке и искусству. Оно отразилось еще ярче на их учении о распределении. Теория Бабефа насквозь пронизана идеей уравнильного распределения. Различную оценку разного вида работ он считает корнем всех страданий и лишений человеческого рода. «Миф о превосходстве талантов и предприимчивости представляет чистую химеру и благовидную приманку, которая всегда способствовала незаконным козням заговорщиков против равенства. Различия в ценности и почетности отдельных видов человеческого труда основываются только на субъективной оценке, которую придала им часть людей, сумевших доставить господство своим личным взглядам...» «По мнению Бабефа, ничем нельзя оправдать притязания на вознаграждение, превышающие

⁴⁴ Ph. Buonarroti. Op. cit., I, p. 293; II, p. 132—136.

⁴⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 4, стр. 455.

сумму, строго необходимую для удовлетворения личных потребностей. Всякое чрезмерное удовлетворение личных потребностей одних является результатом ограбления других. Из этих положений Бабеф делает практические выводы. Необходимо, говорит он, обеспечить каждому человеку и его потомству, как бы многочисленно оно ни было, достаток, но не более, чем достаток, и закрыть всем людям всякие пути к получению личной доли, превышающей среднюю долю продуктов труда, приходящихся на одного человека. Необходимо установить продовольственную администрацию, которая будет вести точную запись всех людей и всех предметов, и распределять их на началах тщательной равномерности⁴⁶. То, что не может быть распределено между всеми, развивает мысль Бабефа Буонарроти, должно быть строжайше воспрещено. Чтобы гражданин видел во всех своих согражданах равных себе, братьев, необходимо, чтобы он не встречал нигде и ни в чем — ни в мебели, ни в одежде, ни в жилище — признаков хотя бы даже кажущегося преимущества⁴⁷.

Четкую формулировку принципа уравнительности распределения находим мы в проекте экономического декрета. Статья 9 его общей части гласит: «Большая национальная община снабжает своих членов всем необходимым, поддерживая среди них равный и уме-

⁴⁶ «Le Tribun du peuple», N 35.

⁴⁷ Ph. Buonarroti. Op. cit., I, p. 210—225.

ренный достаток». Эта общая норма находит дополнение и разъяснение в разделах «О распределении» и «Об администрации». «Каждый член национальной общины,— говорится в разделе «О распределении»,— пользуется лишь тем, что предоставляет ему закон, через посредство должностных лиц». Тот же раздел подробнейшим образом регламентирует, что именно предоставляет гражданам закон: «Национальная община обеспечивает с настоящего момента каждому из своих членов: здоровое, удобное и соответственно меблированное помещение, рабочую и праздничную одежду (бумажную или шерстяную), соответствующую национальному костюму, стирку белья, освещение и отопление; достаточное количество предметов питания: хлеба, мяса, рыбы, дичи, яиц, масла, вина и других напитков, потребляемых в различных районах, овощей, фруктов, приправ и других предметов, соединение которых дает умеренный и скромный достаток; врачебную помощь». Раздел «Об управлении» указывает, что размеры и качество этого пайка определяются администрацией общины⁴⁸. Бабувисты были убеждены, что в обществе, осуществившем принцип равенства, не будет более разнообразия противоположных интересов. Наиболее трудные обязанности, говорит Буонарроти, будут выполняться в обществе равных с удовольствием; все будут добровольно подчиняться законам;

⁴⁸ Ph. Buonarroti. Op. cit., II, p. 307, 310—313.

разумные предложения не будут встречать оппозиции; в политическом организме будет царить единство интересов, воли и действия. Законодательные и административные функции лишь тогда выполняются с пользой для общества, когда их выполняют люди опытные, знающие и разумные. В существующем обществе народные массы не подготовлены к их выполнению. Передача этих функций особому классу людей, отобранных по их способностям, сопряжена с опасностью возникновения привилегий, установления подлинного рабства, тем более тяжелого, что оно представлялось бы законным и отвечающим общим интересам. При системе равенства руководство общественными делами будет доступно всему народу; просвещение народа никогда не будет противоречить общему благу.

Только установление равенства даст, таким образом, народу возможность стать действительным сувереном. Однако необходимые для этого качества, имея своей исторической предпосылкой равенство, требуют для своего развития сознательного воздействия со стороны революционной власти. Власть имеет своей задачей не только преобразование учреждений, но и преобразование нравов. Этой цели служит прежде всего общественное воспитание в школе, которое находится под непосредственным руководством республики. По окончании школы молодые люди не сразу получают права гражданства. Они должны провести определенное время на военной службе, где про-

должается их гражданское воспитание. Они допускаются сначала в общественные собрания без права принимать участие в их решениях, чтобы усвоить здесь политический опыт и навыки старших. Лишь после всего этого они могут претендовать на включение в списки активных граждан ⁴⁹.

Воспитательное воздействие государства на граждан в целях укрепления республиканских добрых нравов продолжается и в дальнейшем. Все замечательные моменты в жизни граждан — их поступление в школу, их отправление в армию, получение ими политических прав, чествование героев, погибших за родину, достопамятные события — все это служит поводом для пропаганды преимуществ системы равенства и соответствующих ей гражданских качеств. Особое место в этой системе пропаганды занимают так называемые «цензурные собрания», на которых народ обсуждает и оценивает поведение должностных лиц, а в случае надобности — и простых граждан. Никто не может быть избран на административный пост, если его предшествовавшая деятельность не получила народного одобрения. Добрые нравы являются в учении бабувистов основной гарантией равновесия будущего общества равных. Однако бабувисты считают необходимым предусмотреть в политическом строе этого общества ряд дополнительных гарантий его устойчивости. Изъявле-

⁴⁹ Ph. Buonarroti. *Op. cit.*, I, p. 229—233.

ние народной воли, говорит Буонарроти, может исходить только от самого народа, законодательной властью пользуется народ в целом; на народе лежит охрана великого принципа равенства. Но не всякий родившийся на территории республики входит в состав этого народа-суверена. Мы уже знаем, что бабувисты разделяли население республики на две категории: граждан и иностранцев. Буонарроти утверждает, что в революционном комитете при обсуждении вопроса о правах гражданства высказывалось также мнение, что в список граждан должны включаться только те, кто сознательно и добровольно берет на себя обязательства подчиняться законам общества. Те, кто не дает такого обязательства, изгоняются из пределов республики⁵⁰. Таким образом, в собраниях народа-суверена не может быть лиц, открыто выступающих против принципов республики. Но ошибочные суждения возможны и при таком составе народных собраний. Чтобы сделать наименьшей возможность ошибок, бабувисты считают необходимым предусмотреть в политической структуре общества некоторые особые органы.

При каждом окружном собрании суверенного народа бабувисты предлагают учредить Сенат, в котором предварительно обсуждаются все вопросы, подлежащие обсуждению собрания. В принципе Сенат должен состоять из стариков, умудренных опытом. Но можно опа-

⁵⁰ Ph. Buonarroti. Op. cit., I, p. 234—235.

саться, что в первое время после революции старики в силу укоренившихся привычек будут тянуть общество назад, к монархии, к религиозным предрассудкам, к восстановлению собственности и т. д. Поэтому, вначале сенаторы должны быть подобраны из людей, известных своей преданностью новым учреждениям⁵¹. Из числа сенаторов народ выбирает особый корпус «Блюстителей национальной воли», главная задача которого — контроль над деятельностью центрального законодательного собрания. «Блюстители» должны следить за тем, чтобы Законодательное собрание не нарушало суверенитета народа и не издавало декретов, противоречащих основным законам республики⁵².

Республиканские учреждения и республиканские нравы должны также, по мнению многих бабувистов, в том числе и по мнению Буонарроти, иметь религиозную санкцию. Религиозные идеи они считают самой надежной опорой гражданской морали. Никакого религиозного культа в республике равных не предусматривается. Но обновленное общество заинтересовано в том, чтобы граждане сохраняли веру в бытие Верховного Существа, судьи их мыслей и тайных поступков, в бессмертие души, обещающее вечное блаженство тем, кто проявляет в своей жизни преданность человечеству и родине. Примыкая в вопросах религии к Руссо и Робеспьеру, Буонарроти реши-

⁵¹ Ph. Buonarroti. Op. cit., I, p. 268—269.

⁵² Ibid., p. 263—266.

тельно осуждает «атеизм» эбертистов. Следует, однако, отметить, что эти религиозные идеи разделялись далеко не всеми бабувистами. Многие из них, резко расходясь в этом с Буонарроти, высказывали атеистические взгляды (Сильвен Марешаль).

В коммунизме Бабефа и бабувистов немало черт, которые должны были быть отброшены коммунистической мыслью с дальнейшим ростом классового самосознания пролетариата. Представления бабувистов о классовом строении общества еще весьма примитивны: беднота для них — некое нерасчлененное единство. Их учение о проходящей через всю историю борьбе патрициев и плебеев еще очень далеко от научного понимания исторического процесса. Их критика существующих общественных отношений носит в основном характер морального осуждения. Бабувисты были не в состоянии правильно поставить и правильно разрешить основные проблемы социальной революции. Подготавливая восстание, они очень заботились о связях с рабочими, считая их участие в революции естественным и необходимым. Но исторической роли пролетариата как ведущей силы социальной революции они не были в состоянии понять. Они ждали, что новая революция будет совершена народом вообще, что означало в их представлении бедноту, плебс. Не понимая классового характера

грядущей революции, они не сумели правильно наметить пути и средства переворота. Свою задачу они видели не в организации партии пролетариата, а в создании революционного сообщества, которое должно подготовить восстание плебса и руководить этим восстанием.

Все это не умаляет исторических заслуг бабувистов. В их учениях и в их проектах наряду с положениями, отражавшими социальные условия их времени, недостаточную зрелость пролетариата, имеется немало идей большого исторического значения, идей, резко отличающих их от их предшественников и учителей — рационалистов XVIII в. Сопоставляя теоретические построения и проекты бабувистов с теориями дореволюционных коммунистов, нельзя не отметить, какой большой шаг вперед сделала коммунистическая мысль под влиянием впечатлений революционной борьбы 1789—1795 гг. Бабувистская пропаганда составляет важнейшее промежуточное звено между утопическим коммунизмом предреволюционной эпохи и домарксовскими коммунистическими построениями начала XIX в. Влияние бабувистских традиций на французских утопических коммунистов велико и бесспорно. Без изучения идейного наследия бабувистского движения нельзя полностью понять развитие коммунистической мысли в течение десятилетий, непосредственно предшествовавших возникновению марксизма.

Книгу Буонарроти «Заговор во имя равенства» Энгельс с полным правом считал основ-

ной книгой по «делу Бабефа»⁵³. Эта книга, несомненно, принадлежит к числу наиболее значительных произведений домарксовской коммунистической литературы. Написанная одним из самых влиятельных участников бабувистского движения, она является ценным источником для его истории как в той части, которая содержит ряд важнейших бабувистских документов, так и в той части, которую можно рассматривать как личные воспоминания автора. Но этим историческое значение книги не ограничивается. Она была опубликована Буонарроти в 1828 г., много лет спустя после разгрома организации равных и казни Бабефа. Больше, чем какое-либо другое литературное произведение этого времени, содействовала она распространению коммунистических идей среди революционеров нового поколения, их ознакомлению с традициями революционного коммунистического движения конца XVIII в.

Буонарроти излагает в своей книге не только внешнюю историю «Заговора», но и те идеи, которыми вдохновлялись деятели движения, происходившего за 30 с лишним лет до составления книги. В таких случаях всегда приходится считаться с возможностью сознательного или бессознательного привнесения в изображение прошлого положений и оценок, сложившихся у автора за годы, прошедшие после изображаемых им событий. Опасность

⁵³ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XXVII, стр. 639.

известного искажения прошлого еще более возрастает, если автор стремится придать книге значение орудия пропаганды своих идей. Буонарроти, несомненно, имел в виду прежде всего цели пропаганды: исторический рассказ является у него удобной формой для изложения коммунистических принципов. И тем не менее книга Буонарроти дает вполне надежный материал для суждения об идейном фонде бабувистского движения. Возможно, что восстанавливаемая Буонарроти по памяти дискуссия внутри бабувистского комитета по вопросу о конечных целях движения и его ближайших задачах передана не с протокольной точностью. Возможно, что Буонарроти, активный участник заговорщических организаций начала XIX в., несколько преувеличил в своем изложении «заговорщические» тенденции бабувистского движения. Возможно, что есть неточности в его рассказе об организационных мероприятиях комитета, о его переговорах с монтаньярами и т. д. Но в основном — в характеристике социальной философии и политических принципов, которыми руководствовались в своей деятельности вожди бабувистского движения. Буонарроти заслуживает полного доверия. Этой философии, этим принципам он оставался верен всю свою жизнь, до конца своих дней он был убежден в правильности пути, который был намечен бабувистами в конце XVIII в. Фальсифицировать историю своего идейного прошлого у него не было никаких оснований.

ГРАКХ БАБЕФ

Гравюра Фламенга по портрету де Сева. Собрание ИМЛ

Ф. Буонарроти

*ЗАГОВОР
ВО ИМЯ РАВЕНСТВА,
ИМЕНУЕМЫЙ
ЗАГОВОРОМ БАБЕФА*

ПРЕДИСЛОВИЕ

За мгновение до того, как им был вынесен приговор, Бабеф и Дарте^{1*} получили от меня обещание на скамье подсудимых Верховного суда в Вандоме под занесенным над ними топором аристократов восстановить память о них и опубликовать точное изложение наших общих намерений, до крайности извращенных партийным духом. На склоне лет мне пора выполнить данное мною обязательство, чему ранее мешали многие обстоятельства.

Другие обязанности, продолжительное и тяжелое тюремное заключение, за которым последовал еще более продолжительный и подчас крайне тягостный полицейский надзор на трех разных концах Франции, лишали меня долгое время возможности обменяться мнением с очевидцами о причинах великих событий революции и раздобыть необходимые мне документы, чтобы пролить свет на некоторые факты, которые я намеревался предать глас-

* Для них требовали смертного приговора, а для Жермена, Моруа, Казена, Буэна, Менесье, Блондо и меня приговора к ссылке².

ности. Тем не менее я мог бы гораздо ранее опубликовать эту работу, если бы меня не останавливало опасение дать новые поводы для злобствования и преследований. Ныне вынужденный спешить по причине своего преклонного возраста, я решаюсь опубликовать этот труд, тем более, что уверен, с одной стороны, в том, что люди той эпохи почти все исчезли, а с другой, — что современные политические доктрины бесконечно далеки от доктрин, которые проповедовали демократы IV года Французской республики, и не приходится более бояться какого-либо опасного сопоставления. Справедливость к тому же требует, чтобы демократическую партию узнали, наконец, в ее подлинном свете.

Так как мне предстояло отчитаться в весьма отважном предприятии, то я должен был показать, что привело нас к нему. Мне казалось, что сделать это я смогу лишь напомнив, в каком состоянии находилась в то время революция, какие фазы последовательно привели ее к этому состоянию, какие положительные и отрицательные обстоятельства оказали на нее, как нам казалось, известное влияние. Поэтому я начал свое повествование с беглого обзора революции до того момента, когда произошли излагаемые мною события. Я не претендовал написать историю революции: я хотел лишь описать впечатления, которые она у нас оставила.

Для выполнения задачи, которую я себе поставил, недостаточно было рассказать о том,

CONSPIRATION

POUR L'ÉGALITÉ

OUVR.

DE BABEUF,

SUIVIE DU PROCÈS AUQUEL ELLA DONNA LIEU, ET DES PIÈCES
JUSTIFICATIVES, ETC., ETC.

Par Ph. Buonarroti.

*Ena enim optimas esse leges putandum
est quibus non divites sed honesti
prædantesque homines sunt.*

(Diod. Sic. Lib. 2, Cap. 5.)

TOME PREMIER.

Liberté.

BRUXELLES,

A LA LIBRAIRIE ROMANTIQUE,

RUE DE LA MADELAINE, N° 458.

1828.

Титульный лист I тома
«Заговора во имя равенства»

что сделали или намеревались сделать Бабеф и его друзья, для того чтобы привести свои планы в исполнение. Необходимо было также объяснить, какую конечную цель они себе ставили, и сказать о том, как они доказывали ее справедливость и необходимость. Мне предстояло, следовательно, дать изложение событий и наряду с этим изложение того, как развивались их доктрины и проекты.

Источниками, из которых я черпал свои утверждения относительно заговора, служили мне мои воспоминания, все написанное его участниками, материалы учиненного над ними судебного процесса и некоторые неизвестные до сих пор фрагменты³.

Не все документы были захвачены полицией; некоторые из них, которых не оказалось у Бабефа, были уничтожены слишком осторожными друзьями. Другие мне удалось отыскать, и я публикую их в том несовершенном виде, в каком они были мне переданы.

Мне не безызвестно, что политические и экономические принципы, которые я должен изложить, встретят немалое осуждение. Но это не мотив для того, чтобы воздержаться от их опубликования: иные мнимые заблуждения стали непреложными истинами. Разве не существуют люди, которых не ослепляют мишура цивилизованного общества и системы, проповедуемые теми, кто присваивает себе право руководить общественным мнением? Быть может, они оценят значение этих принципов и с некоторым сожалением вспомнят

о мужественных гражданах, которые, будучи убеждены в справедливости этих принципов и гордясь тем, что отдают свою жизнь ради их утверждения, скрепили их своей кровью.

Крепко связанный с ними соответствием наших взглядов, я разделял их убеждения и их усилия, и если мы заблуждались, то, по крайней мере, до конца: они настаивали на этом заблуждении до самой могилы. А я после долгих размышлений, которым с тех пор предавался, остаюсь убежденным в том, что равенство, которое было им столь дорого, есть единственный институт, способный удовлетворить все истинные потребности, должным образом направить благотворные страсти, обуздать опасные и сделать общество свободным, счастливым, живущим в мире, долговечным.

Филипп Буонарроти

ЗАГОВОР ВО ИМЯ РАВЕНСТВА, ИМЕНУЕМЫЙ ЗАГОВОРОМ БАБЕФА

Партии французской революции и их характер

Среди партий, придавших французской революции такое множество различных окрасок, существует одна, которая должна особенно обратить на себя взоры ученого благодаря постоянной самоотверженности, с которой она прилагала усилия для подлинного освобождения человечества.

Тогда как властолюбие, зависть, алчность и безрассудная любовь к нововведениям поддерживали прискорбную борьбу между людьми, одни из которых боролись за восстановление былой монархии, другие — за возведение на престол Франции новой династии и, наконец, третьи — за передачу власти от одной касты другой (и все они вместе с исключительной целью присвоения власти и жизненных благ, источником которых она является), создавался мало-помалу класс граждан, которые в силу совершенно иных принципов также желали крупной политической переме-

ны, но перемены, идущей вразрез с взглядами и страстями стольких подстрекателей, заинтересованных в гражданской смуте.

В самом деле, многие политические секты ⁴, как это можно было наблюдать, старались дать Франции новые формы правления; немногие, однако, стремились в интересах народных масс к полному преобразованию общества.

Таким образом, множество лиц, выступавших на арене революции, ограничивали свои усилия тем, что способствовали перевесу одной формы правления над другой, не слишком заботясь об участии тех, в интересах которых должно существовать всякое законное правление; потому-то многие так называемые законодатели полагали, что учреждают республику, на том лишь основании, что они осудили короля ⁵ и власть одного лица заменили властью нескольких лиц.

Различие интересов и принципов явилось причиной наших расхождений в период революции. Тогда как одни отстаивали ту или иную систему потому, что считали ее хорошей, другие, которых было гораздо больше, устремились в партию, которая, как им казалось, более благоприятствовала их видам на богатство и власть; первые неуклонно следовали намеченному ими пути, вторые меняли поведение в зависимости от обстоятельств и в угоду страстям.

Только с течением времени стало возможным установить особый характер каждой поли-

тической секты, ибо многие из этих сект, пока им приходилось бороться против общих врагов, казалось действовали в одном направлении. Каждый новый шаг по пути к улучшению вызывал появление новой группы оппозиционеров, заинтересованных в сохранении пороков, против которых этот шаг был направлен.

Если на заре революции некоторые дворяне в Учредительном собрании⁶, казалось, действовали в интересах народа, то, как только прозвучали первые требования подлинного равенства, они не замедлили вступить на противоположный путь; если иные восстали против царствующего дома с намерением поставить на его место другой царствующий дом, то как только у всех династий была отнята всякая надежда, они стали под королевские знамена; если священники приветствовали усилия реформаторов, направленные против узурпаций высшего духовенства, то как только нация отказалась содержать какой бы то ни было культ, они стали самыми яркими распространителями фанатизма; если лица, желавшие эксплуатировать в свою пользу конституционную монархию, выказывали себя в этих видах республиканцами, то как только народ потребовал, чтобы республика стала всеобщим достоянием, они перешли в открытую оппозицию к самым пылким защитникам республики.

Среди бурь, которые неминуемо вызывались смешением стольких разноречивых элементов, люди, которые с самого начала революции лелеяли надежду установить во Фран-

ции царство подлинной справедливости, не упустили случаев, часто представлявшихся им ввиду столь сильного брожения, чтобы приучать своих сограждан к размышлению об их правах и постепенно привести их к тому, чтобы желать падения всех порочных учреждений, препятствующих им пользоваться этими правами.

В Собраниях, которые со времени революции осуществляли высшую власть, были представлены, так сказать, благотворные и опасные страсти, волновавшие французов в различных отношениях; в них нашли себе развитие самые гнусные пороки и самые высокие добродетели; здесь был дан сигнал к стольким битвам; здесь члены различных политических сект пользовались любым случаем,— а то и вызывали его к жизни,— чтобы доставить преобладание системам и интересам этих сект.

Партия, которая неизменно оставалась преданной делу народа, видела, как в определенные периоды от нее отходили и тем самым обрекали себя на уничтожение группировки, которые способствовали торжеству ее проектов до тех пор, пока эти проекты не вступали в противоречие с присущими им взглядами.

Пока во Франции существовала монархия, республиканская партия казалась весьма многочисленной, хотя уже давно наблюдались существенные различия среди тех, кто в ту пору становился под знамена республики. 10 августа 1792 г. против двора сражалось совместно

множество людей, которые затем разошлись и среди которых нашлись лица, защищавшие впоследствии интересы королей.

Среди боровшихся против королевской власти, как и среди рукоплескавших их торжеству, имелись люди, побуждаемые завистью и обидой, а также такие, у которых вероятность регентства или перемены династии возбуждала надежду на влияние в ближайшем будущем. Однако все заставляет думать, что большинство из них действительно желало тогда республиканского правления, хотя между этими лицами существовали значительные расхождения и в представлении о нем, и в побуждениях к нему.

Все политические и общественно-экономические системы служили мотивом или предлогом к раздорам в Национальном конвенте. Одни превозносили исключительное влияние класса, пользующегося благами богатства и воспитания; другие считали существенным условием прочного общественного блага и спокойствия участие всех в осуществлении суверенитета; первые мечтали о богатстве, роскоши и блеске Афин; вторые желали умеренности, простоты и скромности лучших дней Спарты.

Нельзя, однако, должным образом определить природу этих раздоров одним лишь сравнением их с политическими системами древних; ее надо искать в наших нравах и в наших познаниях в области естественного права. То, что произошло во Франции вслед за созда-

нием республики, является, на мой взгляд, бурным проявлением постоянно существующего раздора между сторонниками богатства и различий, с одной стороны, и друзьями равенства или многочисленным классом трудящихся,— с другой.

Система эгоизма

Если обратиться к более отдаленным причинам, то источник споров, имевших место в эту эпоху, можно отыскать, с одной стороны, в доктрине английских экономистов*, с другой — в доктринах Ж.-Ж. Руссо, Мабли⁷ и некоторых других современных ученых.

Вспомним, что многие писатели усматривали процветание наций в многообразии их потребностей, во все возрастающем разнообразии их материального потребления, в обширной промышленности и неограниченной торговле, в быстром обращении металлических денег и, в конечном счете, в *беспокойной и ненасытной алчности граждан***⁸. То отдавали предпочтение скоплению земельной соб-

* Под этим наименованием я подразумеваю писателей и правителей, которые хотели подвергнуть регламентации промышленность и торговлю, как и тех, кто высказывался за предоставление им самой широкой свободы.

** Людям всегда было трудно договориться между собой об установлении разумного социального строя. При помощи торговли предметами роскоши наши предки без применения насилия вырвали у феодальной знати часть ее богатств. Так как хозяевам, таким образом, понадобились рабы, то тем самым было ослаблено мо-

ственности в немногих руках, то высказывались за увеличение числа мелких собственников, и между тем как одни считали нищету и огрубение производительной части населения необходимыми для благосостояния и спокойствия всего общества, другие предлагали неограниченную свободу промышленности и торговых сделок в качестве средства избавления от установившегося неравенства, прокладывая путь к новому развращению и к новым формам неравенства.

С тех пор как благо и силу общества стали усматривать в богатстве, неизбежно должны были прийти к отказу в политических правах всем тем, кто своим имуществом не гарантирует преданности такому порядку, признаваемому наилучшим.

Во всякой социальной системе подобного рода значительное большинство граждан, обреченное на постоянный тяжелый труд, на деле осуждено томиться в нищете, невежестве и порабощении *.

гущество феодалов. Зло, служившее на пользу другому, было признано высшим благом до такой степени, что для многих людей свобода есть не что иное, как неограниченная возможность стяжания.

* Наличие большого числа наемных рабочих и небольшого числа людей, пользующихся наемным трудом, имеет необходимым следствием нищету первых. Невежество является неизбежным для людей, чрезмерно обремененных работой, и одновременно мерой предосторожности со стороны тех, кто взвалил на них свое собственное бремя. Нужда и невежество порождают среди нас порабощение, которое существует всюду, где люди не могут или не способны проявить волю. Стоит

Система равенства

Руссо провозгласил неотъемлемость природных прав человека; он ратовал за всех людей без различия; благоденствие общества он усматривал в счастье каждого его члена, его силу — во всеобщей преданности законам. Богатство общества, по его мнению, заключается в труде и в умеренности граждан, а свобода — в могуществе суверена, каковым является весь народ; при этом каждая из составных частей общества, вследствие беспристрастного распределения жизненных благ и просвещения, сохраняет влияние, необходимое для существования социального организма.

Этот общественный строй, подчиняющий воле народа частные действия и частную собственность, поощряющий общепользные профессии и упраздняющий те из них, которые служат лишь интересам незначительного меньшинства, способствующий без всякого предпочтения умственному развитию каждого, заменяющий алчность любовью к отечеству и доблести, превращающий совокупность граждан в единую мирную семью, подчиняющий каждого человека общей воле и никого воле одного какого бы то ни было лица, был во все времена предметом скрытых желаний истинных мудрецов и имел во все века

ли говорить о том, что экономисты нашли, наконец, исцеление от зол, являющихся результатом чрезмерно большого числа людей наемного труда: они советуют рабочим не производить так много детей. *Risum teneatis!..* (Погодите смеяться!..)

выдающихся защитников. Таковыми были в древности Минос, Платон, Ликург и законодатель христианства, а в более близкие к нам времена — Томас Мор, Монтескье *, Мабли **⁸.

Строй, провозглашенный экономистами, назван строем эгоизма, или аристократическим***, строй, провозглашенный Руссо,— строем равенства****.

* Дух законов, кн. 4, гл. 6.

** Принципы законодательства⁹ и др. *passim*. Мабли рассматривает общность имуществ как единственный строй, находящийся в соответствии с подлинной целью общества, заключающейся в прочной благоденствии всех его членов. Он считает, что поскольку все бедствия, постигающие человеческое общество, являются следствием жадности и честолюбия, то политика сводится к искусству действенного подавления этих страстей: жадность можно подавить только общностью имуществ, которая разрушает частную собственность и в то же время умаляет притягательную силу власти, служа плотиной, преграждающей путь честолюбию, которое должно быть обуздано также нравами и учреждениями.

*** Это наименование имеет целью дать понять, что в данной системе единственным побудительным мотивом чувств и действий граждан является чисто личный интерес, не связанный с общим благом.

**** Равенство, идея которого служит основой общения между людьми и утешением для бедняков является химерой лишь в глазах людей, развращенных страстью к богатству и власти. Какой человек при любой системе и любой страсти, которой он движим, не признает в глубине своего сердца равного себе в любом человеческом индивидууме, каким бы он ни был? Точно так же, какой человек не содрогнется от жалости при виде страданий себе подобных, если сам он был поставлен в такое же положение? Это чувство, следст-

Как только оказалось возможным уловить тенденции различных политических сект, при-

ние наших первых опытов, оправдывается разумом, который учит нас, что природа сотворила людей равными; но каким образом и в чем именно? Вот что важно осознать.

Люди, одобряющие социальное неравенство, утверждают, что оно неизбежно, ибо, по их мнению, оно ведет свое происхождение от неравенства, которое природа установила между отдельными человеческими индивидами. Естественно отличаясь друг от друга по полу, внешности, цвету кожи, чертам лица, возрасту и силе организма, люди, как заявляют они, не могут быть равными ни в отношении власти, ни в отношении богатства; равенство, будь то природное или социальное, существует, следовательно, лишь в нашем рассудке. Следует ли, однако, из того, что различия, о которых мы только что говорили, реально существуют, необходимость неравенства учреждений? Если так судить, то богатство и власть всегда идут рука об руку с силой, величием, красотой, что далеко не верно.

Между людьми, заявляют сторонники неравенства, существует другое природное различие, которое неизбежно приводит к различию в образовании и в общественном положении; это — различие интеллекта. Они дошли до утверждения, будто более или менее выступающие выпуклости черепа являются верными показателями наших склонностей и наших страстей.

Между тем скрытое чувство словно напоминает нам о том, что вещи не были устроены таким образом творцом природы и что если люди, живущие в правильно организованном обществе, не все обладают одними и теми же интеллектуальными способностями, то различие, существующее между ними в этом отношении, является в меньшей мере следствием различия их организмов, чем различия условий, в которые они были поставлены. Кто может усомниться в том, что многие невежественные люди не были бы таковыми, если бы им представился благоприятный случай получить образование? Разве самый неотесанный пастух

шедших в движение на поприще революции
умы, введенные в заблуждение развращенны-

не проявляет в своем деле и при отстаивании своих интересов такой же тонкий ум, какой понадобился Ньютону для открытия законов притяжения? Все зависит от объекта, на который направлено наше внимание. Впрочем, если бы неравенство в отношении интеллектуальных способностей и было столь естественно, как это утверждают, то все же невозможно усмотреть в нем источник существующего в обществе неравенства имущественного положения и власти. Ибо не верно, что богатство и власть обычно являются в нем уделом знания и мудрости.

Но разве в данном случае речь идет о свойствах, о которых мы говорили? Никким образом. Естественное равенство, которое имеется в виду, есть единообразие потребностей и ощущений, свойственных нам от природы, либо развивающихся вместе с первым применением наших чувств и органов.

Потребность в пище, как и потребность в размножении; любовь к самому себе; сострадание, способность чувствования, мышления, проявления воли, передачи своих мыслей и понимания мыслей других людей, способность сообразовать свои действия с установленным порядком, ненависть к принуждению и любовь к свободе почти в равной степени присущи всем здоровым, нормально созданным людям. Таков закон природы, из которого проистекают одинаковые для всех людей естественные права.

Каждый, признающий себя носителем двух субстанций различной природы, извлекает новый довод в пользу естественного равенства из духовной природы принципа мышления. Этот принцип, который в себе одном содержит все человеческое Я, будучи неделим и безусловен и проистекая всегда из одного и того же источника, неизбежно одинаков у всех индивидов человеческого рода.

Несомненно, что физическое неравенство не может помешать пользоваться, по крайней мере на данный

ми сердцами, примкнули к инициаторам строя эгоизма; чистые же сердца, направляемые

отрезок времени, естественным равенством. Вероятно, с целью предотвращения этого зла стали прибегать к договорам, и было установлено гражданское общество.

Вследствие недостатка предусмотрительности люди оказались ввергнутыми в еще большее несчастье, чем то, которое хотели предотвратить. Равенство, установленное природой и признанное разумом, было нарушено в обществе последовательным рядом договоров, — тех самых, которые предназначались для того, чтобы его сохранить. На место временных затруднений, порожденных физическим неравенством, встали другие, более прискорбные, более постоянные и неизбежные затруднения вследствие неравенства имущественного положения и влияния, явившегося результатом договоров. Таким-то образом самым глупым, порочным, слабым и малочисленным удалось в силу странной метаморфозы обременить тяжелыми обязанностями и лишить прирожденной свободы массу наиболее сильных, добродетельных и образованных людей.

Неравенство в распределении собственности и власти порождает всевозможного рода беспорядки, на которые резонно жалуются девять десятых населения цивилизованных стран. Отсюда проистекают для них лишения, страдания, унижения и порабощение. Отсюда проистекает также неравенство в образовании, которое из своекорыстных побуждений неправильно приписывают интеллектуальному неравенству, преувеличивая его. Учреждения подлинного общества должны, следовательно, стремиться к строгому ограничению богатства и власти отдельных лиц: власти — посредством одинакового подчинения всех граждан закону, в создании которого участвуют все; богатства — путем такой организации вещей, при которой каждый был бы в достаточной мере обеспечен и ни у кого не было бы излишка. Вот в чем заключается равенство, о котором идет речь в этом произведении. В действительности же на

честными умами, непременно должны были оказаться заинтересованными в полном торжестве строя равенства.

Фальшивые друзья равенства

Но среди сторонников системы, основанной на эгоизме, помимо тех, кого привязывали к ней старые предрассудки, были и такие, которые стремились сохранить, а иные завоевать исключительное право пользования жизненными наслаждениями и привилегированным положением. Эти люди, лишенные всякой добродетели, афишировали свою любовь к равенству и с виду выказывали любовь к искренним его друзьям, пока они могли льстить себя надеждой, что воспрепятствуют его установлению и обратят в свою пользу всеобщее брожение, которое они сами вызвали.

Усилия и успехи партии равенства

С первых дней революции друзья равенства, иначе говоря,— справедливости, прилагали усилия к тому, чтобы подготовить его торжество, заранее выступая против взглядов враждебных ему партий. Во время существования Учредительного собрания они боролись против несправедливого разделения граждан на активных и пассивных, против имущественно-

данной стадии это равенство сводится почти только к равенству в богатстве, которое в настоящее время является почти исключительным условием власти в глазах тех, кто повелевает, как и тех, кто подчиняется.

го ценза как условия избрания в состав национального представительства¹⁰; против королевского вето и чрезвычайных военных судов. Они метали громы и против отъявленных роялистов и против лиц, скрывавшихся под маской патриотизма; они предложили прогрессивный налог; восстали против реабилитации короля после его вынужденного возвращения из Варенна¹¹; они поддержали мужество патриотов, которое готово было исчезнуть после резни на Марсовом поле¹², и раскрыли аристократические заговоры тех, кто злоумышленно требовал республики¹³. Во время Законодательного собрания первого созыва они разоблачили смысл увольнения патриотов, находившихся на военной службе; выявили ловушку, скрывавшуюся под объявлением войны Австрии¹⁴; заставили присудить награды швейцарским солдатам Шатовье¹⁵, разоблачили тайные козни двора, преступления министров, предательство Нарбонна¹⁶, изворотливые ходы Жиронды. Они уберегли священный огонь, который при помощи клеветы и преследования хотели погасить власть имущие и богачи.

Главным образом после 10 августа 1792 г. вышеуказанные люди начали питать самые радужные надежды и удвоили усилия для обеспечения торжества своего великого дела. Достоинства концепций Жан-Жака они соединили со смелостью применения их к 25-миллионному населению. В этот именно период борьба между друзьями равенства и сторон-

никами строя эгоизма становится более определенной и настойчивой. Публично отстаивался проект с виду республиканского образа правления, в то время как государство было бы организовано по типу монархии. К этому проекту присоединились люди, которые боялись лишиться во время политических кризисов того, чем они пользовались до сих пор, и так как то же опасение привязывало их к роялизму, то вождям такой республики предьявлялось обвинение в заговоре с целью восстановления монархии *.

Ее торжество

Число и влияние искренних друзей равенства, не сраженных еще кинжалами аристократов, были в то время так велики, так велика была активность масс, поддерживаемая надеждой на близкое облегчение, как и сила тех, которые в расчете стать на место прежней знати сделали лицемерными апостолами ненавистного им равенства, что приверженцы эгоистического порядка, подвергшиеся атаке, были побеждены и вынуждены умякнуть. Это-то обстоятельство и вызвало расхождения в На-

* Среди них находились лица, которые действительно были преданы королевской власти; другие приспособлялись в равной мере ко всем режимам, при помощи которых они надеялись сохранить уважение и власть; заинтересованность тех и других в сохранении жизни королю, представшему перед Конвентом, придало направленному против них обвинению в роялизме большую весомость.

циональном конвенте до 31 мая 1793 г. и гражданскую войну после этого памятного дня.

Непосредственным следствием победы 10 августа были некоторые успехи народного дела. Вскоре после падения трона всем гражданам были предоставлены политические права; все были объявлены избираемыми на общественные должности, и было торжественно признано, что никакая конституция не может быть навязана народу без его согласия. В то же время брак был по закону освобожден от пут безнадежной нерасторжимости, которая часто делает его столь противоречащим счастью отдельных лиц и семей, как и пагубным для нравов и свободы. Рост или ослабление энергии нации в деле защиты революции в зависимости от того, поощряют ли законы равенство или же уклоняются от него, является фактом, достойным внимания. Столь несправедливо презираемый класс трудящихся проявил чудеса самопожертвования и доблести; почти все остальные постоянно только тормозили возрождение общества.

Аристократы в Национальном конвенте до 31 мая 1793 г.

Нет никакого сомнения, что эгоистический или аристократический строй * имел в Нацио-

* Аристократический строй, или верховная власть, осуществляемая одной частью нации над всей нацией в целом, есть неизбежное следствие неравенства, обычного для эгоистического строя.

нальном конвенте многочисленных и искусных защитников. Доказательством тому служат коварные речи и писания всех этих Верньо, Гаде, Рабо, Бриссо, Горса, Кондорсе, Ланжюинэ, Луве, Барбару¹⁷ и многих других лиц той же окраски; их сделки с двором; их постоянные выпады против всех друзей равенства; их ненависть к подлинным руководителям восстания 10 августа; их связи с Нарбонном, Дюмурье¹⁸, Кюстином¹⁹ и другими генералами-изменниками; их постоянное противодействие установлению прогрессивного налога*; интерес, который они проявляли к королю, представшему перед судом нации; враждебные мероприятия, предпринимавшиеся ими против сторонников демократии; их старания запугать богачей и развращенных людей; пламя раздоров, которое они навлекли на всю Францию; их упорное домогательство узаконить свои антинародные принципы**.

* Прогрессивный налог отличается от пропорционального налога тем, что соотношение между пропорциональным налогом и доходом, как бы он ни был велик, всегда остается неизменным, в то время как при прогрессивном налоге соотношение между ним и доходом возрастает вместе с увеличением дохода. Прогрессивный налог препятствует созданию крупных состояний и щадит незначительные состояния.

**Свобода нации является результатом: 1) одинаковых условий существования граждан и одинакового пользования ими всеми благами; 2) наиболее широкого использования ими своих политических прав. Проект первого конституционного комитета Национального конвента, почти целиком состоявшего из жирондистов, совершенно игнорировал первое условие и таким

Речь шла о том, чтобы дать рождающейся республике конституцию; всеми чувствовалась потребность в регулярно функционирующей власти, и довольно обычной была мысль, что вполне достаточно правильного разделения властей, чтобы обеспечить народу столь желанные им блага равенства и свободы.

*Друзья равенства против того,
чтобы заняться конституцией*

Однако наиболее проникательные из друзей равенства не разделяли такого образа мыслей. Что бы там ни говорили, а аристократическая часть Конвента более торопилась с выработкой конституции, чем друзья равенства; их было меньше, и они чувствовали, что без события, которое способно было бы устроить их противников, невозможно добиться не только гражданского преобразования общества, но даже установления организации, основанной на равенстве политических прав. Поспешность аристократов являлась, таким образом, частью обширного заговора против естественных прав людей, и для того чтобы можно было рассчитывать на успех усилий, прилагавшихся горсткой честных людей, необходимо было предварительно удалить главных подстрекателей заговора *.

образом отдал народ во власть богачей, туенядцев и интриганов ввиду значения, которое он, казалось, придавал второму условию.

* Эта фракция была названа *жирондистской*, так как почти все ее признанные вожди были депутатами

Заговор 31 мая 1793 г.

Заговор был направлен против многочисленных заговорщиков, которые проникли в департамента Жиронды как в Законодательном собрании, так и в Конвенте. Уже тогда, когда Учредительное собрание провозгласило первую декларацию прав, люди, введенные в заблуждение ложной наукой, либо развращенные пороками цивилизации, почувствовали отвращение к полному и открытому применению принципов естественной справедливости, которые частично были закреплены в декларации; с тех пор они придумывали способ обойти эти принципы, делая вид, что приветствуют их.

Отсюда и ведут свое происхождение те фракции, которые при первых трех национальных собраниях старались остановить поступательное движение французского народа к его полному освобождению и сосредоточить революцию на тех политических системах, которые они считали наиболее благоприятными для их страстей или наиболее соответствующими их доктринам. Они наносили установлению свободы гораздо больший вред, чем открытая оппозиция привилегированных каст, ибо они обманывали народ, заимствуя у патриотов их язык.

К концу существования Учредительного собрания дух этих фракций преобладал в нем, а партия, оставшаяся верной делу народа, была бы в нем вовсе незаметной, если бы не ее решительные требования, благодаря которым она обращала на себя внимание. Именно этому духу и следует приписать реакционные шаги и поотиворечивые действия данного собрания.

Вопреки декретированному равенству в правах миллионы граждан были лишены избирательного права, как и права быть избранными. Кровавый закон был противопоставлен жалобам, которые вызывались тяжелым положением народа и двусмысленными действиями Законодательного собрания. Это Собрание, вопреки здравому смыслу и воле нации, упорно настаивало на том, чтобы снова передать охрану конституции в руки

главные органы управления республики; он был составлен во имя защиты неотъемлемых

короля, который совсем недавно объявил себя открыто ее противником, и тем самым увеличить его власть, вместо того, чтобы ограничить ее; по вине Собрания на Марсовом поле пролилась кровь граждан, намеревавшихся добиваться противоположного решения; оно вынудило народ прибегнуть к насилию, чтобы добиться справедливости, которую мог тогда осуществить мирным путем простой декрет; оно посягнуло на право собраний и хотело навсегда привязать нацию к колеснице аристократии.

Презрение, которое Учредительное собрание в действительности испытывало к народным массам, внушило ему эти меры предосторожности; ими оно весьма нерешительно подрывало королевскую власть, стремясь нанести ей ущерб, но вместе с тем превратить в свой оплот против демократического брожения. Отсюда проистекает также и то, что Учредительное собрание не воспользовалось народным энтузиазмом и ошибками двора для уничтожения монархии или для ограничения ее в таких рамках, при которых она могла бы превратиться почти в подлинную республику.

Таковы причины подозрений, которые возникли в отношении Ламета²⁰. Лафайета²¹, дворянского меньшинства и ряда видных лиц третьего сословия. Те же взгляды разделял знаменитый Мирабо, крайняя развращенность которого привела его к тому, что он за деньги превратился в борца за монархию, против которой он еще недавно боролся²².

Но страсть к роскоши, жажда золота и желание блистать и властвовать были свойственны не одному только дворянству. Между дворянством и классом людей труда существовал еще один многочисленный класс не принадлежавших к знати людей, блиставших богатством, учтивыми манерами, тонким умом, умением оазглагольствовать, распушенностью и безбожием. Класс этот также относился с пренебрежением к народным массам, считал себя созданным для того, чтобы

прав человека, против гордыни и алчности, которые приносят горе человечеству. В то

повелевать ими, претендовал на то, чтобы считаться наиболее здоровой частью нации, и пороки дворянства, место которого он стремился занять, он соединял в себе с пронырливостью и завистью.

Этот класс состоял в значительной части из адвокатов, прокуроров, врачей, банкиров, богатых торговцев, еще более богатых буржуа, а также ученых, превративших науку в предмет торговли и в средство преуспевания. Алчный, тщеславный и беспокойный, он отдался первым движениям революции и привел к участию в ней массы, которых нужда и отсутствие образования ставили в зависимость от него. Лица, принадлежавшие к этому классу, являвшиеся во многих местах хозяевами трибуны и управления, пользуясь голосами своих друзей, проникли в Законодательное собрание и в Конвент, в которых они образовали ядро жирондистской фракции.

Жирондисты вообще были противниками старого режима со всеми его уродствами, но они были также противниками того, чтобы новый режим довел дело до смещения их с теми, кого они называли чернью, и лишил их преимущественного положения, которое являлось для них столь выгодным. Их в сущности несколько не тревожило, будет ли Франция представлять собой монархию или республику, только бы они сами и близкие к ним люди оставались обладателями и раздатчиками благ, проистекающих от обладания властью: народовластие же в действительности являлось лишь удачно придуманным термином, для того чтобы лучше обеспечить подчинение и послушание народа законам, придуманным и осуществляемым ими. Поэтому в период Законодательного собрания они выступали то против личных интересов Людовика XVI, то в их пользу, в зависимости от того, намеревался ли он следовать планам его старых придворных или руководствовался советами этой фракции. Личные намерения ее главарей, вступивших в тайные сношения с королем²³, услужливо дававших ему советы

время как аристократы, находившиеся в составе Конвента, давали сигнал к изгнанию всех

как ему укрепить свою власть, были докзаны документами и живыми свидетелями. Жирондисты, пользовавшиеся видным положением в своей партии, не боялись признаться в своих мемуарах в преданности монархии и в стремлении восстановить ее в тот период, когда она не существовала более.

Грубой ошибкой, как мне кажется, является вера в то, что жирондисты были истинными друзьями свободы и искренними республиканцами. Если бы они действительно были таковыми, то разве они с таким ожесточением приносили бы и преследовали созданную 10 августа Парижскую коммуну²⁴, которой была главным образом обязана победа этого дня? Разве в то время, когда борьба еще продолжалась, они помышляли бы о том, чтобы под предлогом восстановления порядка охладить энтузиазм народа, который так важно было поддержать и усилить? Разве они выступали бы так рьяно против ужасных, непоправимых казней 2 и 3 сентября²⁵, на которые решились с явным намерением упрочить революцию и которые явились прискорбным следствием открытых и тайных враждебных действий, врагов свободы, серьезных и близких опасностей, угрожавших в то время французскому народу? Разве они превратили бы храм законов в арену для гладиаторов своими неистовыми и клеветническими обвинениями против тех, кто более всего способствовал поддержанию мужества в народе? Разве они запугивали бы богачей, сеяли бы раздор и говорили бы об устройстве Франции на федеративных началах²⁶ в такой момент, когда народу необходимо было наибольшее единство, чтобы отразить вооруженную коалицию королей? Разве стали бы они даже после их изгнания из Конвента восстанавливать алтарь против алтаря, разжигать гражданскую войну и стараться вооружить провинцию против той самой Парижской коммуны которую главным образом так ненавидел внешний враг? Наконец, разве могли бы они игнорировать тот факт, что единственным средством упрочить революцию и уве-

друзей равенства, которых они называли *анархистами*, народ в Париже навел ужас на вероломных депутатов и принудил их (31 мая

ковечить свободу, счастье и мир являлась помощь народу в удовлетворении сокровенных чаяний стольких миллионов угнетенных и в распространении общественных благ в равной мере на всех его членов?

Злополучная Жиронда! Не без основания тебе приписывают также намерение восстановить трон. Разве не было известного числа роялистов среди тех жирондистов, которые в Лионе сражались против республики под начальством королевского офицера и приняли в свои ряды эмигрантов, извлеченных ими из тюрем, как и лиц, которые во множестве устремились в этот мятежный город? Разве не было роялистов и среди жирондистов, сдавших врагу Тулон и восстановивших в нем в тот же день королевскую власть²⁷?

Раболепие Жиронды открыто проявлялось в предложении, которое она с таким упорством защищала,— представить на утверждение первичных собраний приговор, вынесенный Людовику. Напрасно она уверяла, что тем самым воздает должное суверенитету народа: дело шло о судебном акте, а вовсе не о законе. Могла ли она, вводя новую привилегию в пользу пленного короля, обольщаться тем, что запечатлевает в сердцах французов ненависть к королевской власти, на которой должна была зиждиться республика? И как только не опасалась она подвергнуть Францию проволочкам и распрямам, которые могли похоронить свободу? Неужели такая нерешительность, трепет и раболепие перед низвергнутым троном были пригодным средством для укрепления в сердцах граждан мужества и доблести, столь необходимых им для того, чтобы избежать насилий и козней врагов революции? Разве путем уловок делают нравы более возвышенными? Разве трепеща можно разбить цепи, сковывающие нацию? Если уж во что бы то ни стало хотят видеть в жирондистах республиканцев, необходимо по крайней мере признать, что их поведение было нелепым, и что если

1793 г. и в следующие дни) выдать национальному правосудию главарей их заговора. Свобода Конвента была нарушена во имя спасения свободы народа; полномочия депутатов были ущемлены, для того чтобы заставить уважать суверенную власть нации, которую большинство из них бесстыдно превратило в предмет игры.

Несмотря на отсутствие письменного изложения, устных речей и фактов, свидетельст-

они и хотели республики, то такой, которая ложилась бы бременем на народ и заставила бы его вскоре пожалеть о прежнем рабстве.

Злополучная Жиронда! Предмет игры собственного тщеславия, ты не сумела стать ни открыто роялистской, ни подлинно республиканской, ты причинила нам тем больше зла, что свои ошибки прикрывала видимостью патриотизма и умеренности и сделала настоятельно необходимой жестокость, которая на первых порах спасала республику, но потом доставила так много помощников тем, кто постепенно подрывал ее основы и разрушал ее.

Злополучная Жиронда! Ополчившись против лиц, искренне преданных счастьем народа, ты предала их, беззащитных, в руки порочных людей, которые 9 термидора покончили с ними. Внимая лишь голосу мщения, ты в последующий период спровоцировала истребление республиканцев; твоим аристократическим духом создана конституция III года²⁸, которой мы обязаны тиранией Бонапарта, явившегося в значительной мере твоей креатурой. Пусть другие превозносят красноречие жирондистов, мы не можем их восхвалять ни в каком отношении, ибо мы убеждены в том, что их влияние явилось одной из наиболее действенных причин спада революции, падения республики и гибели свободы.

вующих о реальности этого заговора, его легко обнаружить в коалиции почти всех богачей против революции 31 мая 1793 г., как и в быстроте, с какой распространились после этого демократические истины.

*Демократия во Франции.
Что она собой представляет*

Не следует думать, что французские революционеры придавали демократии, которую они требовали, тот же смысл, какой придавали ей в древности. Никто во Франции не имел в виду призывать весь народ к обсуждению действий правительства.

Для французских революционеров демократия представляет собой такой общественный строй, при котором равенство и добрые нравы дают народу возможность с пользой осуществлять законодательную власть.

*Малочисленность
искренних друзей равенства
в Национальном конвенте*

Позднейшие события, я полагаю, в достаточной мере доказали, что демократы никогда не были многочисленны в Национальном конвенте. Восстание 31 мая передало верховное влияние далеко не одним искренним друзьям равенства; вместе с восстанием восторжествовали фальшивые и корыстные защитники равенства. Но деятельно разрушая

все в собственных интересах, они примкнули к системе, против которой боролись, когда потребовалось все перестроить в интересах народа.

В числе людей, блиставших на революционной арене, были такие, которые с самого начала высказывались за действительное освобождение французского народа. Марат, Максимилиан Робеспьер и Сен-Жюст, наряду с некоторыми другими, доблестно фигурируют в почетном списке защитников равенства. Марат и Робеспьер открыто нападали на антинародную систему, преобладавшую в Учредительном собрании; они руководили до и после 10 августа выступлениями патриотов. Попав в Конвент, они оказались в нем предметом ненависти и клеветы для партии эгоизма, которую они приводили в замешательство; во время суда над королем они поднялись до философских высот и активно участвовали в событиях 31 мая и последующих дней *, благотворное влияние которых было в итоге уничтожено фальшивыми друзьями равенства.

* Разумная и смелая политика, следовавшая за этими событиями, вызвала во Франции мужественный и всеобщий порыв, благодаря которому она в короткое время сокрушила внутренних мятежников и объединившиеся против свободы королевские армии, которым аристократические воззрения и двусмысленное поведение Жиронды подготавливали верную победу. Это был акт мужества и стойкости монтаньяров, противостоявших жирондистам в Национальном конвенте; в этот период Гора состояла из подлинных друзей равенства, но также из тех, кто афишировал эти принципы из личных побуждений.

*Декларация прав,
провозглашенная Робеспьером*

До падения жирондистской клики Робеспьер полагал, что Конвент, в котором она господствовала, неспособен создать хорошие законы. Он считал, впрочем, что в критических условиях этого периода первая забота уполномоченных народа должна состоять в уничтожении многочисленных внутренних и внешних врагов, угрожавших существованию республики. Но увидя, что жирондисты спешат узаконить свои аристократические принципы, он противопоставил их проектам свою *Декларацию прав*, в которой совершенно открыто проявились его демократические замыслы. Сопоставляя политические доктрины, содержащиеся в этом произведении и в речах, произнесенных Робеспьером в последнюю пору его жизни, с его моральной безупречностью, самопожертвованием, мужеством, скромностью и редким бескорыстием, нельзя не воздать дань глубочайшего уважения столь высокой мудрости. Точно так же нельзя не испытать отвращения к испорченности и не скорбеть по поводу непостижимого ослепления людей, задумавших и осуществивших его убийство *.

* На этого знаменитого мученика во имя равенства так много клеветали, что долг каждого честного писателя посвятить свое перо тому, чтобы восстановить добрую память о нем. Я не нахожу лучшего способа для этого, как переписать здесь его проект

Конституция 1793 года

Однако конституция 1793 г., составленная вслед за восстанием 31 мая частью Конвен-

Декларации прав: это замечательное произведение бросает яркий свет на подлинную цель, которую ставили перед собой люди, с такой яростью преследовавшиеся после смерти этого прославленного законодателя²⁹. Восхищение вызовет определение в нем права собственности, которое не ставится более в число основных прав, уступая место праву обеспечения своего существования; границы, поставленные этому праву собственности; введение прогрессивного налога; всеобщее участие в создании закона; искоренение нищеты; обеспеченное всем гражданам образование; право сопротивления угнетению, причем это право определяется таким образом, что оно становится непреодолимым препятствием своеволию государственных чиновников и тирании самих законов.

*Декларация прав человека и гражданина,
предложенная Максимилианом Робеспьером*³⁰

Представители французского народа, собравшиеся в Национальном конвенте, признавая, что людские законы, отнюдь не проистекающие из вечных законов справедливости, представляют собой не что иное, как преступления невежества и деспотизма против человечества; убежденные в том, что единственными причинами преступлений и несчастий в мире являются забвение естественных прав человека и пренебрежение ими, — решили изложить в торжественной декларации эти священные и неотчуждаемые права, дабы все граждане, имея возможность беспрестанно сопоставлять действия правительства с целью всякого социального установления, не дозволяли тирании угнетать и унижать себя; дабы перед глазами народа постоянно находились основы его свободы и счастья, перед глазами должностного лица — правила

та, которую тогда именовали Горой, не вполне отвечала пожеланиям друзей человечества. К сожалению, в ней можно найти старые, приводящие в отчаяние взгляды на право собственности³¹. Впрочем, политические права граждан в ней ясно изложены и прочно гарантированы; всеобщее обучение поставлено в ней в число обязанностей обще-

исполнения им своих обязанностей, перед глазами законодателя — цель его миссии.

Вследствие этого Национальный конвент провозглашает перед лицом всего мира и перед бессмертным законодателем нижеследующую декларацию прав человека и гражданина.

Статья 1

Целью всякой политической ассоциации является сохранение естественных и неотъемлемых прав человека и развитие всех его способностей.

Статья 2

Основными правами человека являются права на существование и свободу.

Статья 3

Эти права принадлежат в равной мере всем людям, как бы различны ни были их физические и моральные силы.

Статья 4

Свобода есть возможность каждого человека развивать вволю свои способности; она имеет своим правилом справедливость, границами — права других людей, принципом — природу и охраной — закон.

Статья 5

Право мирных собраний, а также право провозглашения своих взглядов, будь то в печати или любым

ства; она легко допускает изменения в интересах народа; суверенитет в ней обеспечен

иным путем — являются столь необходимыми следствиями принципа свободы человека, что самая необходимость заявить об этом предполагает наличие деспотизма в настоящем или в недавнем прошлом.

Статья 6

Право собственности есть право всякого гражданина пользоваться и располагать по своей воле частью имущества, которая ему гарантирована законом.

Статья 7

Право собственности, как и все другие права, ограничено обязанностью уважать права других людей.

Статья 8

Это право не может наносить ущерба безопасности, свободе, существованию и собственности нам подобных.

Статья 9

Всякая торговля, нарушающая этот принцип, по существу своему противозаконна и безнравственна.

Статья 10

Общество обязано заботиться о существовании всех своих членов путем предоставления им работы и обеспечения средств существования нетрудоспособным.

Статья 11

Необходимая помощь всякому, кто лишен насущного, — долг того, кто обладает излишком. Закон должен определить способ выполнения этого обязательства.

Статья 12

Граждане, доход которых не превышает необходимого для их существования, освобождаются от уча-

народу в большей мере, чем когда-либо ранее.

ствия в общественных расходах; все прочие должны нести их *прогрессивно*, соответственно размерам их состояния.

Статья 13

Общество должно всемерно способствовать прогрессу общественного разума и сделать просвещение доступным для всех граждан.

Статья 14

Народ является сувереном; правительство — его творением и его собственностью; общественные должностные лица — его слугами. Народ вправе по своему усмотрению сменить правительство и отозвать своих уполномоченных.

Статья 15

Закон есть свободное и торжественное выражение воли народа.

Статья 16

Закон должен быть одинаков для всех.

Статья 17

Закон не может защищать то, что является вредным для общества; он вправе предписывать лишь то, что для общества полезно.

Статья 18

Всякий закон, нарушающий неотъемлемые права человека, несправедлив и тираничен по существу; он не является законом.

Статья 19

В каждом свободном государстве закон должен защищать главным образом общественную и индивидуальную свободу против власти тех, кто управляет.

Благоразумной ли осмотрительности, диктовавшейся враждебной позицией взбудораженных жирондистами богачей, или влиянию эгоистов на совещания Национального конвента следует приписать осторожность,

Всякое установление, не исходящее из предпосылки, что народ *хорош*, а должностное лицо *подвержено коррупции*, порочно.

Статья 20

Ни одна часть народа не вправе осуществлять власть, принадлежащую всему народу; но пожелание, высказываемое ею, должно быть уважаемо как пожелание части народа, которое должно способствовать формированию общей воли. Каждая часть суверенного народа, собравшись вместе, должна свободно пользоваться правом выражать свою волю; она по существу не зависима ни от каких установленных властей и полновластна в определении своего управления и порядка своих собраний.

Статья 21

Все граждане допускаются к отправлению любой общественной должности без всякого иного различия, кроме различия в добродетелях и талантах, без всякого иного основания, кроме доверия народа.

Статья 22

Все граждане пользуются одинаковым правом участия в назначении народных уполномоченных и соиздании законов.

Статья 23

Для того чтобы эти права не были иллюзорными, а равенство несбыточным, общество должно оплачивать своих должностных лиц и устраивать так, чтобы граждане, живущие своим трудом, могли участвовать в народных собраниях, в которые их призывает закон,

проявленную в ней, как и вынужденное сокрытие депутатами, друзьями равенства, их

без ущерба для их существования, как и для существования их семьи.

Статья 24

Каждый гражданин обязан строго повиноваться должностным лицам и правительственным агентам в тех случаях, когда они являются проводниками и исполнителями закона.

Статья 25

Однако всякий акт, направленный против свободы, безопасности или собственности человека, независимо от того, кем этот акт осуществляется, даже если он осуществляется именем закона, за исключением случаев, которые определены законом, и форм, которые им предписаны, является произволом и недействителен; уважение к закону как раз воспрещает подчинение такому акту; и если существует намерение претворить его в жизнь путем насилия, то в таком случае дозволено силою же его отклонить.

Статья 26

Каждому индивиду принадлежит право представления петиций носителям общественной власти. Лица, которым они адресованы, обязаны выносить решения по пунктам, являющимся предметом петиций; но они не вправе запрещать эти петиции, как и не вправе осуждать тех, кто к ним прибегает.

Статья 27

Сопротивление угнетению проистекает из других прав человека и гражданина.

Статья 28

Угнетение одного из членов социального организма означает угнетение всего социального организма.

дальнейших намерений. Как бы то ни было, верно то, что провозглашение права народа обсуждать законы, подчиненные уполномоченных народа его предписаниям и почти единогласное утверждение конституции 1793 г.

Угнетение всего социального организма означает угнетение каждого из его членов.

Статья 29

Когда правительство нарушает права народа, то восстание является для народа, как и для каждой части народа, самым священным из прав и самой необходимой из обязанностей.

Статья 30

В том случае, когда отдельный гражданин лишается социального обеспечения, он приобретает естественное право лично отстаивать все свои права.

Статья 31

В том и в другом случае подчинять сопротивление угнетению легальным формам есть самая утонченная тирания.

Статья 32

Общественные должности должны рассматриваться не как отличия и не как вознаграждения, а как общественные обязанности.

Статья 33

Преступления народных уполномоченных должны быть наказуемы сурово и без промедления. Никто не вправе претендовать на большую неприкосновенность, чем у всех других граждан.

Статья 34

Народ вправе быть осведомленным о всех действиях его уполномоченных; они обязаны давать ему

способствовали тому, что эта конституция рассматривалась как *палладиум* французской свободы *.

*Происхождение и побудительные мотивы
революционного правительства*

Однако некоторые из тех, кто принимал участие в составлении этой конституции, которую патриоты с тех пор называли демо-

точный отчет о своей деятельности и с уважением подчиняться его приговору.

Статья 35

Люди всех стран являются братьями; различные народы должны по возможности оказывать помощь друг другу, подобно гражданам одного и того же государства.

Статья 36

Тот, кто угнетает одну нацию, объявляет себя врагом всех наций.

Статья 37

Лица, вступающие в войну с народом, чтобы приостановить развитие свободы и уничтожить права человека, должны быть всюду преследуемы не как обычные враги, а как взбунтовавшиеся злодеи и разбойники.

Статья 38

Короли, аристократы, тираны, кто бы они ни были, являются рабами, взбунтовавшимися против властелина земли, которым является людской род, и против законодателя вселенной, которым является природа.

* См. Документы, № 1.

кратической, понимали, что она одна не может обеспечить французам счастье, которого они требовали. Они считали, что пользование свободой должно наступить лишь после реформы нравов; им было известно, что прежде, чем вверить народу суверенитет, следует сделать всеобщей любовь к добродетели; бескорыстием и скромностью заменить алчность, тщеславие и честолюбие, поддерживающие постоянную войну между гражданами; уничтожить существующее по вине наших учреждений противоречие между потребностями и любовью к независимости и вырвать у подлинных врагов равенства средства обмана, запугивания и сеяния раздора; они знали, что принудительные и чрезвычайные меры, необходимые для осуществления столь счастливой и великой перемены, несовместимы с формами упорядоченной организации; они, наконец, знали,— и опыт впоследствии вполне подтвердил их точку зрения,— что устанавливать конституционный порядок выборов без этих предварительных мер значит отдать власть в руки любителей всяких злоупотреблений и навсегда утратить возможность упрочить общественное благо*. Поэтому по

* Пока положение вещей останется таким, каково оно есть, самая свободная политическая форма будет выгодна лишь для тех, кто может обходиться без труда. Поскольку народные массы обречены, вследствие нужды, на тяжелый, непрерывный труд и лишены возможности быть осведомленными в общественных делах, как и присутствовать на собраниях, на которых эти дела обсуждаются, и поскольку они ради

просьбе 8 тысяч посланцев народа они до заключения мира заменили конституцию 1793 г. такой формой власти, которая сохраняла за теми, кто начал это великое дело, возможность завершить его и одновременно вместо превратностей открытой войны против внутренних врагов свободы применяла быстрые и законные способы для того, чтобы их обессилить. Эта форма была названа революционным правительством³² и имела руководителями членов Комитета общественного спасения, которому человечество чуть было не оказалось обязанным полным искуплением.

Чудеса революционного правительства

Честные люди не могут не признать глубокой мудрости, с какой французская нация направлялась тогда к такому государственному устройству, при котором она существовала бы в условиях равенства и мирно пользовалась бы свободной конституцией. Выше всякой похвалы благоразумие, с каким знаменитые законодатели, искусно используя поражения и победы, сумели внушить огромному большинству нации самую возвышен-

своего существования становятся в зависимость от богачей, то одни богачи и распоряжаются совещаниями, которым правительства обманным путем так ловко придают вид запросов к народу. Следует ли предполагать, что эти добропорядочные люди забудут о своих интересах? Что если бы от них потребовали, чтобы они сами отказались от своего высокого положения?

ную самоотверженность, презрение к богатству, к удовольствиям и к смерти и побудить его провозгласить, что все люди имеют равные права на произведения земли и промышленности.

Кто может стереть со страниц истории удивительную метаморфозу, в силу которой так много людей, еще недавно падких на наслаждения, алчных, легкомысленных и надменных, добровольно отказались от множества противоестественных наслаждений, стали наперебой слагать свои излишки на алтарь отечества, массами обрушивались на королевские армии и за все это требовали лишь хлеба, оружия и равенства?

Эти факты, засвидетельствованные бесчисленными воззваниями, донесениями и декретами, публичными постановлениями, летописями Франции, еще неугасшим ужасом аристократических классов и нашими собственными воспоминаниями, сами по себе служат ответом на ложь, клевету и софизмы, при помощи которых старались очернить этот блистательный отрезок французской истории.

Какая великая участь могла ожидать народ, которому оказалось возможным внушить столь благородную самоотверженность! Какие мудрые учреждения ожидали Францию и весь мир благодаря советам людей, руководивших столь великими, столь изумительными делами!

Со времени обнародования конституционного акта 1793 г. и декрета, создавшего

революционное правительство, власть и законодательство становились с каждым днем все популярнее. Французский народ был охвачен священным, сколь и беспримерным энтузиазмом; словно по волшебству возникали бесчисленные армии; республика превратилась отныне в обширную военную мастерскую; молодежь, люди зрелого возраста и даже старики соревновались в патриотизме и храбрости; грозный враг был в короткое время отброшен от границ захваченных им силой или вследствие измены.

Мятежные фракции внутри страны были подавлены; каждый день появлялись в свет законодательные мероприятия, направленные к тому, чтобы воскресить надежды в многочисленном классе неимущих, к поощрению добродетели и к восстановлению равенства. Избыток предназначался для неимущих и на оборону отечества. Путем реквизиций съестных припасов и товаров, путем принудительных займов, революционного установления твердых цен и чрезвычайной щедрости добрых граждан обеспечивалось существование 1400 тысяч воинов и людей из народа, республиканское дерзание которых богачи рассчитывали обуздать измором.

Устройство складов, где хранились запасы, законы против спекулятивных скупок, провозглашение принципа, в силу которого народ становился собственником предметов первой необходимости, законы об уничтожении нищенства, о распределении государст-

венного вспомоществования, а также общность, господствовавшая тогда среди большинства французов, являлись одними из предварительных условий нового порядка, проект которого начертан неизгладимыми буквами в знаменитых докладах Комитета общественного спасения и главным образом в тех из них, которые произносили с национальной трибуны Робеспьер и Сен-Жюст *.

* Робеспьер. Доклад от 18 плювиоза II года ³³. Мы хотим такого порядка вещей, при котором законы обуздывали бы все низкие и жестокие страсти и пробуждали все страсти добродетельные и благородные, при котором честолюбие означало бы желание удостоиться славы и служить отечеству; при котором различия рождались бы из самого равенства; гражданин подчинялся бы должностному лицу; должностное лицо — народу, а народ — справедливости; при котором отечество обеспечивало бы благосостояние каждому индивиду, а каждый индивид с гордостью наслаждался бы процветанием и славой отечества; при котором души облагораживались бы постоянным общением между республикански настроенными людьми и потребностью удостоиться уважения великого народа; при котором искусства являлись бы украшением облагораживающей их свободы, торговля — источником общественного изобилия, а не чудовищного обогащения нескольких торговых домов.

Мы хотим заменить эгоизм в нашей стране нравственностью; честь — безукоризненной честностью; привычки — принципами; благопристойность — долгом; тиранию моды — царством разума; презрение к несчастью — презрением к пороку; заносчивость — гордостью; тщеславие — величием души; любовь к деньгам — любовью к славе; дурную компанию — хорошими людьми; интриги — заслугами; острословие — талантом; блеск — правдивостью; пресыщенность наслаждениями — прелестью счастья; незначительность

Законодательные мероприятия в пользу равенства и народных обычаев

Чтобы по достоинству оценить революционное правительство французской республики, следует отрешиться от предрассудков, порожденных предшествовавшими револю-

видных людей — величию человека; любезный, привольный и жалкий народ — благородным, могучим, счастливым народом; иными словами, все пороки и нелепые черты монархии заменить всеми добродетелями и чудесами республики.

Словом, мы хотим осуществить волю природы, превратить в жизнь судьбы человечества, сдержать обещания, данные философией, снять вину с провидения за долгое господство преступления и тирании. Пусть некогда знаменитая среди поработанных стран Франция, затмевая славу всех существовавших доньше свободных наций, станет образцом для народов, ужасом для поработителей, утешением для угнетенных, украшением вселенной; пусть, скрепив наше творение своей кровью, мы сможем по крайней мере увидеть сияющую зарю всеобщего счастья.

Робеспьер. Речь от 7 прериала II года: Сущность республики — не в пышных наименованиях, не в победе, не в богатстве, не в преходящем энтузиазме; ее сущность — в мудрости законов и в особенности в добрых нравах; в чистоте и прочности устоев правления.

Сен-Жюст. Доклад от 8 вантоза II года: Богатство находится в руках значительного числа врагов революции; нужда ставит трудящийся народ в зависимость от его врагов. Мыслимо ли, чтобы могла существовать империя, если гражданские отношения таковы, что противоречат существующей форме правления? Люди, совершающие революцию наполовину, только роют себе могилу. Революция ведет нас к признанию того принципа, что всякий, кто проявил себя врагом своей страны, не может в ней являться

ции политическими системами, приносившими миру во все времена несчастья и преступ-

собственником. Для нашего спасения необходимы еще несколько гениальных ходов.

Неужели народ проливает кровь на фронтах и все семьи носят траур по своим детям для того, чтобы оберегать утеху своих тиранов? Вы должны будете признать принцип, в силу которого только тот обладает правами в нашем отечестве, кто содействовал его освобождению. Упраздните нищенство, которое позорит свободное государство; собственность патриотов священна; имущество же заговорщиков переходит в распоряжение всех неимущих. Неимущие — производительная сила земного шара; они вправе приказывать правительствам, которые относятся к ним пренебрежительно.

И в конце той же речи: Во имя ваших интересов уничтожьте мятежную партию; закалите свободу, отомстите за патриотов, жертв интриги; поставьте в порядок дня здравый смысл и скромность; не допускайте, чтобы в государстве был хотя бы один несчастный или бедняк. Только такой ценой вы осуществите подлинную революцию и установите подлинную республику.

Сен-Жюст. Доклад от 13 вантоза: Пусть узнает Европа, что вы не хотите больше иметь ни одного несчастного, ни одного угнетателя на французской территории; что этот пример приносит плоды на земле; что он распространяет на ней любовь к добродетели и к счастью. Счастье — это новая идея в Европе.

Сен-Жюст. Доклад от 23 вантоза II года: Если народ полюбит добродетель, умеренность, если с лиц исчезнет бесстыдство; если в обществе вновь появится целомудрие, контрреволюционеры, умеренные и плуты будут повергнуты в прах; если будет наведен ужас на врагов революции, а по отношению к патриотам будут проявлены любовь и мягкосердечие; если должностные лица засядут в кабинетах, чтобы, призывая в свидетели лишь собственное сердце, творить добро, не гоняясь за известностью; если вы наделите

ления. Мудрость, с какой оно подготовило новый порядок распределения имуществ и обязанностей, не может ускользнуть от взоров здравомыслящих людей. Они не ограничатся тем, чтобы рассматривать как выражение народной признательности раздачу земельных владений, обещанных защитникам родины, а также декрет, предписывавший раздел между неимущими имущества врагов революции, подлежавших изгнанию из пределов Франции. В конфискации имущества осужденных контрреволюционеров они усмотрят не фискальное мероприятие, а обширный план реформатора. И когда они примут во внимание, с какой заботой распространялись чувства братства и благожелательства, как искусно сумели изменить наши понятия о счастье, с каким благоразумием был зажжен во всех сердцах благородный энтузиазм во имя защиты отечества и свободы; когда они вспомнят, как почитались простые, добрые нравы, как были осуждены завоевания и излишества, когда они вспомнят о многочисленных народных собраниях, о проектах общественного воспитания, о Марсовом поле, о национальных празднествах; когда они подумают об установлении возвышенного культа, который отождествлял законы отечества с предписаниями божественного начала, удваивая тем

землей всех неимущих и отнимете ее у всех мерзких людей, тогда я признаю, что вы совершили революцию.

самым силы законодателя и давая ему средства для искоренения в короткий срок всех суеверий и для претворения в жизнь всех чудес равенства; когда они вспомнят, что, взяв в свои руки внешнюю торговлю, республика в корне пресекла всепожирающую алчность и истощила самый обильный источник искусственных потребностей; когда они учтут, что при помощи реквизиций она получила в свое распоряжение бóльшую часть сельскохозяйственной и промышленной продукции и что забота о продовольствии и торговля составляли уже две крупные отрасли общественного управления,— они будут вынуждены воскликнуть: *еще немного времени, и счастье и свобода людей были бы обеспечены учреждениями, которых они непрерывно требовали!*

*Фракция, внушавшая народу тревогу
за сохранение его суверенитета.
Эбертисты*

Но судьба решила иначе, и дело равенства, которое никогда не одерживало таких больших успехов, снова должно было потерпеть неудачу в результате объединенных усилий всех антисоциальных страстей.

Те, кто имел благородную смелость взять на себя столь славное начинание, должны были одновременно бороться против заблуждений слабовольных людей, как и против интриг людей недобросовестных, жертвами которых они в конце концов и явились.

Одни считали, а другие делали вид, что считают, будто революционное правительство, при котором часть граждан не пользовалась временно политическими правами, существенным образом угрожало свободе нации; эти люди в большей мере вредили отечеству софизмами, вводившими в заблуждение массу добрых граждан, чем кознями, которые они строили против главных руководителей преобразования.

К несчастью люди, проникнутые теориями о свободном и мирном социальном строе, обычно с трудом постигали природу чрезвычайной и необходимой власти, при посредстве которой нация может полностью овладеть свободой, несмотря на коррупцию, являющуюся следствием ее прежнего порабощения, вопреки козням и враждебным действиям внутренних и внешних врагов, замышляющих заговоры против нее.

*Фракция воинствующих эгоистов,
присоединившись к предшествующей,
убивает друзей равенства.
Дантонисты*

Фальшивые друзья равенства, распространявшие его принципы с намерением приберечь для себя возможность удовлетворить свою алчность, ступали при наступлении дня, когда все должно было покориться нивелировке и склониться под бременем морали.

Одни злоупотребляли широкими полномочиями, которыми они пользовались в провинции и в армии; другие помышляли о переходе богатств в руки революционеров, которых они хотели превратить в новый класс привилегированных; третьи обвинялись в том, что за свои преступные махинации получали деньги из-за границы *.

* Эбер и Дантон дали свои имена двум фракциям, которые, хотя и были обе враждебны революционному правительству, установлению которого они содействовали, существенно отличались одна от другой и с точки зрения цели, к которой они стремились, и характера людей, из которых они состояли.

В рядах эбертистов обычно находились только люди труда, прямые, искренние, отважные, мало склонные к усидчивым занятиям, чуждые политических теорий, чувством любившие свободу, энтузиасты равенства, горевшие нетерпением насладиться им.

Их, добрых граждан в упрочившейся народной республике, негодных кормчих во время штормов, предшествующих ее установлению, нетрудно было настроить против дальнейшего существования революционного учреждения, рисуя его в их глазах как преступное покушение на народный суверенитет. Точно так же нетрудно было убедить их в том, что для того, чтобы навсегда устранить причину суеверия и власти духовенства, необходимо изгнать все религиозные идеи. Между тем эти люди, скорее расположенные разрешать трудности одним ударом, нежели здраво взвешивать полезность и последствия политического кризиса, имели в виду тот же результат, к которому стремились благоразумные друзья равенства; но эбертисты не составили себе, подобно тем, ясного представления ни об учреждениях, при посредстве которых можно добиться этого равенства, ни о пути, по которому надо следовать для его достижения³⁴. Не им, стало быть, надо приписать пагуб-

Эта фракция находилась также в заговоре против тех, кто вызвал к жизни демократи-

ный раскол и несчастья, причиненные фракцией, к которой они принадлежали. Столь тяжелая ответственность ложится полностью на влиятельных людей, которые, ссылаясь на народное благо, внушили им несправедливые подозрения, и которым, к прискорбию, нельзя простить преступного ослепления.

Дантонисты не имеют права на подобную снисходительность, ибо преобладающей чертой этой фракции была смесь тщеславия, интриги, дерзости, фальши, продажности и испорченности. Те, кого она признавала своими вождями, публично проповедовали устои, противоречившие чистоте нравов, на основе которой французское правительство этого периода намеревалось установить республику. Рабски имитируя распущенность, отличавшую до революции двор и привилегированные классы, они вели борьбу против прежней знати, чтобы занять ее место, и выступили против религии не с целью освобождения людей от ига предрассудков и суеверий, не с целью лишения тирании ее самого страшного помощника, а с тем, чтобы избавиться от стеснявшей их мысли о судьбе, чтобы спокойнее предаваться неистовству своих низких страстей и изгладить из сознания людей утешительные мысли о справедливости, честности и добродетели.

Дантонисты смотрели на революцию как на игру случая, в которой победа достается тому, кто более хитер и плутоват. Они сострадательно усмехались словам бескорыстия, добродетели, равенства и открыто заявляли, что революционерам в конечном счете должны принадлежать все преимущества богатства и власти, которыми пользовались дворяне при старом режиме. Поэтому многие из тех, кто умножил их ряды, не остановились впоследствии перед тем, чтобы позаимствовать самые различные окраски, чтобы потворствовать всем видам тирании и пойти на самые гнусные происки с целью стяжания богатства и удержания в своих руках хотя бы призрака власти.

ческие учреждения. Она потерпела неудачу и была свидетелем гибели некоторых из ее вождей; однако те из них, кто остался в живых, благодаря тому, что они присоединились к голосу угрожавшего им национального правосудия, угождали врагам революции всех оттенков, найдя поддержку у введенных в заблуждение патриотов, которым они внушили опасение в утрате народного суверенитета, ловко вводя в игру зависть, которую вызывает заслуга, объявили добровольное уважение, оказываемое добродетели, признаком нестерпимой тирании. С помощью самой бессмысленной клеветы им удалось добиться 9 термидора II года умерщвления депутатов,

Вожаки этих фракций замыслили опасные махинации, и революционное правительство, не без серьезных оснований, обвинило их в том, что они действуют заодно с иностранными правительствами, объединившимися против французской республики. Как бы ни обстояло дело с тайными сношениями вожаков, верно то, что обе фракции старались все ниспровергнуть и что они приветствовали трагические события 9 термидора и содействовали им. Но они поступали так в совершенно различных видах: дантонисты хотели избавиться от равенства, которое они ненавидели, и от стеснявшей их республиканской суровости, в то время как эбертисты безумным образом считали, что свобода и республика тем самым находят себе освобождение и упрочиваются. Их заблуждение длилось недолго; выведенные постепенно из него, они вскоре присоединились к тем, поведение коих они недавно осуждали, и разделили преследования, которым подверглись все честные сердца со стороны этого прязного сообщества, непрерывно стремившегося вследствие своей возмутительной безнравственности уподобиться приверженцам деспотизма.

которым французский народ был обязан большей частью успехов, достигнутых в процессе завоевания им своих прав *.

* Некоторые члены Национального конвента, известные растратами, которыми они запятнали себя во время осуществления ими своих полномочий, по-видимому, являются главными подстрекателями этого приговорного дня³⁵. Приведенные в ужас казнью заговорщиков и суровыми правилами правительства, они легко запугивали себе подобных и своими воплями возродили уверенность и дерзость врагов равенства.

Множество различных мотивов, вызванных корыстью, завистью, тщеславием, аристократичностью и мстительностью, усиливали грозу, разразившуюся в этот день над республикой; их можно было распознать по нелепости обвинений, по противоречивости обвинителей и по ожесточению, с каким преследовались все те, кто считал своим долгом защищать республиканца Робеспьера.

Тайные виды тех, кто незаконно послал его на смерть, скрывались под туманным обвинением в тирании. Но не оправдано ли существование тирана, не обладавшего богатством, солдатами, имевшего друзьями лишь врагов всяких тиранов; тирана, который не только не шел на низкую лесть толпе, потворствуя ее капризам, но часто имел мужество, рискуя вызвать недовольство толпы, отговаривать ее от соблазнительных планов, которые ей предлагали другие? Скажут, что это был тиран общественного мнения... О, на этот раз приговор вынесен... Тирания Робеспьера заключалась, следовательно, не в чем ином, как в силе его мудрых советов и влиянии его добродетели. ...Он был тираном для дурных людей.

Да и каким образом могли бы вы доказать, что он был тираном, вы, которые после его смерти только и знали, что поносили друг друга и губили нас. В то время как одни обвиняли его в том, что он погубил Дантона, другие упрекали его в желании спасти его; люди, которые еще накануне называли его Каптоном Франции, либо сравнивали его с Орфеем,

*Добродетель названа пороком
и тиранией*

С этого времени все было потеряно. Чтобы оправдать свое преступление, лица, содей-

просвещающим дикие народы, составляют обвинительный акт против него; то ему вменяют в вину ошибки некоторых депутатов во время их командировок, то жалуются на преследования, которым он хотел их подвергнуть. Вы заявляли, что он обладал несколькими миллионами, а Франция доныне называет его *неподкупным*; хорошо известно, что распродажа всего, что у него было найдено, дала не более 460 ливров деньгами. Вы заявляли, что он был лишен знаний и здравого смысла, утверждая в то же время, что он в течение 15 месяцев подчинял вас своему господству. В то время, как вы называли его жестоким, другие упрекали его в том, что он продлил дни 73 заключенных жирондистов³⁶. Вы все еще толкуете о его неистовом властолюбии, но вы ничего не говорите введенному в заблуждение вашими лживыми рассказами миру, что если бы не его героические советы, члены Парижской коммуны во главе большинства секций и артиллеристов подвергли бы вас заслуженной вами каре. Подобно школьникам, взбунтовавшимся против своего учителя, вы осыпали его бранью у его смертного одра и позволили растравлять его кровоточащие раны.

С ничем несравнимым исступлением комитеты³⁷ по примеру самых ярых аристократов древнего Рима восстановили народ против его защитников, изображая их в его глазах властолюбцами, находящимися в заговоре с целью восстановления трона и стремящимися его занять, комитеты, которые 10 термидора не постеснялись заявить Конвенту, что своим триумфом он обязан измышлениям, при помощи которых они ввели в заблуждение доброе и простодушное население Антуанского предместья.

«Вы, быть может, этому не поверите,—говорил докладчик комитетов Общественного спасения и

ствовавшие событиям этого дня, вынуждены были в основных пунктах обвинения предста-

Общественной безопасности,— в помещении Коммуны, в котором происходило контрреволюционное заседание, на столе была новая печать с оттиском лилии, и уже этой ночью в Тампле появились двое лиц, чтобы потребовать оттуда его обитателей. Я должен здесь указать на одну характерную черту, свидетельствующую об общественном настроении: тайные эмиссары хотели совратить народ в Антуанском предместье; но как только народные представители заговорили об эмблемах королевской власти, обнаруженных в помещении Коммуны, республиканские секции разразились возгласами «возмущения».

Робеспьер хочет пристыдить своих обвинителей, ему затыкают рот; Сен-Жюста бросают в тюрьму при первых словах его речи, которую ему не дают произнести; лишают свободы Кутона³⁸ за намерение оказать сопротивление несправедливости; Леба³⁹ подвергается проскрипции за одно заявление о своем нежелании разделить позор несправедливого декрета; брат Робеспьера⁴⁰ хочет его защитить и также подвергается аресту; на другой день все они предаются мученической смерти, а Давид⁴¹, заявивший Робеспьеру: «Вместе с тобой я выпью цикуту»,— долго томился в заключении и остался в живых только благодаря брэнной славе, которой он пользовался как художник.

Чтобы как можно скорее их погубить, вы использовали тревогу, поднятую Коммуной, и их присутствие на ее последних заседаниях.

Не говоря уже о подозрении в том, что вы расставили им сети, сами раскрыв их тюрьмы, одни их намерения и ваши намерения, то, что сделали они и что сделали вы, блага, которые предвещали нам времена, предшествовавшие их смерти, и множество бедствий, которые за ней последовали,— все это с очевидностью доказывает, что никогда еще восстание не было более священным и сопротивление более настоятельно необходимым.

вить в искаженном виде принципы, поведение и добродетели своих жертв. Корыстолюбивые проповедники демократии и старые приверженцы аристократии пришли к соглашению. Отдельные голоса, напоминавшие о доктринах и институтах равенства, стали рассматриваться как непристойные вопли анархии, разбоя и терроризма. Власть была захвачена теми, кто во имя всеобщего блага был прежде ущемлен, и чтобы отомстить за унижение, до которого они были доведены, они подвергли долгому и кровавому преследованию заодно с искренними друзьями равенства также и тех, кто проповедовал его из личных выгод, и даже тех, кто вследствие измены, зависти или ослепления так активно содействовали контрреволюции 9 термидора.

*Революционное правительство
становится общественным бедствием*

Лишь только революционное правительство перешло в руки приверженцев эгоизма, оно стало настоящим бичом общества. Его поспешная и ужасная деятельность, которую могла бы сделать законной только добродетель его руководителей и демократический дух их намерений, отныне становится не чем иным, как страшной тиранией по цели и по форме. Она все деморализовала; она вернула вновь роскошь, изнеженность нравов, хищничество; она растратила общественное достоинство, извратила принципы революции,

а всех, кто искренно и бескорыстно защищал ее, отдала на растерзание ее врагам. Старания господствующей партии были со всей очевидностью направлены в это время к поддержанию неравенства и к установлению аристократического строя. Отняв у народа надежду на справедливое законодательство, ввергнув его в неуверенность и упадок духа, люди, пришедшие к власти, замыслили вырвать у него последние остатки его суверенитета.

*Друзья равенства
требуют конституции 1793 года.
Они терпят поражение*

Насколько друзья равенства до 9 термидора желали сохранения революционного правления во всей его чистоте *, настолько после

* Чтобы оттолкнуть народ от всякой идеи о реформе, отвратить его от мысли о пользовании своими правами и сделать ненавистными для него его истинных друзей, старые и новые аристократы старались более всего подействовать на него преувеличением числа тюремных заключений и приговоров, имевших место при революционном правительстве до 9 термидора; они представили их так, словно они являлись угрозой для всех классов общества без различия; представляя затем как окончательно установленное то, что в действительности являлось лишь печальной необходимостью переходного периода, они старались уверить народ, будто строй равенства есть не что иное, как нескончаемый ряд насилий, избиений, казней, актов ненависти и мщения.

Между тем достаточно немного здравого смысла, чтобы распознать в этих разглагольствованиях неистовство пристрастия, которое их диктовало. Стоит

9 термидора они желали его падения, с тем чтобы заменить его конституцией 1793 г., против которой были направлены происки

только рассуждать беспристрастно, чтобы быть вынужденным согласиться с тем, что друзья равенства после чрезмерно долгого и пагубного терпения решились прибегнуть к суровости по отношению к их неисправимым врагам только из любви к отечеству и из сознания своих настоятельнейших обязанностей.

Поскольку признана справедливость и необходимость революционного учреждения, речь идет уже не о том, чтобы исследовать, как далеко доводила возглавлявшая его власть суровость, к которой она была вынуждена прибегнуть; важно лишь знать, отвечала ли эта власть цели, ради которой она была учреждена. Она должна была установить царство равенства и законов, и она беспрестанно, вплоть до 9 термидора III года, прилагала усилия в этом направлении, преобразовывая нравы и дух законов и устраняя препятствия, которые беспрерывно ставились на пути осуществления столь величественного начинания.

Этими препятствиями являлись вооруженная оппозиция, обман и неизменно возобновлявшиеся заговоры, замышлявшиеся партией, предпочитавшей погибнуть в пламени пожара, который она зажгла, чем склонить свою высокомерную голову перед нивелирующим строем равенства и отказаться от своих порочных привычек. Таких врагов приходилось не наказывать, а уничтожать.

Следует вспомнить, с какой быстротой сменялись с самого начала революции заговоры аристократов против власти народа: с момента провозглашения республики, и особенно после восстания 31 мая. среди оппозиционеров обнаружилось столь сильное, всеобщее и характерное возбуждение, что можно было безошибочно распознать врагов преобразования по их поведению, повадкам и взглядам.

Был период, когда опасность для общества была столь угрожающей, что народ мог обрушиться на

аристократии. Потеряв надежду на торжественное равенства, они хотели по крайней мере вернуть народу его политические права.

класс, которого он страшился, не допуская несправедливости. Правительство от имени народа делало то, что вправе был сделать народ, но оно делало это с гораздо большей пользой. Дело дошло до того, что пришлось выбирать между уничтожением нескольких оппозиционеров и безусловной утратой прав народом. Именно эту цель следует иметь в виду: была ли она справедлива? Суровость, необходимая для ее достижения, является, правда, прискорбной, но тем более необходимой обязанностью, что на исправление взбесившейся надменности не приходится рассчитывать.

Желание привести к справедливости и равенству — не прибегая к суровым мерам — нацию, среди которой существует множество людей, усвоивших привычки и имеющих притязания, непримиримые с благосостоянием и правами всех прочих людей, — столь же несбыточный, сколь заманчивый замысел. Предпринять такое преобразование и остановиться перед твердостью, которой оно требует, значит сознаться в своей непредусмотрительности; значит пожертвовать всеобщим благом ради пороков небольшой части; значит быть лишенным мужества.

Разве Ликургу в античные времена была вменена в вину смерть нескольких лакедемонских аристократов? Разве Бруту было поставлено в укор осуждение им своих детей? Разве порицалась сугубо революционная суровость, с какой сам Моисей безжалостно раздавил всех, кто противился успеху учрежденного им строя? Не жаждут ли те, кто поработщает земной шар, крови страждущего народа, когда он возмущается бедствиями, которые они заставляют его претерпевать?

Революции являются необходимым следствием долголетних несправедливостей; они служат мгновенной карой за вековые преступления. Отчего же люди, ко-

Такова была побудительная причина движения 12 жерминаля III года и парижского восстания 1 прериаля⁴². Неудача этих дней

которые их страшатся, непрерывно способствуют приходу новых революций? Отчего люди, которые любят преувеличивать то, что они называют эксцессами французской революции, не предотвращают их путем добровольного отказа от своих несправедливых притязаний, явившихся единственными причинами революций?

Немало разглагольствований было по поводу многочисленных арестов по подозрению, как и по поводу чрезмерной краткости судебных процедур против обвиняемых в заговоре.

В этом отношении следует заметить, что в такой период, когда заговоры рождаются вследствие сильного возбуждения страстей, разделяемых большим числом влиятельных и ловких людей, и когда заговорщики считают удобным обстоятельно обдумать свои замыслы, не выказывая никаких признаков их существования, случается, что опасность, угрожающая обществу, становится вдруг очевидной, и что в государстве разгорается всеобщий пожар, прежде чем становится возможным собрать против кого бы то ни было вещественные улики. В подобном положении, когда все возвещает о наличии близкой опасности, разве не благоразумно и справедливо уберечь народ от возможностей внутренней войны, приняв решительные меры против тех, кого их страсти, привычки и интересы ставят явным образом вне народной партии? В этом случае общее благо зависит от того, наведен ли страх на злостных людей молниеносным ударом по некоторым надменным головам. Возможно, что необходима лишь еще одна суровая мера, и дело человечества навсегда одержит во Франции полную победу.

Но к чему изощряться в рассуждениях для оправдания идеи и действий революционного правительства, предшествовавшего 9 термидора II года? Подстрекатели этого рокового дня, навлекшие столько

удвоила ярость врагов свободы и значительно увеличила число добрых граждан, запряганных в тюрьмы и перебитых на всем пространстве республики *.

Тюрьмы Парижа — очаги заговоров во имя равенства

Массовое тюремное заключение друзей свободы и их частые перемещения из одной тюрьмы в другую дали им возможность луч-

бедствий на французский народ, целиком выполнили эту задачу. Напрасно они взывали к законам гуманности, которые они осквернили, насильственно приостановив близкую к завершению спасительную деятельность, чтобы начать в пользу безнравственности, аристократии и королевской власти другую, во много раз более кровавую и ужасную.

* Движение 12 жерминаля было вызвано преследованиями против членов прежних комитетов Общественного спасения и Общественной безопасности — Барера, Бийо-Варенна, Колло д'Эрбуа и Вадье⁴³, из ненависти к ним за твердость, с какой они подавляли врагов революции. Убежденный ими Национальный конвент принимал и одобрял все те акты, которые ставились им в вину; но ярость аристократов, составлявших в то время большинство в этом Собрании, была так слепа, что, не имея в виду их оправдать, не принимая в расчет участие, которое они, к несчастью, принимали в событиях термидора, и не решаясь осудить их на глазах у парижского народа, Собрание произвольно осудило их на ссылку.

Граждане, преданные политической системе Робеспьера, как и лица, которым злостно внушили тревогу за сохранение народного суверенитета, в прерииале примкнули к конституции 1793 г., немедленного введения которой они единодушно требовали.

ше узнать друг друга и теснее связаться между собой. Тюрьмы Парижа, и в частности тюрьмы Плесси и Четырех наций, являлись тогда очагами большого революционного брожения.

Там встретились главные действующие лица заговора, события которого я намереваюсь описать. В флореале III года в тюрьме Плесси были заключены: *Бедон* [Дебон]*, *Ложан де Доримель* [Жюльен де ла Дром], *Бертран*, бывший мэр Лиона, *Фонтенель*, *Фион*, *Аннак* [Шанан], *Симон Дюпле*, *Сомбо* [Бодсон], *Клод Фике*, *Массар*, *Буэн*, *Моруа*, *Шентрар* [Треншар], *Гларту* [Гулар], *Ла Тильм* [Майе], *Велор* [Револь], *Гольскен* [Солиньяк], *Ривагр* [Гравье], *Жюльен Дезарм*⁴⁵, *Лер де Ла Нэтл* [Далэр Тенай], *Бабеф*, *Жермен*, *Буонарроти*, члены Народной комиссии в Оранже, члены революционных трибуналов Арраса, Камбре, Анжера, Ренна, Бреста, члены революционных комитетов Парижа, Нанта, Невера, Мулена и многие другие демократы из всех департаментов.

Из этих домов скорби взвились электрические искры, которые не раз заставляли бледнеть новую тиранию. Мне достоверно известно, что восстание 1 прериала III года было в значительной мере делом рук некоторых граждан, заключенных в Плесси, в числе

* Имена, напечатанные курсивом, являются во всей этой работе анаграммами имен лиц, о которых можно предполагать, что они еще живы⁴⁴.

которых называли, в частности Леблана, впоследствии комиссара Директории в Сан-Доминго, и Клода Фике*.

* *Конституции 1793 г. и хлеба!* — таков был в этот день лозунг парижского народа, справедливо обеспокоенного за свои права и за свое существование. Что касается прав, то угрожавшие им опасности были вполне реальны, ибо усилия партии, преобладавшей в Конвенте, были по всей видимости, направлены именно к уничтожению конституции 1793 г., что и было осуществлено некоторое время спустя.

Что касается средств к существованию, то никогда еще парижане не испытывали более жестокого голода. Между тем урожай был обильный и сельские местности имели самый благоприятный вид. Откуда же явился ужасный голод, скосивший такое множество граждан? Он был следствием попятного движения Конвента, следствием коварства аристократов и алчности богачей.

Чтобы расстроить преступные махинации, поощрявшиеся алчностью, Конвенту давно следовало установить твердые цены на съестные припасы, заставить тех, кто держал эти припасы в своих руках, снабжать рынки и при помощи суровых мер удерживать курс бумажных денег в соответствии с их номинальной стоимостью. После 9 термидора, когда реквизиции и твердые цены были сразу запрещены, а бумажные деньги предоставлены торговцам для свободной спекуляции ими, цены на предметы первой необходимости так сильно возросли, что в результате приобрести провизию можно было только на звонкую монету; рабочие массы, которые ее не имели, были при наличии изобилия лишены всего. В условиях величайших народных страданий правители непрестанно утверждали, что продовольствие обеспечено; они обещали народу более счастливое будущее в качестве вознаграждения за пагубную покорность, которой они от него требовали.

Если этот неоспоримый факт сопоставить с печатным актом, который явился сигналом к восстанию, с требованиями восставших и с политической физиономией поддерживавших их депутатов*, то этого достаточно будет, чтобы стереть пятно роялизма с главных зачинщиков этого злополучного дня, которым даже писатели-патриоты старались их клеймить с целью сохранения жизни друзьям равенства, подвергавшимся самым кровавым преследованиям**. Это преследование было настолько всеобщим и настолько яростным, что в числе тысяч граждан, брошенных в тюрьмы Парижа, находилось много индифферентных и даже противников торжества той партии, в принадлежности к которой их обвиняли.

Оценить по заслугам институты и намерения тех, кто был их инициаторами, можно лишь приняв во внимание обстоятельства, при которых они были установлены.

* Гужон, Ромм, Субрани, Дюруа, Дюкенуа, Бурбот, Приер де ла Марн, Пейссар, Форестье, Альбит⁴⁶ и т. д. Первые шестеро были ужасным образом принесены в жертву неистовству так называемых порядочных людей, которые стремились установить свою власть на руинах общественной свободы, проливая реки народной крови.

** Мои современники, несомненно, не ошибаются относительно характера этих восстаний. Но грядущие поколения, которые будут читать то, что написано об этих восстаниях, не будучи свидетелями событий, должны быть предупреждены о том, что патриоты, выступавшие в периодической печати, прибегали к этой хитрости каждый раз, когда попытки республиканцев терпели неудачу.

Образ жизни и занятия заключенных патриотов

Трогательное и небывалое зрелище представляли в то время эти тюрьмы. Люди, ввергнутые туда аристократией, жили там просто, в самом тесном братстве, гордились своими оковами и своей бедностью, последствием их патриотической самоотверженности; предавались труду и учению и вели между собой разговоры только о бедствиях отечества и о способах их прекращения. Гражданские песни, которыми они дружно оглашали воздух, собирали по вечерам вокруг этих печальных обиталищ толпу граждан, привлекаемых туда любопытством или сходством их чувств с чувствами заключенных. Люди этой закалки, горевшие патриотизмом, воспламененные преследованием и укрепившиеся в общих им чувствах благодаря длительному и частому общению, естественно, готовы были предпринять все для того, чтобы вновь вызвать революцию и добиться, наконец, постоянной цели их желаний. Поэтому тюрьмы в этот период являлись колыбелью демократических заговоров, вспыхнувших в третьем и четвертом годах республики.

Конституция III, или 1795 года

Уничтожение закона, данного народу, было, наконец, совершено той самой комиссией, которой была притворно поручена забота о его

выполнении. Проект новой конституции, который эта комиссия предложила 5 мессидора III года Национальному конвенту, явился для заключенных патриотов предметом глубоких размышлений; они обсуждали все ее постановления с большей зрелостью, чем в любом первичном собрании. Вот мнение, которое они составили о ней.

*Мнение друзей равенства
об этой конституции*

Если предложенная конституция,— говорили они,— сама по себе еще может оставить сомнения относительно умонастроения ее авторов, то предшествующий ей доклад⁴⁷ их полностью рассеивает. Это умонастроение целиком выражается в словах: *сохранить богатство и нищету*. Поэтому произведение это рассматривалось как конечный результат покушений эгоистической клики.

Проект комиссии за исключением статьи, ставившей наличие земельной собственности условием для избрания в национальное представительство, как и статьи, запрещавшей избрание на высшую должность лиц, не занимавших предварительно более низкой должности, был принят и вплоть до 18 брюмера VIII года⁴⁸ являлся для французской нации основным законом.

Достаточно самого поверхностного рассмотрения, чтобы убедиться, что принцип сохра-

нения богатства и нищеты явился основой для всех частей этого здания.

Прежде всего, чтобы подавить все требования и навсегда закрыть все пути к благоприятным для народа нововведениям, у него отнимают или урезают его политические права. Законы вырабатываются без его участия и без возможности какой-либо критики с его стороны; конституция связывает навсегда как его, так и его потомство, ибо ему запрещено вносить в нее изменения; она охотно провозглашает народ сувереном, однако всякое обсуждение со стороны народа объявляется в ней мятежом; туманно поговорив о равенстве прав, конституция отнимает права гражданства у множества граждан, а право назначения на главные государственные должности сохраняет исключительно за имущими; наконец, чтобы навсегда сохранить это злополучное неравенство, источник безнравственности, несправедливости и угнетения, авторы этой конституции с величайшей тщательностью устранили из нее всякое учреждение, способное в достаточной мере просветить всю нацию, создать республиканскую молодежь, сократить опустошения, вызванные алчностью и честолюбием, исправить общественное мнение, улучшить нравы и высвободить народные массы из-под жестокого господства праздных и властолюбивых богачей *.

* Вследствие непреклонной надменности наших вельмож очень скоро пожалели об этой конституции.

Эти позорные нарушения общих прав и пренебрежение основными обязанностями народного законодателя были разоблачены перед французским народом Антонеллем⁴⁹ в сочинении, носящем название «Рассуждения о правах гражданства», и Феликсом Лепельтье⁵⁰ в его «Мотивированном мнении о конституции III года».

Негодование, но отнюдь не удивление вызвала дерзость, с которой тогдашние вожаки осмелились нарушить торжественно выраженную волю суверенного народа, как и их собственные недавние обещания*. Конституция 1793 г. была бесстыдно оклеветана и доктрина равенства отдана на поругание при помощи самых ужасных софизмов теми самими

с которой, вероятно, возможно было, несмотря на ее крупные недостатки, примирить друзей равенства путем внесения в нее некоторых изменений. Однако аристократы предпочли быть осыпанными золотом и разукрашенными галунами, пресмыкаться перед железным скипетром наглого и вероломного солдата, чем жить в свободе и равенстве с народом; они превратили эту конституцию в революционное правление, окрашенное монархизмом.

* В жерминале III года ужасный закон «О государственной безопасности» осудил как мятежные раздававшиеся со всех сторон протесты против контрреволюционного направления правительства. Однако этот же закон с целью скорейшего успокоения общественного возбуждения лицемерно угрожал ссылкой всякому, кто будет высказываться устно или письменно против конституции 1793 г., ближайшее осуществление которой Конвент обещал 2 прериаля того же года.

людьми, которые еще недавно превозносили ее справедливость *.

* Единственная забота комиссии, созданной для подготовки органических законов конституции 1793 г., состояла в том, чтобы упразднить эту конституцию, заменить ее конституцией, более соответствовавшей намерениям господствовавшей в то время клики.

После долгих разглагольствований против самого священного из прав народа, права одобрения законов, под властью которых он должен жить, докладчик этой комиссии перечислил пробелы, которые эта комиссия — по ее утверждению — в них обнаружила; он заявил, что конституционный акт 1793 г., который — как он добавил — должен быть уничтожен уже по одному тому, что Робеспьер и Сен-Жюст работали над его составлением, оставил не определенными административную иерархию, назначение генералов и послов, как и право объявления войны и заключения мира. Между тем по данным вопросам все точно указано в этой конституции в статьях 54, 55, 69, 70, 83, 107, 118, 119.

С другой стороны, комиссия в подтверждение своего взгляда ссыалась на насилие, коррупцию и террор, господствовавшие, по ее мнению, во время принятия конституции, которую она хотела упразднить. Но кого же можно заставить поверить, что четыре миллиона человек, принявшие ее, могли быть подкуплены или принуждены к этому силой? Разве неизвестно, что во время принятия этой конституции суровые меры, необходимость которых была признана впоследствии, не применялись против врагов равенства, которые свободно могли вмешиваться в работу первичных собраний и даже выступать в них с требованием восстановления королевской власти? Несмотря на ухищрения, применявшиеся с целью сокрытия истины, осталось достаточно следов для того, чтобы суровая критика могла когда-нибудь признать, что почти единодушное содействие, оказанное французами восстанию 31 мая, свидетельствует об их присоединении к нему и об оппозиции лишь со

Протесты друзей равенства

Заклученные республиканцы направили в первичные собрания многочисленные протесты против принятого Конвентом проекта, однако их пример не нашел единодушного подражания у тех, кто в то время приписывал себе честь называться демократами.

В результате прериальских событий вместе с непреклонными республиканцами в тюрьмах оказались также люди, остававшиеся равнодушными или нерешительными, те, кто оплатил свою свободу трусливой покорностью воле аристократии; они приняли новую конституцию. Другие, потерявшие надежду на торжество демократии и рассматривавшие тогдашнее революционное правительство как величайшее зло, льстившие себя надеждой, что широкое распространение конституционного порядка может иметь своим результатом некоторую благоприятную для народа перемену, видевшие в предложенной конституции единственный якорь спасения против близкого, по их мнению, возврата монархии и особенно боявшиеся грозивших им опасностей и преследований,— также при-

стороны тех, против кого оно согласно воле нации было направлено. Эта воля проявлялась еще долгое время спустя как внутри страны, так и в армии, вплоть до того момента, когда народ, преданный своими уполномоченными, обманутый в своих надеждах и лишенный в результате убийств и арестов самых верных своих защитников, впал в растерянность и апатию и не проявлял больше никакого интереса к общественным делам.

няли аристократический закон, но не смогли поколебать тех, кто считал, что ничто не должно их заставить входить в сделку с врагами равенства вопреки справедливости и в ущерб всеобщим правам.

Ложь о принятии народом конституции III года

Конвент объявил, что новая конституция была принята народом. При подсчете голосов царила чрезвычайная путаница; поэтому результатом этой операции, а также других общественных событий было то, что голосующих оказалось крайне мало, что множество граждан было изгнано из собраний и что наиболее рьяно принимали конституцию именно те, кто отличался своим эгоизмом и нередко обвинялся в заговорах с целью восстановления королевской власти.

Не следует забывать вполне реально существовавшего разделения эгоистов на консерваторов и воинствующих; вспомним, что последние вплоть до 9 термидора II года почти всегда шли за искренними друзьями равенства и тем самым навлекли на себя ненависть контрреволюционеров. Члены Конвента, называвшие себя тогда патриотами, почти все принадлежали к последней группе.

Проскрипция членов Конвента

Ненависть к революции зашла так далеко, что проскрипция, тяготевшая сначала только

над бескорыстными друзьями революции, нависла в конце концов даже над теми, кто эту проскрипцию спровоцировал и чьи недавние преступления не могли заставить забыть их прежнюю внешнюю добродетель. Добропорядочные люди, люди хорошего происхождения, добрые буржуа гнушались садиться рядом с бывшими приверженцами террора, нажившимися за счет имущества аристократии.

Все без различия члены Конвента, обвинявшиеся в применении террора или в попустительстве ему, стали жертвами неистовства врагов революции, и если были сделаны некоторые исключения, то только в отношении лиц, отличавшихся настойчивой защитой привилегий благородных против бунтарских притязаний бедняков, которых они называли чернью.

Надежды врагов революции

Казалось, что создание новой конституции и нового законодательного органа вселило в сердца врагов революции надежду на некоторое участие во власти, а кой-кому из них — надежду на восстановление королевской власти, в чем они обольщали себя каждый раз, когда верховная власть уклонялась от пути равенства и блуждала по извилистой стезе эгоизма, — причине и следствию всех видов тирании.

*Народ связан обновлением
трети депутатов*

Чтобы упрочить дух новой конституции, ее авторы придумали ежегодное обновление только одной трети Законодательного собрания и введение в первоначальный состав этого Собрания двух третей членов Конвента* по выбору избирательных органов. Эта мера, продиктованная беспокойной осторожностью нескольких преступных законодателей и придуманная для того, чтобы навсегда связать народ, особенно потворствовала страстям членов Конвента. Те из них, кто упивался властью, кто опасался преследований за порочившие их преступления по должности, кто страшился равенства и приходил в ужас от одной мысли о демократических принципах, поспешили присоединиться к этой мере**. В Конвенте фальшивые друзья равенства, одинаково ненавистные как истинным респуб-

* Все депутаты, остававшиеся еще преданными политическим правам, освященным конституцией 1793 г., были удалены из Конвента путем казней и арестов.

** Эта мера, подсказанная духом аристократизма, преобладавшим при редактировании конституции III года, и при помощи которой хотели удалить из нового законодательного органа бывших роялистов, как и искренних друзей равенства, не имела того успеха, которого от нее ожидали ее авторы. Обманутые в своих надеждах и страшась то монархии, то народа, они неоднократно и по противоположным мотивам опустошали ряды национального представительства, которому они 18 брюмера VIII года, побуждаемые неприязнью к равенству, нанесли последний удар, прибегнув к самому мерзкому из покушений.

ликанцам, так и роялистам, выказывали себя самыми страстными сторонниками этого способа обновления.

Прибегая к хитрости, которой они часто пользовались, они обвиняли в заговоре с целью восстановления монархии тех, кто оказывал им противодействие и кто в данном случае представлял собой тех самых людей, которые всегда отвергали народные учреждения.

Боязнь способствовать победе роялистов, заинтересованность корыстолюбцев и необходимость выбирать между двумя одинаково преступными партиями, перед которой оказались искренние друзья равенства, сильно повлияли на общественное мнение. Результатом этого явилось известное количество избирательных голосов, которое, будучи крайне незначительным сравнительно с численностью населения и весьма путанно подсчитанным, послужило, однако, предлогом для преступных членов Конвента, чтобы придать силу закона своим декретам об обновлении состава Законодательного собрания, которые они ввиду всеобщего недовольства были вынуждены представить на утверждение народа.

*Друзья равенства защищают
преступных членов Конвента*

Обнародование этого декрета породило сильное возбуждение, беспорядки и, наконец, вооруженный мятеж парижских секций

13 вандемьера IV года⁵¹, в день, когда погибло бы большинство членов Конвента, если бы не мужественная самоотверженность тех, кого они незадолго перед тем предали неистовству врагов свободы. Любовь к отечеству, подвергавшемуся угрозе полного поражения, и надежда на то, что назревающее столкновение приведет к благоприятному для дорогого им дела положению вещей, побудили горстку республиканцев защитить своих недавних врагов в борьбе против многочисленной армии секционеров.

Существовало мнение, что раз члены Конвента, деморализовавшие революцию, окружив себя многими развращенными людьми, объявляют себя врагами этих людей, то эти члены Конвента будут вынуждены примкнуть к демократам и уступить их желаниям.

Этот образ мыслей вооружил наиболее решительных и просвещенных, к которым присоединились люди, движимые желанием мщения и надеждой снова завладеть властью. Из этого объединения, пополнившегося и другими людьми, подобными находившимся под угрозой членам Конвента, образовался вооруженный корпус, получивший название *батальона патриотов 1789 г.* *

* Немало восхваляли почти полное единодушие, с каким, казалось, была осуществлена революция 1789 г. Полагаю, что те, которые воздали этим честь общественной добродетели, не были достаточно знакомы с характером этой революции. Представьте себе различные слои властолюбцев, тяготеющих над массой народа и стремящихся подняться на высшие

Это наименование весьма знаменательно; оно показывает, до какой степени пало общественное мнение после 9 термидора II года; оно свидетельствует также о крайней испорченности членов Конвента, которые, едва осмеливаясь называть себя республиканцами, взывали о помощи к друзьям равенства, опасаясь, однако, быть заподозренными в примирении с ними *.

Новое предательство членов Конвента

После битвы 13 вандемьера люди, которых любовь к равенству привела к победе, требовали от вожаков этого дня выполнения их обещания о восстановлении прав народа. Напрасно. По тону, с каким эти вожаки рекомендовали крайнюю осторожность, было совер-

ступени. Дворянство, расположенное на вершине лестницы, всех их подавляло; все они, следовательно, должны были приветствовать его крушение, к чему были направлены первые революционные движения. Таким образом, эта видимость единодушия не была следствием добродетели, а следствием беспокойной зависти слоев, промежуточных между дворянством и народом. К тому же, поскольку класс трудящихся ставился ни во что законами этого периода, то видные патриоты 1789 г., за небольшими исключениями, относились благожелательно ко всем злоупотреблениям, за исключением злоупотреблений наследственного дворянства.

* Как только прозвучали первые ружейные выстрелы, правительственные комитеты предложили Конвенту разоружить вооружившихся для его защиты республиканцев и вновь бросить их в тюрьмы.

шенно ясно, что нечего рассчитывать на выполнение обязательств, которые принимались под воздействием одного лишь страха.

Меж тем как подавляющее большинство Конвента искало лазеек, чтобы увильнуть от требований друзей равенства, те из них, которые находились еще в заключении, продолжали настойчиво побуждать своих освобожденных товарищей использовать победу в интересах демократии. Они говорили, что кровь окажется пролитой совершенно напрасно, если будет упущен момент, когда хорошие люди находятся в силе, а напуганные сенаторы обязаны им жизнью. Они желали, чтобы у Конвента настоятельно потребовали кассации последних выборов, отмены новой конституции и немедленного введения конституции 1793 г.

Собрались уже было потребовать кассации выборов⁵², и уже должна была быть подана подписанная петиция, когда участвовавшие в термидорианском заговоре депутаты, страшившиеся народных законов более чем королевской власти, действуя совместно с другими лицами, которых 31 мая покарало национальное правосудие, сумели расколоть многочисленных людей, подписавших петицию. Она так и не была представлена.

Между тем в результате доклада Барраса⁵³, разоблачившего широкие проекты мятежников, соучастники которых находились в составе самого Конвента, был создан Комитет общественного спасения, предполагаемые на-

мерения которого одно время вновь возбудили у республиканцев надежды, вскоре рассеявшиеся. Действительно, считали, что этот Комитет намерен внести предложение о кассации последних выборов; но потому ли, что его переоценили, или потому, что он позволил запугать себя резкой критикой Тибодо⁵⁴, он ограничился предложением незначительных паллиативов, которые ничему не помогли, и конституция III года почти тотчас стала проводиться в жизнь членами Конвента, снова воспластавшими ненавистью к равенству, именую его террором и анархией.

Освобождение патриотов

В промежуток времени между битвой 13 вандемьера и амнистией 4 брюмера⁵⁵ были освобождены все патриоты, еще находившиеся в заключении; они были обязаны свободой не торжеству народного дела, а трусливой политике его врагов. Выйдя из тюрем, где они познали всю глубину народных бедствий, они стали угрожать предателям, разбившим их цепи.

Их заблуждение

В этот период убежденные друзья равенства были глубоко удручены испорченностью, проскальзывавшей даже во взглядах значительного числа революционеров и угрожавшей вечным забвением демократических доктрин. Вообще же патриоты, большинство ко-

торых часто действовало скорее в силу увлечения, чем вследствие здравого размышления, возгордились победой в вандемьере; они относили назначение Барраса и Карно⁵⁶ в Исполнительную директорию к числу счастливых событий революции и утешались в своих долгих несчастьях мыслью о должностях и милостях, которые они рассчитывали получить.

Можно было бы сказать, что они забыли то дело, за которое боролись, и что, равнодушно наблюдая, как совершается захват у народа его прав, они свели спасение отечества к облегчению их собственных бедствий.

Не все, однако, разделяли эту точку зрения. Если люди, о которых только что шла речь, думали или делали вид, будто думают, что реформа новой конституции придет лишь со временем и что ее следует готовить, умело пробираясь на общественные должности, то другие, напуганные прочностью, которую придавали принципам тирании укрепление нового правительства и все возрастающее охлаждение республиканского энтузиазма, полагали, что долг истинных друзей равенства бить тревогу и повести народ к восстановлению его прав.

Раскол среди патриотов

Это расхождение в мнениях среди республиканцев привело к следующему: те, кто часто поступался принципами справедливости

ради своих личных удобств, приняли название патриотов 1789 г.; другие, отличавшиеся своей настойчивостью в деле защиты демократии, называли себя равными.

Первые собрания равных

После своего освобождения патриоты, и особенно равные, беспокоясь о судьбах свободы, стремились объединиться и сговориться между собой, чтобы противопоставить мощную плотину росту новой тирании. Они часто собирались в кафе, в парках и на площадях. Но так как все там обсуждалось с чрезвычайной и необходимой осторожностью, то эти общие рассуждения о положении вещей не позволяли предвидеть какой-либо быстрый и решительный результат в пользу общего дела.

В начале брюмера IV года Бабеф*, Дарте, Буонарроти, Лоржан де Дуамель

* Гракх Бабеф родился в 1762 г.⁵⁷ в Сен-Кантене в департаменте Эн. Он был чуток по характеру, образован и неутомим, обладал проницательным и точным умом, писал ясно, пламенно и красноречиво.

Французская революция застала Бабефа молодым, поглощенным занятиями, ведущим скромный образ жизни, ненавидящим тиранию и размышляющим над средствами избавления от угнетения своих несчастных соотечественников. С раннего возраста он ощущал потребность посвятить себя делу общественной свободы.

В начальный период революции Бабеф как приверженец свободы выступал против феодального режима и фискальной системы, что навлекло на него

[Жюльен де Ла Дром] и Фонтенель попытались создать руководящий центр, вокруг ко-

преследования и приказ об аресте, действие которого было приостановлено благодаря энергичным настояниям Марата. Позднее он вошел в секретариат администрации одного из дистриктов, где его речи и сочинения, обращенные к народу, создали ему многочисленных врагов, пользовавшихся достаточным влиянием, чтобы подвергнуть его преследованиям и осудить как фальсификатора документов. Но вынесенный ему приговор был аннулирован Конвентом, торжественно признавшим его несправедливость. Позднее Бабеф служил в бюро Парижской коммуны, где подружился со многими мужественными республиканцами.

После роковых событий 9 термидора Бабеф одно время приветствовал снисходительность, проявленную к врагам революции; его заблуждение было непродолжительным, и тот, кто принял Гракхов за образец для своего поведения, скоро заметил, что никто так мало не походил на этих знаменитых римлян, как послетермидорианские правители. Величие Бабефа сказалось в том, что он признал свои заблуждения, потребовал возвращения народу его прав, сорвал маску с тех, кем народ был обманут, и зашел так далеко в своем рвении в пользу демократии, что аристократы, управлявшие республикой, не замедлили заключить его в тюрьму.

Из тюрьмы Плесси, где он вначале содержался, его перевели в тюрьму в Аррас. Именно там он и познакомился с гусарским капитаном из Нарбонны Жерменом, о котором часто будет идти речь в этой работе, и со многими республиканцами департамента Па-де-Кале⁵⁸. Бабеф был среди них неутомимым проповедником народных учреждений; он разжигал их ненависть к новым тиранам; приучал их к мысли о великой революции в области собственности и склонял их к образованию плебейской Вандеи⁵⁹, чтобы вернуть силой то, что ему казалось невозможным более получить путем требований.

того могли бы объединиться разобщенные патриоты, чтобы затем действовать единообразно в интересах общего дела. На состоявшихся с этой целью собраниях был сделан ряд предложений; одни хотели, чтобы все искренние патриоты были включены в ассоциацию типа масонской, повинующуюся указаниям, которые будут исходить от ее руководителей; другие настаивали на немедленном формировании повстанческого комитета, согласно акту, который подлежит подписанию лично каждым членом. Так как на этих собраниях не было ни единства взглядов, ни взаимного доверия, необходимых для дости-

После своего возвращения в Плесси вслед за пре-риальским восстанием III года Бабеф весь ушел в свои проекты. Зрело обдумать их ему помогли его частые беседы с некоторыми из заключенных в тюрьме граждан; он познакомился там с *Бедоном* [Дебон] (я, к сожалению, не могу написать его подлинного имени), который провел всю свою жизнь в изучении причин общественных бедствий и лучше чем кто-либо воспринял глубокие взгляды Робеспьера.

Из дальнейшего изложения станет видно, какое развитие получили идеи Бабефа и как велико было его участие в заговоре, с которым он связал свое имя. Этот необыкновенный человек, наделенный крупными дарованиями, непоколебимый друг справедливости, всегда был бескорыстен и беден; хороший муж, нежный отец, он был любим своей семьей; мужество, с каким он в присутствии своих судей обрушивался на сильных мира сего, требовавших его головы, спокойствие, с которым он взирал на славную смерть, уготованную ему аристократией, еще более усиливают блеск добродетелей и патриотических трудов этого знаменитого мученика во имя равенства.

жения полезного результата, то сговориться не удалось, и собрания вскоре прекратились.

Однако от обоих проектов — объединить патриотов и свергнуть тиранию — не отказались. В этом заключалась настоящая потребность каждого истинного республиканца. Поэтому несколько времени спустя снова собрались с целью учреждения нового народного общества. В первом заседании, происходившем на квартире у Буэна, среди прочих приняли участие Дарте *, Жермен, Буонарро-

* Огюстен-Александр Дарте, уроженец Сен-Поля в департаменте Па-де-Кале, человек образованный, справедливый, отважный, постоянный, деятельный, непреклонный, способный умело разъяснять и страстно заинтересовать своими взглядами близких к нему людей. Он изучал в Париже право, когда вспыхнула революция, в которую он бросился с рвением человека, беззаветно защищающего истину, едва увидев ее сияние.

В 1789 г. Дарте участвовал в освобождении французской гвардии, во взятии Бастилии; при этом он схватил неизлечимую болезнь. Он участвовал также в осаде Венсенского замка. Затем он был членом директории своего департамента и в качестве такового оказал республике при весьма трудном положении столь значительные услуги, что был вознагражден за них особым декретом, отмечавшим, что он оказал *важные услуги отечеству*. Выдвинутый затем на должность общественного обвинителя при революционных трибуналах Арраса и Камбрэ, суровости которых мы в значительной мере обязаны сохранением этой границы, он проявил себя здесь неподкупным республиканским должностным лицом и неустрашимым воином. Преследование в результате термидора, которого он не сумел избежать, застало его в почетной бедности.

ти, Массар, Фонтенель, Липпи [Филип] Лоржан де Дуамель [Жюльен де Ла Дром], Бертран*, Тисмио [Миттуа], Шентрар [Треншар],

Дарте рано усвоил убеждения Робеспьера и всеми силами способствовал их осуществлению; со своей стороны Робеспьер весьма дорожил им; поэтому враги равенства питали к Дарте непримиримую ненависть. Высокую образованность и пламенную страсть к подлинной справедливости Дарте сочетал со строгим образом жизни и отзывчивым сердцем. Представ перед верховным судом в Вандоме, он упорно отказывался его признать, отказывался от защиты; приговоренный к смерти, он и последний свой вздох посвятил отечеству⁶⁰.

* Бертран, уроженец Лиона, был мэром этой коммуны до того, как в ней вспыхнул 29 мая 1793 г. мятеж, и затем после возвращения этой коммуны под законы Республики.

Бертран отдал в пользу революции большое состояние. Он был справедлив, честен, благороден, преисполнен мужества и приветливости в обращении. Образ жизни его был прост, и лицо его носило отпечаток душевной чистоты.

Лионские богачи уготовили Бертрану ту же участь, что и его другу Шалье⁶¹, но их старания были тщетны: народ отвечал громкими рыданиями и благословениями на призывы Бертрана, напоминавшего о своих жертвах и об услугах, оказанных им обездоленным, и потому судьи, которым надлежало предать его смерти, были вынуждены несколько раз отсрочить приговор и отправлять подсудимого обратно в тюрьму, где он оставался в течение долгой осады его коммуны. В самый день 9 термидора был отдан приказ об аресте Бертрана и ряда других лионских демократов и об отправке их в Париж. Они были настолько известны своей чистотой и твердостью, что были освобождены из заключения только после 13 вандемьера IV года.

Бертран, страстно любивший людей, свое отечество и свободу, строгий защитник равенства, популяр-

Шапель⁶², Люссорилон [Русийон], Лакомб, Реф [Ферю], Юлажено [Куланж], Буэн и Сомбо [Бодсон]. Эта встреча была очень трогательна; сердца вновь прониклись надеждой, почти угасшей в результате стольких несчастий; люди клялись соблюдать по-прежнему единство и содействовать торжеству равенства.

Внимание этого собрания было устремлено на выяснение того, не лучше ли создать ряд обществ в разных округах Парижа, нежели иметь только одно общество. После длительного обсуждения решение этого вопроса было отложено до более многочисленного собрания, которое условились созвать в месте, менее подверженном надзору полиции; оно состо-

ный и неподкупный на посту должностного лица, хороший сын, превосходный друг был умерщвлен военной комиссией Тампля вслед за резней в Гренелльском лагере⁶³; он спал, когда за ним пришли, чтобы повести его на казнь.

Этот прекрасный, доблестный гражданин, который был арестован безоружным и далеко от Гренелльского лагеря, был бы, согласно заключению докладчика, приговорен только к тюремному заключению или к ссылке, если бы Исполнительная директория не спешила предупредить комиссию о желательности его смерти.

Получив свидетельство о подаче Бертраном и теми, кто разделял с ним мученическую судьбу, кассационной жалобы, генерал Фуасак Ла Тур приостановил исполнение вынесенного им смертного приговора; доложив об этом Директории, он немедленно получил от нее приказ перейти к делу. Жертвы были убиты... Несколько месяцев спустя кассационный суд отменил все приговоры, признавшие их виновность.

ялось в небольшом помещении, расположенном в парке бывшего аббатства св. Женевьевы.

Дух нового правительства

В то время как остатки демократической партии старались объединиться, правительство, учрежденное конституцией III года, закладывало основы политической системы, которой оно с тех пор постоянно придерживалось. Дух партии Конвента, воспользовавшейся бедствиями 9 термидора, разгромившей демократов в прериале и одержавшей при их помощи победу в вандемьере, был полностью воспринят людьми, вошедшими в состав Исполнительной директории. Он может быть сведен к следующему: *сохранение и приобретение богатства и власти; подавление, с одной стороны, роялистов и высокопоставленных, с другой,— друзей равенства.*

С тех пор как пятеро главарей исполнительной власти заняли свои посты, они всячески старались столкнуть бывших роялистов с демократами, чтобы разбить одних при помощи других каждый раз, когда те или иные из них одерживали верх и становились опасны.

Правительство поощряет собрания патриотов

В то время, когда патриоты намеревались организовать в общество, правительство

казалось благосклонным к их намерениям. Все еще ощущая потребность наводить страх на тех, кто восстал в вандемьере, и желая пугалом террора заставить богачей содействовать мероприятиям, при помощи которых оно рассчитывало восстановить расстроенные финансы республики, оно через своих агентов поощряло открытие патриотических собраний, полное решимости остановить их развитие, как только они попытаются снова призывать к демократическим принципам.

Настроения патриотов и народа

Этот обман не ускользнул от внимания патриотов, которые, видя, как 13 вандемьера была напрасно пролита кровь, не принеся ничего народу, утвердились в мнении, что ничто действительно полезное не может исходить от нового правительства.

Демократическая партия была немногочисленна, и масса слабовольных патриотов, едва пришедших в себя от ужаса, была готова опять поддаться страху при малейшей видимости нового преследования.

Что касается парижского народа, обманутого в своих надеждах, введенного в заблуждение клеветой и тайными происками роялистов и иностранцев, то он покинул демократов и прозябал в глубоком безразличии; часть народа обвиняла даже революцию в бесчисленных бедствиях, обрушившихся на него.

Осторожность равных

Граждане, собиравшиеся в парке монастыря св. Женевьевы, чувствовали, какая опасность угрожает вследствие двуличия правительства тем, кто осмелится из преждевременного рвения открыто напасть на власть, узурпировавшую права народа. Они говорили, что прежде всего следует изменить взгляды многих патриотов, вновь вызвать у народа уважение к этим взглядам и вернуть ему былое сознание его прав и его силы; пока же следует прикрываться конституцией и даже покровительством правительства до того момента, когда они станут достаточно сильны, чтобы обрушиться на правительство и уничтожить его.

На этих принципах и было решено учредить новое общество. Ввиду необходимости сохранить его дух и централизовать его, пришлось отклонить предложение о том, чтобы разбить его на множество секций; несмотря на то, что их легче было бы укрыть от глаз полиции, они представляли, однако, то неудобство, что были более подвержены отклонениям от плана организации и скорее могли стать орудием в руках интриганов и врагов республики.

Было решено привлекать в это единое общество только безупречных людей и дружески внушать им осторожность, усвоенную основателями общества.

Основание общества Пантеона

Общество было тотчас открыто в бывшей трапезной монастыря св. Женеьевы, право пользования которой им предоставил бесплатно патриот Кардино, снимавший часть монастыря. Когда же этот зал был отведен для иного рода собраний, общество поместилось в обширном подвале того же здания. Здесь слабый свет свечей, глухой гул голосов и неудобные позы присутствующих, которые стояли или сидели на полу, напоминали им о величии и опасности этого начинания, как и о необходимости мужества и осторожности. Вследствие близости этого места к Пантеону новое общество было названо именем этого храма. После открытия общества в него стало стекаться множество патриотов, созванных или вступивших в него в силу влечения к этой организации; вместе с ними сюда вступили люди, рабски преданные членам правительства, которые сводили все обязанности друзей свободы к поддержке власти в борьбе против роялистов.

Его организация

Сначала общество занялось своей организацией. Однако крайняя осторожность и нерешительность большинства его членов были так велики, что приходилось преодолевать в этом отношении большие препятствия. Опасаясь в чем-либо походить на прежние обще-

ства, они умножили преграды, установленные новой конституцией в отношении права собраний. Иметь устав, председателя, секретарей, протоколы, придерживаться известного порядка приема в общество означало в их глазах слишком заметно походить на якобинцев и дать повод для новых преследований.

Наконец, удалось договориться, и общество получило устав, не допускавший ни списков, ни протоколов и ставивший единственным условием приема рекомендацию двух его членов, сделав тем самым почти невозможным какой-либо порядок и открыв доступ в общество множеству сомнительных личностей, часто искажавших дух общества и поднимавших в нем опасные пререкания. Один из ораторов занимал место председателя, другой — место секретаря, а необходимые издержки покрывались лишь добровольными взносами членов общества.

Расхождения среди членов общества Пантеона

Через некоторое время общество Пантеона насчитывало более двух тысяч членов. В условиях того времени и при наличии существовавшего в обществе устава было неосторожно и нелегко исключать из него лиц, не заслуживавших быть в рядах равных. Пришлось принять большое число патриотов, страдавших некоторыми заблуждениями, и в част-

ности таких, которые намеревались восстановить демократию путем захвата общественных должностей.

Легко было заметить наличие в обществе этих разнообразных элементов. Равные бросались в глаза своим ревностным стремлением просветить народ и восстановить уважение к догматам равенства; патриотов 89 г. можно было узнать по их старанию оказать влияние на правительство в интересах их собственного спокойствия и их выгод. Попеременное преобладание то одной, то другой из этих двух партий заставляло общество предпринимать противоречивые шаги.

Одни часто склоняли общество добиваться мест для граждан, к которым они были расположены; другие разворачивали перед ним прискорбную картину испорченности общественного мнения и заблуждений, которыми враги свободы старались сбить с пути народ; они указывали ему на торжество равенства как на единственную цель, достойную его чаяний, и призывали принять меры, способные пробудить почти угасшее мужество народа и вновь зажечь священный энтузиазм, которому народ был обязан столькими победами, одержанными над всеми видами тирании.

Связь общества с народом

Особой комиссии было поручено предложить порядок работы общества, а также быстрый и легкий способ общения с народом.

Афиши, озаглавленные «Истина, возвещаемая народу патриотами 1789 г.», вскоре привлекли общественное внимание к положению дел в стране; однако в них не содержалось прямых нападок на правителей, так как было бы неблагоприятно возбуждать их месть. Действие этих письменных обращений сказалось прежде всего в том, что они привели в новое общество большое число людей труда, которые, обретя вновь надежду, повсюду старались повторять многочисленные истины, услышанные ими в этом обществе*.

Народные законы

Так как учредители общества ставили своей целью поскорее облегчить положение народа и заслужить этим его доверие, чтобы затем использовать его силу для восстановления его прав, то комиссия посоветовала добиваться осуществления двух законов, преданных забвению по вине контрреволюции: закона, обещавшего защитникам отечества один миллиард из национальных имуществ, и закона об уничтожении нищенства, изданного во II году.

* См. в прилагаемых документах за № 2 одну из этих афиш, рисующую положение Французской республики после 9 термидора и вместе с тем предосторожности, которые были вынуждены соблюдать равные в обществе Пантеона.

Преследование Бабефа

Меж тем как общество Пантеона осторожно возрождало к жизни демократические принципы и во многих пунктах Парижа создавались другие общества такого же характера, а писатели аристократии забились тревогу по поводу новых покушений так называемых *террористов*, Бабеф смело разоблачал в своем «Трибуне народа» преступления лиц, управлявших республикой, указывал на достоинства и законность конституции 1793 г. и, не колеблясь, объявил частную собственность главным источником всех бедствий, тяготеющих над обществом. Такое мужество стоило ему новой проскрипции, избежать которой он смог, лишь скрываясь у некоторых демократов *.

*Комитет на квартире у Амара*⁶⁴

В то же время на улице Клери, на квартире Амара, формировался тайный комитет для подготовки восстания против тирании, желез-

* Бабеф оказался тогда обязанным свободой рыночным носильщикам. Когда к нему на улицу предместья Оноре № 29 явился судебный пристав с мандатом об аресте, мотивированным подстрекательским характером его сочинений, то после продолжительной борьбы Бабефу удалось убежать. Судебный пристав погнался за ним, крича: «Держите вора». Дважды рыночные носильщики задержали Бабефа и дважды отпустили его при одном имени писателя, отстаивавшего права народа. Эридди⁶⁵ [Дидье] и Дарте предоставили ему убежище в бывшем монастыре Успения.

ная рука которой все более тяжело ложилась на французский народ. Амар, Дарте, Буонарроти, Массар и Жермен вошли в него первыми; к ним последовательно присоединились Бедон [Дебон], Суань [Женуа], Филип Ле Рекселе [Феликс Ле Пелетье, или Лепелетье], Клеман⁶⁶ и Маршан⁶⁷.

Глубоко страдая за народ, друзья свободы, словно по вдохновению, объединили свои усилия против ненавистного ига, угнетавшего его, просвещенные демократы считали участие в этом деле строго обязательным для себя.

Взгляд Комитета на правительство III года

Лица, входившие в состав Комитета, собиравшегося у Амара, единодушно считали правительство, установленное конституцией III года, незаконным по своему происхождению, угнетательским по своему характеру и тираническим по своим намерениям; все они сходились на том, что спасение республики и свободы настоятельно требует его уничтожения.

Было, однако, желательно, чтобы прежде чем заняться способами осуществления этого уничтожения, каждый член не только убедился в справедливости этого предприятия, но имел также полное представление о политическом строе, которым надлежало заменить строй, уничтожение которого было задумано.

No. 27.

Le
Tribun du Peuple,
O U
LE DÉFENSEUR
DES
DROITS DE L'HOMME;

En continuation du *Journal de la Liberté*
de la Presse.

Par GRACHUS BABEUF.

Le but de la société est le bonheur commun. *Droits de l'Homme*, art. Ier.

Du 22 Vendémiaire, l'an 3 de la République.

Situation effrayante de la liberté. — Cri terrible et de désespoir contre toutes les oppressions, ou Lettre d'Albertine Marat, sœur de l'Ami du Peuple, à Fréron. Question si ce député et Talien sont vraiment les amis de la liberté? — S'ils ne le sont pas, quels amis restant au peuple dans la Convention?

L'ombre de Marat s'exprimant par la voix de sa sœur pour tanner contre les usurpateurs de la liberté et de la souveraineté du peuple.

Souveraineté en miniature de Fréron. Le peuple en masse la lui dispute.

Prscription du Tribun du Peuple et du Président du Club Electoral, prédicans dangereux des Droits de l'Homme.

Conduite du député Guffroy, imprimeur du Journal du Tribun du Peuple.

A

Газета Бабёфа «Трибун народа» № 27
от 22 вандемьера III года

Люди искренно желали блага народу и сознавали, что было бы несовместимо с его подлинными интересами легкомысленно предаваться волнениям, которые в результате могли бы привести к возведению новой тирании на развалинах существующей, к созданию новых привилегий и к потворству новому честолюбию.

Комитет был прежде всего политической школой, где, разобравшись в причинах бедствий, омрачавших жизнь народов, можно было с точностью установить принципы общественного порядка, которые казались наиболее способными освободить народы от этих бедствий и воспрепятствовать их возобновлению.

*Частная собственность —
причина порабощения*

Никогда еще — говорили здесь — народные массы не достигали уровня просвещения и независимости, необходимого для пользования политическими правами, существенно важными для их свободы, самосохранения и счастья. Самые разумные народы древности имели рабов, постоянно угрожавших им опасностью, и никогда еще человеческое общество, исключая перуанцев, парагвайцев и некоторых малоизвестных племен, не могло добиться исчезновения из его среды массы людей, озлобленных и несчастных от мысли о благах, которых они лишены и которыми

обладают другие. Повсюду масса народа сгибается под бичом деспота или привилегированных каст. И если затем обратить взгляд на французский народ, то можно увидеть, что и он поработщен вследствие происков воинствующих эгоистов, корпорации богачей и тех, кто разбогател.

Что касается причины этих неурядиц, то ее усматривали в неравенстве имуществ и условий и в последнем счете в частной собственности, при посредстве которой наиболее ловкие и удачливые непрерывно обирали и обирают массу народа, обреченную на долгий и тяжкий труд, плохо питающуюся, плохо одетую, живущую в плохих жилищных условиях, лишенную радостей, которыми на ее глазах в избытке пользуются другие, физические и моральные силы которой надорваны нуждой, невежеством, завистью и отчаянием,—массу народа, видящую в обществе только врага и лишенную всего, вплоть до возможности иметь отечество.

История французской революции служила подтверждением размышлений Комитета. Он видел, как в революции класс, который был прежде богат, как и класс, который разбогател в ней, всячески старались обеспечить себе преобладание; он видел, как честолюбивые претензии шли в ней всегда рука об руку с ненавистью к труду и стремлением к богатству; что преданность народа правам гражданства ослабевает по мере того, как учреждениям, благоприятствующим равенству, на-

носятся удар и по мере того, как вся политика аристократов сводится к тому, чтобы ввергать в нищету, вносить рознь, внушать отвращение ко всему, запугивать и угнетать класс трудящихся и представлять его требования наиболее действенными причинами упадка общества.

Из этих наблюдений следовало заключить, что только неравенство является постоянно действующей причиной порабощения народов и что до тех пор, пока это неравенство существует, для многих людей, человеческое достоинство которых унижено нашей цивилизацией, осуществление их прав будет оставаться почти иллюзорным.

Таким образом, уничтожение этого неравенства — задача добродетельного законодателя — вот принцип, вытекавший из размышлений Комитета. Каким же образом добиться этого? Вопрос этот стал предметом нового рассмотрения. Амар, видевший, как Национальный конвент выражал заботу о неотложных нуждах отечества установлением твердых цен на товары, революционных обложений и реквизиций у богачей, превозносил этот способ изъятия излишков, загромождающих, — как но выражался, — переполненные каналы, и передачу их тем, кто лишен необходимого. Другие последовательно предлагали раздел земель, законы против роскоши и прогрессивный налог.

*Порочность аграрных законов,
как и законов против роскоши*

Бедон [Дебон], Дарте, Филипп Ле Рекселе [Феликс Лепелетье] и Буонарроти указывали на то, что законодатели, прибегавшие с целью уменьшения опустошений, причиняемых неравенством, к разделу земли и к законам против роскоши, предоставляя при этом жадности и соперничеству распределение работ и имуществ, противопоставляли тем самым бурному потоку лишь слабые преграды, постоянно подрываемые и опрокидываемые действием алчности и надменности, носителям которых сохранение права собственности постоянно доставляет тысячи способов преодоления всех препятствий.

Реквизиции, говорили они, твердые цены, революционные обложения применялись с пользой для удовлетворения неотложных потребностей момента и для того, чтобы расстроить злые козни богачей, но они не могут стать составной частью обычного общественного порядка, не подрывая самого его существования, ибо, помимо невозможности их установления без риска изъятия необходимого, они повлекли бы за собой серьезное и непоправимое истощение источников воспроизводства, так как, оставляя за собственниками бремя обработки земли, они лишали бы их поощрения в виде пользования доходами; они, наконец, были бы недостаточны для противодействия скрытому накоплению денег,

неизбежному результату торговли, к которой, естественно, обратились бы все расчеты алчности *.

*Конечная цель общества —
равенство в труде
и в пользовании благами*

Согласно закону природы, устанавливающему зависимость производства от труда, труд, как это очевидно, является для каждого гражданина существенным условием общественного договора; и так как каждый, вступая в общество, вносит в него одинаковый вклад (совокупность своих сил и средств), то отсюда следует, что повинности, предметы производства и выгоды должны распределяться поровну. Кроме того, отмечалось, что в действительности цель общества заключается в предотвращении последствий естественного неравенства и что если бы было и верно, будто неравенство в пользовании благами ускорило успехи поистине полезных ремесл, то в настоящее время, когда новые успе-

* Прогрессивный налог явился бы действенным способом дробления земельной собственности, воспрепятствования скоплению богатств и уничтожения праздности и роскоши, если бы не было так трудно достигнуть точного определения состояний, которого он требует. Можно точно определить размеры дохода недвижимого имущества; но каким образом установить размер капиталов, легко скрываемых от глаз посторонних? Этот способ установления налога явился бы, самое большее, лишь дорогой к лучшему; он сгладил бы зло, но не искоренил бы его.

хи ничего не могут прибавить к действительному благополучию людей, неравенство это должно прекратить свое существование. Они отмечали также, что равенство, подсказываемое основателям общества просто здравым смыслом, еще настоятельнее диктуется нам нашими возросшими знаниями и повседневным постижением на опыте тех зол, которые влечет за собой неравенство.

Люди, рассуждавшие таким образом, усматривали в общности имуществ и труда, т. е. в равном распределении обязанностей и благ, подлинную цель и совершенство общественного строя, единственный общественный строй, способный навсегда изгнать гнет, сделать невозможным опустошительное действие честолюбия и алчности и гарантировать всем гражданам наибольшее благо, какое только возможно. Бедон [Дебон] написал работу, в которой показал несправедливость права собственности и развернул картину длинного ряда бедствий, являющихся естественным следствием этого права.

Амара словно осенил луч света. После первого же изложения этой системы он стал ее восторженным защитником; думая отныне только о том, чтобы доказывать ее справедливость и распространять ее принципы, он в короткое время развил такую энергию, что открыто стал неистовым апологетом этой системы.

В Комитете было признано, что законы свободы и равенства никогда не получают полез-

ного и длительного применения без радикального преобразования строя собственности; пришли к соглашению, что патриоты будут казаться в глазах народа лишь беспокойными и своекорыстными интриганами до тех пор, пока они открыто не станут проповедниками такой политической системы, которая способна ощутительно гарантировать всем членам общества одинаковые преимущества.

*Робеспьер был другом такого
равенства*

Развивая эти идеи, часто говорили о философах и особенно о деятелях революции, которые признавали их справедливость. К числу таких деятелей принадлежал Робеспьер и его товарищи по мученической смерти, которые, по мнению тех, чью доктрину я изложил, явно стремились к равному распределению обязанностей и благ⁶⁸. Амар, который 9 термидора был одним из наиболее свирепых преследователей Робеспьера, чтя имя его, признал свою неправоту, засвидетельствовал свое раскаяние и старался найти оправдание своей ошибке лишь ссылками на то, что ему якобы были неизвестны благотворные взгляды человека, на которого он клеветал и которого погубил.

Препятствия к установлению равенства

Однако пути истины и справедливости с трудом становятся видимыми для масс. Для них недостаточны мотивы, убеждающие мыс-

лящие умы. Мудрецы, которые хотели сделать счастливыми своих поработенных, несчастных и невежественных сограждан, часто получали в награду смертный приговор по банальному обвинению во властолюбии, которое им лицемерно предъявляли ловкие и неизменные враги равенства *.

Комитет отдавал себе отчет в том, насколько катастрофа 9 термидора и явившиеся ее последствием трагические события были пагубны для общего дела и для добрых нравов: он знал, что после 9 термидора множество граждан предалися самому постыдному хищничеству.

* Трудно убедить массы в преимуществе нововведений без помощи опыта, который может последовать лишь позднее. Поэтому самые мудрые законодатели древности прибегали к религиозным вымыслам, поражая толпу, которую им не удалось убедить. Это небезопасное средство не может быть с успехом применено среди народов, которые к счастью или к несчастью культивируют философию. В этом случае можно чего-либо достигнуть только благодаря привлекательности удовольствия, либо силой.

Если бы христианство не было искажено людьми, которые обманывают, чтобы поработить, оно могло бы оказать большую помощь законодателям, желающим добра своим ближним. Подлинное учение Иисуса, изображаемое проистекающим из естественной религии, от которой оно не отличается, могло бы послужить опорой для разумного преобразования и источником поистине социальных нравов⁶⁹. Такие нравы несовместимы с материализмом, который низводит множество людей до того, что они руководствуются в своем поведении лишь своими прямыми интересами и пренебрегают всякой добродетелью.

ву; ему было небызвестно и то, что мелкие собственники, убежденные в том, что законодательство утратило всякую идею общественной пользы и что оно отныне отдано во власть самого необузданного эгоизма, вновь ухватились за свою собственность, от которой еще недавно они готовы были отказаться. Комитет, следовательно, сознавал всю трудность немедленной и полной замены законодательства, основанного на собственности, законодательством, основанным на *равенстве имуществ и труда*, несравненно более мягким и справедливым.

*Конституция 1793 года —
путь к равенству*

Ничто, однако, не было так далеко от равенства, как социальный строй, установленный кодексом III года, утверждение которого должно было лишить народ права пользования его естественными правами. Но чтобы побудить народ высказаться по поводу постоянного предмета его сокровенных желаний — достигнуть этого ему всегда мешал недостаток просвещения и надлежащего руководства, — необходимо было, как казалось Комитету, начать с возврата ему права собраний, дискуссий, совещаний и сознания собственной силы. Путь к лучшему Комитет видел в конституции 1793 г. и поэтому, а также по мотивам, заставлявшим по справедливости уважать в этой конституции свободно и торжественно

выраженную волю французов, он пришел к решению сделать ее первым связующим звеном между патриотами и народом.

Недостатки конституции

Никто не скрывал от себя недостатков этой конституции. Их находили главным образом в статьях Декларации прав, которые при определении права собственности освящают его во всей его ужасающей полноте. Тем не менее признавалось, что никогда еще подобного рода произведение не было столь близко к совершенству, и приветствовались положения конституции, представлявшие широкое поле для всевозможных улучшений.

С другой стороны, было принято во внимание, что к этой конституции присоединились равные, менее требовательные демократы и значительная часть народа; что легко будет осуществить все изменения, как только вновь разовьется дух равенства, и что можно подвергнуться слишком большой опасности, если предаваться идейным разногласиям в такой момент, когда важно объединить все силы для успешного наступления на могущественного врага.

Пункты, объединявшие республиканцев

После длительного и серьезного рассмотрения Комитет свел обязанности друзей народа к следующим двум кардинальным пунктам:

1. Восстановить принятую народом конституцию 1793 г., закон, открыто освящающий пользование народом своей властью; средство быстрого достижения равенства, необходимый связующий пункт для свержения существующей власти, уличенной в тирании.

2. Подготавливать исподволь установление подлинного равенства, указывая на него народу как на единственное средство, способное навсегда устранить причины общественных бедствий.

*Власть, которой надлежало заменить
правительство III года*

Так как замышлявшаяся революция должна была начаться с уничтожения конституции III года, то было естественно, чтобы Комитет занялся способами осуществления этого, а также той государственной формой, которой следовало сразу заменить подлежавшее свержению правительство. Было очевидно, что сами обстоятельства, как и успех предприятия, требовали промежутка времени между падением аристократической власти и окончательным установлением народной конституции.

Атаку на узурпаторское правительство предполагалось осуществить при помощи силы народа; эту силу рассчитывали привести в действие только влиянием истины, любви к свободе и ненависти к гнету.

Так как я должен в ходе данной работы вернуться к форме временной власти, которой

участники заговора намеревались сразу заменить конституционный строй III года, то я ограничусь здесь кратким изложением различных мнений, разделявших Комитет.

Одни предполагали призвать оставшихся членов Национального конвента, который все еще рассматривался ими существующим по праву; другие хотеливерить временное управление республикой органу, назначенному восставшим парижским народом; иные, наконец, придерживались мнения, что необходимо вручить на известное время верховную власть и заботу об учреждении республики одному человеку, который был бы назван диктатором или лицом регулирующим.

В дальнейшем будут изложены мотивы, которыми каждый обосновывал свое мнение. Сейчас же достаточно сказать, что созыву Конвента, предложенному Амаром, и диктатуре, выдвинутой Бедоном [Дебоном], предпочли временную власть, назначенную восставшими.

Между тем как Комитет обстоятельно обдумывал свои проекты, общество Пантеона и сочинения Бабефа становились для него рычагами замышлявшегося им движения. Чтобы направить деятельность этого общества, Комитет внушал его ораторам,— из которых он рассчитывал образовать основное ядро восстания,— чтобы они осторожно сдерживали преждевременные порывы к восстанию, не давая, однако, угаснуть энтузиазму. Вместе с тем Комитет побуждал Бабефа бороться с удвоен-

ным рвением против угнетателей и без обвиняков призывать народ к полному завоеванию им своих прав.

Собирались разбиться на секции, чтобы подготовить восстание, заложить основы временного законодательства, которое должно было за ним последовать, и выработать окончательные учреждения равенства. Но тут недоверие приостановило работы Комитета, и он вскоре распался.

Насильственный роспуск Комитета

Амар стал предметом общего беспокойства. Он был ненавистен многим из друзей равенства, как и сторонникам аристократии; последние упрекали его за участие, которое он принимал в преследованиях жирондистов, и за суровость по отношению к врагам республики; первые же обвиняли его в том, что он являлся одним из наиболее ярых преследователей жертв 9 термидора, по отношению к которым — как утверждали — он проявил страшную жестокость; его считали тщеславным, наглым, мстительным, интриганом. Но ему удалось войти в доверие к Дарге и Массару, а через них с ним вступили в связь и другие члены Комитета. Их удерживало возле Амара горячее желание служить делу народа, как и мнение об искренности проявляемого им рвения, но их отталкивали от него горькие воспоминания, самая готовность, с которой он высказывался за систему равных

вплоть до несправедливого опасения измены.

Эрон⁷⁰, бывший одним из главных агентов Комитета общественной безопасности при Конвенте, питал в Комитете самую непримиримую ненависть к Амару. Как только он узнал, что республиканцы относятся к Амару с некоторым доверием, он, больной, умирающий, спешно вызвал к себе *Филипа Ле Рекселе* [Феликс Лепелетье] и именем отечества заклинал его отдалить республиканцев от Амара; Эрон поручил ему представить им Амара в самых ужасных красках; Комитет, перенесший из предосторожности свои заседания на улицу Нёв-Эгалите, был тотчас распущен.*.

Другие объединения того же рода

В это время не существовало ни одного истинного республиканца, который не являлся бы заговорщиком или не был бы готов стать таковым; все испытывали сильнейшую потребность объединиться и договориться между собой, чтобы добиться уничтожения тирании. Поэтому когда Комитет, о котором идет речь, был распущен, то во многих пунктах Парижа образовались подобные же объединения, в которых обращали на себя внимание Дарте, Буонарроти, Массар, Буэн, Эридди

* Амар сделал несколько денежных пожертвований в пользу демократического заговора, в котором не переставал косвенно участвовать вплоть до момента, когда он оказался причастным к обвинению предъявленному инициаторам заговора.

[Дидье], Антонелль, Жермен, Бодеман, *Шент-рар* [Треншар], *Реди* [Дерэ], *Тисмио* [Миттуа], Дюфур и Шапель.

Эти новые общества просуществовали недолго, ибо надзор полиции и скрытое воздействие, стремившееся связать усилия демократов с другим центром, вскоре заставили эти общества прекратить существование. Как раз этими обществами и был разработан проект о том, чтобы разбить всех патриотов на мелкие, незаметные клубы, представители которых должны были составить окружные общества, подчиненные центральному комитету; в его состав должно было входить небольшое число испытанных демократов, на которых возлагалась обязанность придать всей организации в целом один и тот же импульс.

В обществе Пантеона

проявляется демократический дух

С большим трудом удавалось сдерживать порывы численно возросшего общества Пантеона против конституционной тирании III года. Горячие дискуссии, вызывавшиеся чтением газет всех партий, и еще более оживленные споры, поводом к которым служило предложение добиваться введения в действие закона о предоставлении защитникам отечества миллиарда из национальных имуществ, как и закона, жаловавшего неимущим гражданам почетное вспомоществование, пробудили в демократах этого общества былую энергию и

вместе с тем осведомили правительство о наиболее преданных и красноречивых друзьях демократических принципов.

Трудное положение ораторов этого общества

Хотя среди членов общества Пантеона было признано, что разумная скрытность является необходимой предосторожностью, облегчающей выполнение их чаяний, нельзя было помешать передаче из уст в уста отважных речей и даже тому, чтобы иной раз эти речи прозвучали с трибуны общества — то от избытка рвения, то вследствие интриги, стремившейся спровоцировать уничтожение этой полезной организации. Впрочем, невозможно было воодушевить народ, не говоря ему об его интересах и об его правах; необходимость предоставлять прениям некоторый простор, вместе с осторожностью, которой следовало вооружиться, чтобы не насторожить преждевременно тиранию, ставили ораторов общества Пантеона в трудное положение как с точки зрения общественных интересов, так и с точки зрения доверия, которое им важно было к себе сохранить.

Возрождение демократических принципов в народе

Между тем как общество настораживало друзей и врагов равенства, а его дискуссии повторялись и комментировались патриотиче-

скими газетами, искажались, критиковались и подвергались клевете контрреволюционными писателями, и между тем как старые демократы с надеждой взирали на общество Пантеона, парижский народ постепенно выходил из состояния безразличия, в которое он был ввергнут долгими несчастьями; во всех департаментах создавалось множество обществ, тайно сносившихся с столичным обществом через посредство своих членов, принятых в состав общества Пантеона.

Деятельность общества Пантеона

Деятельность общества Пантеона заключалась в следующем: чтение газет, сообщение о корреспонденции членов; сборы в пользу неимущих патриотов; меры с целью возвращения свободы людям, которые по вине аристократии были брошены в тюрьмы.

Далее следовали дискуссии по поводу законодательства и поведения правительства, предложения обращений к властям и их рассмотрение. В горячих прениях часто выявлялись благородные чувства людей, стремившихся вернуть народу всю полноту его прав, корыстные и ограниченные взгляды некоторых других, рассчитывавших сделать общество базой для гнусного господства.

Среди замечательных событий, происшедших в лоне этого общества, заслуживают особого внимания следующие два события.

Раздача защитникам отечества миллиарда из национальных имуществ

Два закона подготовили до 9 термидора II года крупное преобразование в распределении земельных богатств.

Согласно первому, защитникам отечества был обещан миллиард из национальных имуществ.

Согласно второму, имущество врагов революции предоставлялось неимущим патриотам *.

Почти все члены общества Пантеона рассматривали осуществление первого закона как дань признательности; но наиболее преданные делу равенства видели в нем, кроме того, первый шаг к проведению второго закона и к тому, чтобы приучить нацию к принципу, предоставляющему суверенному народу право распоряжаться [национальным] имуществом; к тому же они сознавали, что только путем такого рода дискуссий можно было пробудить в народе энергию, благодаря которой он совершил столько чудес и без которой все усилия, предпринятые с целью установления разумного общественного строя, окажутся тщетными.

Поэтому предложение добиваться фактической раздачи миллиарда было встречено с восторгом, и обращение, содержащее такое требование, было вначале принято без изменений. Однако подача его была на следую-

* Декреты от 8 и 14 вантоза II года ⁷¹.

щем заседании отложена на неопределенный срок под влиянием некоторых правительственных агентов, которым удалось вновь нагнать на большинство членов общества такой страх, от которого они с трудом освободились *.

Интерес общества к Бабефу

Отвага, с которой Бабеф нападал в своем «Трибуне народа» на действующую конституцию, как и на членов правительства, являлась причиной сурового молчания, которое общест-

* Национальные имущества, предназначавшиеся с самого начала для погашения старого государственного долга, выражавшегося в государственной ренте, и нового, представленного в бумажных деньгах, известных под названием ассигнатов, начали подвергаться ужасному расхищению после 9 термидора, когда было разрешено покупать их не с публичного торга и без необходимости объявлений, а просто по письменному заявлению, и платить за них почти обесцененными бумажными деньгами, по оценке, сделанной прежде в звонкой монете. Отсюда, а также вследствие хищений лиц, снабжавших армию провиантом, возникли те колоссальные состояния и та безудержная роскошь, которые так сильно способствовали затем полному разорению республики.

В своем обращении члены общества Пантеона указывали на то, что если такой беспорядок будет продолжаться, то для уплаты долга защитникам отечества не останется ни арпана земли. Уже Робеспьер в своих последних речах жаловался на снисхождение, оказываемое богатым рантье в ущерб беднякам, и особенно на то, что комитет финансов мирится с сокращением общего числа национальных имуществ, выделенных для народа.

во Пантеона так долго хранило по отношению к нему. Лица, одобрявшие взгляды трибуна, опасались все погубить поспешностью; люди робкие боялись скомпрометировать себя; враги доктрины Бабефа боялись усилить его влияние.

В начале вантоза IV года проскрипция, тяготевшая над Бабефом, распространилась и на его жену⁷²; она была арестована по обвинению в распространении сочинений своего мужа, в действительности же из одного только желания узнать от нее местонахождение его тайной квартиры. При сообщении в обществе Пантеона об этой чрезвычайной жестокости раздалось множество негодующих возгласов; друзья равенства подняли голос в защиту мужественного Бабефа; они добились, чтобы общество возбудило ходатайство об освобождении его жены и чтобы ему была послана в тюрьму денежная помощь.

Раскол в обществе Пантеона

Рвение, с которым народ снова воспринимал истины, которые он недавно с таким блеском защищал, дух равенства, вновь распространившийся по всей Франции, новый порыв к демократии, а более всего известные всем качества многих членов общества Пантеона восстановили против этого общества всех антинародных писателей, к которым присоединились многие ораторы из Совета пятисот. Правительство, вначале приветствовав-

шее общество, рассчитывая сделать из него пугало для роялистов, начало уже страшиться его влияния.

Тайные агенты тирании, используя нерешительность слабых людей, парализовали энергию общества, посеяв в нем ужас; они то указывали ему на шайку аристократов, готовых наброситься на него с оружием в руках, то расписывали перед ним гнев правительства, якобы взбешенного смелостью его дебатов. Выход из положения, по их словам, заключался только в покорности и в изъявлениях преданности установленной системе правления.

Увлеченное подобными советами общество позволило внести предложение о том, чтобы направить Исполнительной директории обращение, изобиловавшее низкой лестью, в котором его заставляли клясться в верности конституции III года. Это обращение подверглось сильным нападкам. Принятое, однако, большинством, оно явилось основанием для открытого раскола между теми, кто его подписал, и теми, кто трусливому вероломству предпочел вероятность нового преследования. Эта шумная развязка обнажила все чувства, и узурпаторская власть с достоверностью узнала тех граждан, принципов и твердости которых ей надлежало более всего опасаться.

*Ассигнаты, свобода печати,
присяжные заседатели*

В ходе своей деятельности общество сосредоточило внимание на покупательной способ-

ности ассигнатов, на свободе печати и на создании суда присяжных.

Ассигнаты теряли в то время свою ценность с такой быстротой, что заработная плата не могла держаться на уровне стоимости съестных припасов, которая удваивалась не по дням, а по часам. Всем, кто жил своим трудом, не на что было более существовать, и они продавали свою утварь и лохмотья, чахли в нищете и умирали от истощения. Петиция членов общества Пантеона обращала внимание Законодательного собрания на эти серьезные беспорядки.

В другой петиции опровергались софизмы, при помощи которых голоса недоброжелателей спровоцировали Законодательное собрание на ограничение свободы печати с целью подавления — как они говорили — дерзости демократов, которых новая аристократия лицемерно отождествляла с роялистами.

Согласно новому законодательству, лица, не платившие избирательного ценза, лишались права быть внесенными в списки присяжных заседателей судов по предъявлению обвинения и по судебному разбирательству; таким образом, неимущие классы при судебном разбирательстве утратили гарантии, вытекавшие из этого права; отсюда суровость суда по отношению к ним и снисходительность по отношению к привилегированным. Это опасное, сколь и вопиющее злоупотребление общество разоблачило перед народом и перед Законо-

дательным собранием, но Законодательное собрание продолжало хранить молчание.

Осторожность общества

Люди, с самого начала предполагавшие превратить общество Пантеона в опорный пункт для восстановления демократии, никогда не упускали случая возбуждать энергию народа и в то же время щадили конституционную власть до того момента, когда перестройка общественного мнения позволит говорить без обиняков и сделает бесплодными усилия угнетателей. Они, следовательно, хотели ограничиться обсуждением прав людей и народов, без прямого применения их к существующим ныне тиранам; именно по их советам общество постоянно порицало, как опрометчивую и, возможно, притворную, горячность лиц, выступавших в обществе с серьезными обвинениями против членов Исполнительной директории и провозглашавших в нем необходимость восстания.

Недопущение членов Конвента

По тем же мотивам предосторожности было отказано в приеме в общество изгнанным монтаньярам, в лице которых правительство безосновательно усматривало опасных заговорщиков; был принят один Друэ *.

* Он задержал в Варенне бежавшего короля-бунтовщика и стал в Конвенте под знамена демократии;

Наплыв в общество Пантеона людей из народа, здоровый дух возникших во многих кварталах Парижа мелких демократических обществ, как и живой интерес, который народ питал к восстановлению своих прав, показали основателям общества Пантеона в плювиозе IV года, что их чаяния начинают сбываться и что настало время открыть для их усилий более широкое поле деятельности.

До сих пор они ограничивались объединением и воодушевлением наиболее активных элементов революции; теперь же они осознали, что настало время оказать такое же влияние на парижский народ.

Декадные праздники

Стараясь согласовать необходимость публичности заседаний с полицейскими правилами и особенно с предосторожностями, диктовавшимися осмотрительностью, они пришли к убеждению, что, поскольку их политическая доктрина является неоспоримым следствием законов природы, легко и разумно представить ее как божественный кодекс, т. е. как предмет естественной религии.

В самом деле, отправление культа, представлявшего Верховное существо творцом, законодателем и покровителем равенства ⁷⁴,

взятый в плен при осаде Мобежа вследствие своей пламенной самоотверженности, он во время роковых событий термидора, которые он открыто бичевал, находился в тюрьмах Австрии ⁷⁵.

представляло огромное преимущество для привлечения людей, придерживавшихся христианства только из-за его морали и отвергавших атеизм, как и тех, кто ненавидит суеверие. Оно было, кроме того, основано на мнении мудрецов, которых человечество почитает, как и на неопровержимых рассуждениях; оно могло стать в руках преобразователей мощным рычагом установления демократических учреждений; оно являлось единственным легальным средством обращения к большим народным собраниям.

Таким образом, было решено появляться публично в храмах, именуя себя деистами и проповедуя в качестве единственного догмата естественную мораль.

И так как было полезно приучить массы к замене обрядов католической церкви другими обрядами,— что само правительство старалось в то время осуществить введением декадных праздников ⁷⁵,— то было решено отмечать эти праздники публично и для этой цели испросить у Исполнительной дирекции просторный храм.

Директория, разгадавшая цель этой просьбы и опасавшаяся ее последствий, отказалась ее выполнить под тем предлогом, что она сама займется предложенными торжествами.

Тогда стало необходимо заговорить с обществом более ясным языком и открыть ему часть тайных намерений, которые было бы неблагоразумно сообщить ему полностью. Хотелось убедить общество в необходимости

прикрыться религиозными формами, чтобы пользоваться гласностью и храмами, которые гарантированы законом приверженцам всех культов.

Начавшаяся по этому поводу дискуссия была оживленной и продолжалась на нескольких заседаниях. Авторам проекта пришлось оспаривать мнение ораторов, старавшихся помешать его осуществлению, то советуя осмотрительно обратиться с ним к правительству, то настаивая на рассмотрении всякой религиозной формы как источника нового суеверия.

Наконец, были устранены все препятствия, и общество постановило, «что оно использует декадные торжества для того, чтобы публично чтить божество путем проповеди естественного закона». Особой комиссии было поручено снять храм и подготовить катехизис и устав нового культа.

Ненависть правительства к членам общества Пантеона

Исполнительная директория в это время страшилась общества Пантеона, дискуссии которого беспокоили многочисленных эгоистов столицы. Полиция была с тех пор всецело занята слежкой за речами и действиями ораторов-пантеонистов, публичное поведение которых не давало никакого серьезного повода для преследования. Между тем их гибель была предрешена; ждали только повода, чтобы ра-

зогнать общество, которое получило уже кличку *разбойничьего логова*.

Рвение членов общества

К началу вантоза IV года члены общества Пантеона, выйдя из прежнего оцепенения, были преданы делу торжества демократии. Вместо того, чтобы возбуждать в них рвение, приходилось умерять его, ибо оно могло оказаться роковым.

Проникшие в общество эмиссары правительства, презираемые, опозоренные, не имевшие более возможности обманывать, стали гнусными доносчиками.

Чтение произведения Бабефа. Насильственный роспуск общества Пантеона

Предлог, которого искало правительство, предоставил ему Дарте. Желая позондировать настроение общества, он устроил в нем чтение одного из выпусков «Трибуна народа», в котором не щадились члены Директории и некоторые депутаты, так же как и их угнетательская конституция и тиранические законы.

Чтение было покрыто аплодисментами. А вскоре после этого* Директория издала приказ о роспуске общества Пантеона; он был

* 9 вантоза IV года.

приведен в исполнение лично генералом Бонапартом *.

* Бонапарт⁷⁶, командовавший в то время внутренней армией, был подлинным творцом этой меры. Выяснив с помощью многочисленных агентов тайные намерения членов общества Пантеона, он запугал ими Директорию и добился приказа о ликвидации общества; он лично присутствовал при исполнении приказа и велел вручить ему ключи от зала, где происходили заседания общества.

По многим чертам характера этого генерала, прославившегося уже взятием Тулона и событиями 13 вандемьера, новая аристократия должна была признать в нем человека, способного оказать ей в один прекрасный день основательную поддержку в борьбе против народа. Его высокомерие и аристократические взгляды и послужили причиной того, что он был призван 18 брюмера VIII года на помощь этой партии, напуганной быстрым возрождением демократического духа. Бонапарт достиг высшей власти в результате попятного движения, которое сообщил революции роковой день 9 термидора II года, после которого власть, управлявшая останками республики, оторвавшись от народа, должна была непрерывно бороться, с одной стороны, против роялистов, а с другой,— против изуверченной демократической партии. И мы действительно видим, как эта власть в прерииале III года борется против демократической партии, в вандемьере IV года наносит удар монархистам, в флореале и фрюктидоре того же года подвергает проскрипции демократов, в фрюктидоре V года преследует роялистов, в прерииале VI года срывает народные выборы⁷⁷. В последние месяцы VII года, когда народная буря бушевала сильнее, чем когда-либо, и когда вражеские армии стали еще более угрожающими, узурпаторы национального суверенитета почувствовали себя в тисках между местью старого режима и правосудием народа. Но будучи слишком яркими врагами равенства, чтобы пойти на капитуляцию перед народной партией, о чем они

Вероломство правительства

Правительство французской республики, как и все аристократические правительства, было по своему духу в равной мере враж-

легко могли с ней договориться, они предпочли предоставить себя всем случайностям военного деспотизма, передав 18 брюмера VIII года французскую республику в неограниченную власть надменного солдата, напрасно льстя себя надеждой сдержать его честолюбие и дерзость.

Точно так же в результате политики, одержавшей верх 9 термидора II года, лица, вершившие судьбами Франции, должны были рассматривать наступательную войну как могучее средство поглощения внимания нации, отвлечения ее от забот о своих правах, постепенного изгнания из армии демократических настроений, деморализации граждан и предоставления пищи честолюбию генералов; иначе трудно объяснить поведение в Италии и в Швейцарии и особенно неразумную и преступную экспедицию в Египет.

Консульство и империя явились, таким образом, следствием захватнической войны, из которой вышел Бонапарт, как и следствием внутренней политики; обе эти причины имеют своим общим источником заговоры, жертвой которых пал Робеспьер.

Бонапарт, в силу твердости его характера и авторитета его военных подвигов, мог бы стать восстановителем французской свободы, но, будучи вульгарным честолюбцем, он предпочел нанести ей последние удары; он держал в своих руках благо Европы, а стал бичом для нее вследствие систематического гнета, которому он ее подвергал, как и вследствие еще более ужасного гнета, элементы которого он подготовлял и который после падения Бонапарта поглотил именем самой свободы столько народов этой части земного шара. Чем более размышляешь над последовательным развитием событий, тем более убеждаешься в том, что контрреволюция началась 9 термидора.

дебно власти одного лица, как и власти народа. Однако горячность, с которой доктрина народного суверенитета была еще недавно принята большинством нации и даже проповедовалась некоторыми из основателей новой аристократии, не позволяла аристократии ставить эту доктрину в вину демократам, изображая их в подлинном свете. Поэтому она старалась навлечь на них ненависть народа, объявив их замаскированными роялистами, стремящимися окольным путем вернуть нацию к монархическому режиму при помощи *анархии*, с которой аристократия притворно смешивала демократические принципы.

Такое политическое надувательство можно найти во всех действиях новой власти по отношению к народной партии. Доказательством тому служит приказ Директории о закрытии заодно с обществом Пантеона многочисленных роялистских обществ, которые почти тотчас были вновь открыты. Помимо этого существуют и другие, еще более убедительные доказательства, о которых я буду иметь случай говорить при отчете о знаменитом законе 27 жерминаля⁷⁸ *.

Эти зловредные люди ни перед чем не останавливались, чтобы уничтожить своих беспокойных противников. Самые бескорыстные друзья равенства были представлены миру чудовищными хищниками и честолюбцами, людьми, не скупившимися ни на наси-

* См. ниже, стр. 234 и сл.

лие, ни на клевету, чтобы удержать власть, превратившую их из бедняков, какими они были недавно, в богачей. Подобные же обвинения во множестве предъявлялись Директорией членам общества Пантеона, которых она обвиняла в открытом требовании конституции 1793 г. и диктатуры. Что касается последней, то о ней никогда не было и речи, и хотя каждый из членов общества хранил в своем сердце конституцию 1793 г., все они были всегда достаточно осторожны, чтобы не допускать разговоров о ней с трибуны общества.

Новая проскрипция патриотов

Этот насильственный акт встревожил все сердца, даже и мало привязанные к свободе; он явился сигналом для новых преследований. Многих патриотов прогнали с занимаемых ими государственных должностей; производились расследования их революционной деятельности; подвергались усиленному преследованию писатели, защищавшие дело народа.

Все, от самого страстного друга равенства до самого умеренного патриота, были возмущены ударом, нанесенным Исполнительной директорией, докладом депутата Майль⁷⁹ о народных обществах, чрезвычайно ограниченным правом собраний, предоставленным народу конституцией III года. Последствием тирании, принимавшей тем самым еще более угрожающий и гнусный характер, явилось объединение

против нее патриотов всех оттенков, возымевших единодушное желание ее быстрейшего уничтожения. Насильственно разогнанные члены общества Пантеона сначала собирались в кафе, содержавшихся республиканцами, а затем с наступлением теплой погоды — на площадях.

Несколько писателей энергично выступили против этого акта Директории; другие по примеру Бабефа воспользовались случаем, чтобы громче чем когда-либо призвать народ к восстановлению своих прав.

Среди сочинений, получивших в то время распространение в Париже, выделялось воззвание под заглавием *«Солдат, остановись и прочти»*, написанное Филипом Ле Рекселе [Феликсом Лепелетье], и *«Речь к французам о собраниях граждан»*, анонимным автором которой был Антонелль *.

*Мужество Бабефа создает ему
множество врагов*

Бабеф неустанно продолжал проповедовать в своем «Трибуне народа» доктрину подлинного равенства и упрекать в узурпации основателей нового правления и тех, кто пользовался при нем властью. Его суровый язык создал ему могущественных врагов и возбудил против него недовольство граждан, державшихся за высших чиновников вследствие полученных, либо ожидаемых от них милостей,

* Мне не удалось раздобыть это сочинение.

а также недовольство тех, кто считал правильной политикой казаться сочувствующим власти, чтобы затем с большей легкостью ее уничтожить, и кто обвинял его в опрометчивом разглашении того, что они называли тайной демократов.

Их недовольство было столь велико, что некоторые из них решили погубить этого мужественного гражданина. Они попытались вызвать против него взрыв негодования народной партии путем преувеличения его былых связей с подстрекателями термидорианских преступлений и злостного напоминания о его писаниях, направленных против некоторых агентов революционного правительства.

Между тем убежденные друзья равенства сознавали, что политические принципы, касающиеся общих интересов, являются единственным средством, способным поддержать и поднять в народе энтузиазм, который аристократы старались погасить. Они видели, какие услуги могли оказать общему делу дарования и смелость Бабефа, и открыто выступили в его защиту, способствуя тем самым развитию его планов.

У Бабефа зарождается план освобождения народа

Желание просветить своих сограждан Бабеф с давних пор соединял с желанием активно помочь им вернуть свои права. С этой целью он привлек к себе страстных поборников демократии. Знакомясь с усилиями демо-

кратов, собиравшихся у Амара на улице Папийон, в предместье Дени и в других местах, он старался их напразлять. Квартиры *Филипа Ле Рекселе* [Феликса Лепелетье], *Эри* [Рейса] и *Крекселя* [Клере] служили одна за другой убежищем для Бабефа; здесь он при содействии и помощи Антонеллы, Буонарроти, Симона Дюпле, Дарте, *Эридди* [Дидье], *Жермена*, *Сильвена Марешаля*⁸⁰ и *Сомбо* [Бодсона] выполнял взятые на себя обязательства и обстоятельно подготавливал свое предприятие.

Повстанческая организация, речь о которой будет ниже, возникла только к началу жерминаля IV года. До этого времени между Бабефом, *Филипом Ле Рекселе* [Феликсом Лепелетье] и *Сильвеном Марешалем* существовало соглашение, имевшее вначале единственной целью согласовать содержание и тон их политических произведений. Представляется несомненным, что Бабеф, стремившийся централизовать все движения, способствовал, пользуясь влиянием своих друзей, роспуску комитетов, с деятельностью которых мы уже ознакомились и многие воззрения которых можно обнаружить в актах нового повстанческого органа.

Создание Тайной директории общественного спасения

В первые дни жерминаля Бабеф, Антонелла, *Сильвен Марешаль* и *Филип Ле Рекселе* [Феликс Лепелетье] организовались в

Тайную директорию общественного спасения и приняли благородное решение связать в одно целое разрозненные нити демократического движения для единого руководства ими в целях восстановления народного суверенитета *.

Агенты и их инструктирование

Первой заботой этой Директории было объединить и взять под свое руководство всех друзей свободы, рассчитать их силы и настроить их в пользу всеобщего просвещения и освобождения, избегая опасности скомпрометировать изменой или несоблюдением тайны как само дело, так и причастных к нему лиц. Тайная директория приняла меры к этому, издав организационное постановление **, устанавливавшее в каждом из 12 округов Парижа главного революционного агента, а также агентов-посредников, предназначавшихся для поддержания связей между Директорией и ее революционными агентами. Этот акт сопровождался инструкцией, в которой Тайная директория объясняла своим агентам мотивы и правоту данного начинания и намечала путь, по которому они должны следовать для обеспечения его успеха ***.

Никогда не существовало лучшего агента связи, чем *Эридди* [Дидье]; его усердие, активность, находчивость и скромность были всегда

* См. Документы, № 4.

** См. там же, № 5.

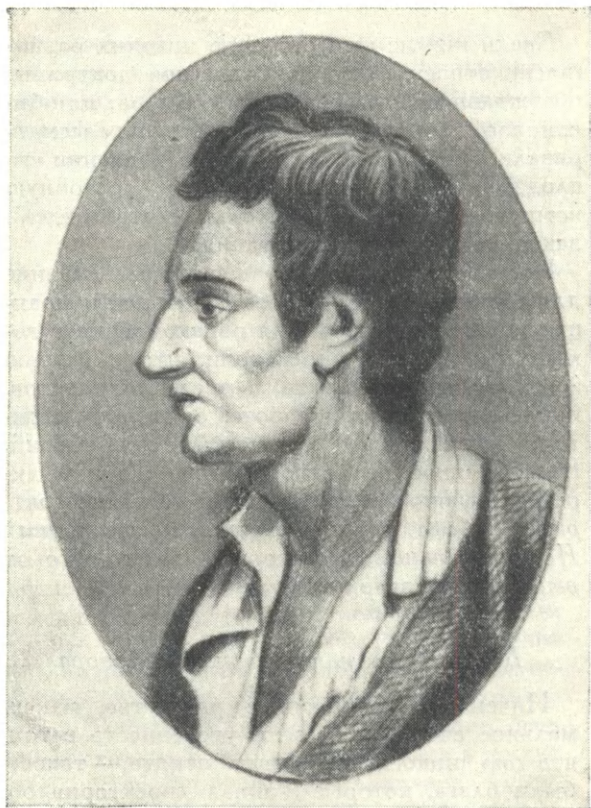
*** См. там же, № 6.

выше всякой похвалы. Хотя согласно введённому уставу, этот агент не должен был быть знаком ни с членами Директории, ни с их действиями, безупречность его патриотизма, его благоразумие и испытанная преданность снискали ему полное их доверие; это доверие было беспредельно, и Эридди [Дидье] воспользовался этим, чтобы склонить членов Тайной директории к принятию в свой состав Дарте и Буонарроти, которые в свою очередь добились принятия Бедона [Дебона].

Члены Директории и их политическая доктрина

Таким образом, к 10 жерминаля IV года в Париже существовала Тайная директория общественного спасения, созданная с целью восстановления народа в его правах; в нее входили Антонелль, Бабеф, Бедон [Дебон], Буонарроти, Дарте, Филип Ле Рекселе [Феликс Лепелетье] и Сильвен Марешаль*. Ее собрания происходили в помещении, занимаемом Крекселем [Клере], у которого в то время находил убежище Бабеф.

* Сильвен Марешаль составил знаменитый манифест равных, который Тайная директория не хотела предать гласности, так как она не одобряла ни выражения: «Пусть погибнут, если это необходимо, все искусства, только бы для нас осталось подлинное равенство», ни другого выражения: «Пусть исчезнет, наконец, возмутительное разделение на управляющих и управляемых». См. этот манифест: Документы, № 7.

СИЛЬВЕН МАРЕШАЛЬ
Собрание ИМЛ

Среди них не существовало никаких разногласий относительно политической доктрины, обсуждавшейся на квартире у Амара; их объединяло полное единодушие; все они рассматривали равенство в труде и в пользовании его плодами как единственную цель, достойную истинного гражданина, и только в этом видели законный мотив для восстания.

Их теории имеют столь важное значение для общественного прогресса, для чести французской революции и для ознакомления с замыслами Тайной директории, что я считаю необходимым поместить в числе документов, прилагаемых к этой работе, одно произведение, составляющее сущность этих теорий. Напечатанное по распоряжению Тайной директории, оно носит название: *«Анализ доктрины Бабефа, трибуна народа, преследуемого Исполнительной директорией за то, что он высказывает правду»* *.

Конечная цель участников заговора

Ничем не ограниченное равенство, максимальное счастье для всех, уверенность в том, что оно никогда не будет отнято,— таковы были блага, которые Тайная директория общественного спасения хотела обеспечить французскому народу; она хотела возобновить дело, которое было погублено 9 термидора и по примеру жертв этого рокового дня допол-

* См. Документы, № 8.

нить революцию властей и авторитетов несравненно более справедливой революцией, конечным результатом которой явилось бы беспристрастное распределение собственности и просвещения.

*Народ — цель и средство
Тайной директории*

Хотя Тайной директории было известно, что благоразумие в соединении с авторитетом послужат для нее гарантией успеха, она была убеждена в том, что самая благонамеренная власть не может рассчитывать на полный и длительный успех без любви и содействия народа. На него-то она главным образом и рассчитывала.

До того как французская революция явила миру небывалое зрелище многих миллионов людей, провозгласивших и скрепивших своей кровью истины, которые в предшествующие времена были видны лишь немногим мудрым людям,— намерение поднять народ одной лишь силой этих истин могло показаться несбыточным. Иначе обстояло дело в период создания Тайной директории; в то время речь шла не столько о том, чтобы вызвать к жизни новое общественное мнение, сколько о том, чтобы сделать единым существовавшее еще недавно общественное мнение, которое клевета и преследование раскололи и подавили.

Во время революции был такой период, когда надежда на близкое осуществление равенства привязала к новому общественному

строю сердца широких масс населения; обманутые в своих ожиданиях, они после 9 термидора сожалели о принесенных ими жертвах и, считая обманом обещанное им счастье, начали питать неприязнь к революции и к ее защитникам. Это настроение умов предоставило роялистам случай дискредитировать республиканский строй, а аристократам — посеять ужас перед нововведениями и политическую индифферентность.

С другой стороны, в результате преследований значительно поредели ряды убежденных республиканцев. Те из них, которые уцелели, насильственно разогнанные или разобщенные клеветой, не внушали более того доверия, при помощи которого они в прежние времена повели народ на завоевание своих прав.

При таком положении вещей Тайная директория, которая хотела действовать только в интересах и при посредстве народа, должна была осознать, что ей прежде всего надлежит просветить впавших в заблуждение, ободрить слабых, заставить массы узреть действительные причины их бедствий, наметить для мужественных апостолов демократии единый образный план действий и предложить всем единый руководящий центр.

Далекие от мысли действовать в тени, как преступные заговорщики, члены Тайной директории ожидали успеха своего начинания только от прогресса общественного разума и от сияющего света истины.

То, что общество Пантеона сумело наметить лишь в общих чертах, взялась завершить Тайная директория; она имела перед обществом Пантеона то двойное преимущество, что менее бросалась в глаза и могла более зрело обдумать свои планы и следовать им. Насильственное прекращение деятельности этого общества немало способствовало — вследствие вызванного этим недовольства — укреплению в Тайной директории сознания своей силы.

Тайная директория хотела установить конституцию 1793 года

Помимо того, что было справедливо и необходимо представить народу действительное равенство как подлинную и законную цель революции, важно было привлечь его внимание к такой форме правления, которая способна сохранить это равенство.

Ввиду этого Тайная директория более внимательно, чем когда-либо ранее, подвергла рассмотрению конституцию 1793 г., к которой, казалось, присоединились в этот период все искренние друзья республики; и так как она в то же время обсуждала вопрос об учреждениях, при посредстве которых надлежало установить равенство, то она тем более имела возможность распознать недостатки конституции и выявить добавления, в которых та нуждалась.

*Мнение Тайной директории
об этой конституции*

По примеру комитета, заседавшего на квартире у Амара, наши заговорщики видели неоспоримый порок этой конституции в статьях Декларации прав, касающихся собственности. В отношении самой конституции они считали, что она недостаточно гарантировала народ от узурпаций Законодательного собрания, как и от заблуждений, в которые он сам может быть введен. В конце этой работы станет видно, при помощи каких добавлений они намсревались предотвратить эти опасности.

Несмотря на эти недостатки, Тайная директория была полна решимости поддерживать уважение, которое республиканцы питали к этой конституции, по двум решающим мотивам: одним из них была почти единодушная санкция нации, которую получила конституция, а другим — право народа, закрепленное самой конституцией, — обсуждать законы. Особенно в этом последнем положении Тайная директория усматривала отличительную черту конституции 1793 г.; все прочие части конституции представлялись ей лишь регламентарными статьями.

Было, таким образом, условлено принять эту конституцию в качестве объединяющего пункта и рекомендовать ее установление как средство достижения дорогого сердцу равенства, неустанно доказывать при этом ее справедливость, требовать ее осуществления и излагать ее основные законы.

*Истина — главная движущая сила
народного восстания*

Тайная директория намеревалась сокрушить узурпаторское правительство не при помощи горстки мятежников, взбунтовавшихся из корыстных побуждений или вследствие безрассудного фанатизма, — она не хотела прибегать ни к какой другой побудительной силе, кроме силы истины.

Ясное и всестороннее изложение прав народа и преступлений его угнетателей являлось единственным средством, при помощи которого Тайная директория намеревалась поднять против тирании массу парижан; в момент, когда негодование усилилось бы и стало всеобщим, она собиралась выступить и дать сигнал к восстанию.

В Париже множатся народные общества

Поэтому первая забота Тайной директории состояла в том, чтобы заняться убеждением и вовлечением. Она не скупилась ни на речи, ни на письменные выступления; и для того чтобы плодотворно пустить их в обращение, она основала в Париже большое число мелких, неизвестных друг другу обществ; всеми ими руководили демократы, сами получавшие импульс от 12 революционных агентов.

Следует прочесть в инструкции, данной этим агентам, о предосторожностях, которыми Директория общественного спасения ста-

ралась предохранить демократов от неблагоразумия и вероломства.

Революционные агенты с самого начала предназначались для того, чтобы стать рычагами, в результате действия которых парижский народ должен был обрушиться на своих тиранов; пока же они создавали объединения, руководили народными дискуссиями, распространяли письменные обращения и отчитывались перед Тайной директорией в успехах общественного мнения, докладывали о происках аристократии, численности, дееспособности и энергии демократов.

Не следует удивляться тому, что мероприятия наших заговорщиков касались главным образом Парижа: надо было поразить аристократию в самое сердце; движение многочисленного населения этой коммуны легко сообщилось бы демократическим элементам во всей республике.

Выбор 12 революционных агентов

Выбор революционных агентов был исключительно важным делом; столь значительные функции могли быть доверены только таким людям, которые сочетали в себе неизменную любовь к равенству, испытанную осторожность и доверие к ним народа с большой активностью и известным образованием. Они были назначены Тайной директорией большинством голосов после тщательного рассмотрения мотивов, приведенных в пользу

каждого из них теми, кто предлагал их кандидатуру *.

С тех пор, как верховная власть сошла с пути справедливости, ее декреты не встречали более поддержки в общественном мнении и утратили любовь народа. Насколько раньше они легко и быстро исполнялись, настолько позднее они встречались холодно и вызывали сопротивление. Пришлось тогда вместо на-

* Список революционных агентов

Округ	Секции	Агенты	Рекомен- дующие
1	Тюильри, Пик, Шанз-Элизе, Ре- публик	Роменкольсель [Никола Морель]	Бабеф
2	Лепеллетье, Бют-де-Мулен, Мон- блан, Фобур-Монмартр	Бодеман	Дарте
3	Брютюс, Контра-Сосиаль, Мэль, Пуассоньер	Менесье	Бедон [Дебон]
4	Аль-о-Бле, Мюзеем, Гард Франсез, Марше	Буэн	Буонарротти
5	Бонди, Бон-Нувель, Нор, Бон-Консей	Ле-Иму [Гилем]	Жермен
6	Гравильер, Ломбар, Тампль, Ами де ла Патри	Клод Фике	Жермен
7	Рейньон, Ом-Арме, Друа де Лам, Арси	Пари	Дарте
8	Кенз-Вен, Эндивизибилите, Попенкур, Монтрей	Казен	Бабеф
9	Фиделите, Фратерните, Арсенал, Сите	Адери [Дерв]	Дарте
10	Фонтен-де-Гренелль, Уэст, Энвалид, Юните	Реприно [Пьеррон]	Буен
11	Театр-Франсэ, Люксембур, Пон-нёф, Терм	Сомбо [Болсон]	Бабеф и Буонарротти
12	Пантеон, Финнистер, Жарден де Плант, Обсерватуар	Моруа	Бедон [Дебон]

родной любви прибегнуть к силе; пришлось запугивать массы, справедливой вражды которых опасались. После того как возглавлявшие аристократический строй окружили себя множеством врагов революции, в низости и недобросовестности которых они скоро убедились, они поняли, что их безопасность может покоиться только на штыках, слепо подчиняющихся их ставленникам. Под предлогом сохранения общественного спокойствия они постарались превратить национальный представительный орган, единственной защитой которого еще недавно была преданность граждан, в вооруженный лагерь, угрожавший их свободе и жизни.

Армия, стоявшая вокруг Парижа и внутри его, помогавшая в жерминале и прериае III года врагам свободы установить свое господство, была сохранена и численно увеличена конституционным правительством; во главе ее можно было видеть бывших дворян, лиц, содержавшихся в тюрьме во II году, и вообще людей, открыто засвидетельствовавших свою ненависть к народному суверенитету. Наличие многочисленных сил, преданных тирании, и наряду с ними наличие народа, лишённого правительством оружия, под предлогом его изъятия то у роялистов, то у террористов, должно было обескуражить народ и вызвать в нем страх перед малейшим столкновением.

К числу препятствий, которые могли помешать успеху ее начинания, Тайная дирек-

тория относилась к сопротивлению войск и даже самую мысль об этом, которая могла возникнуть у народа. Поэтому она заблаговременно подумала о том, чтобы свести на нет такое сопротивление, пробуждая в сердцах солдат любовь к демократам, напоминая им о великих интересах, ради которых они проливали свою кровь, и незаметно высвобождая их от рабского повиновения своим начальникам, предписывавшегося им тиранами как самый настоятельный долг. Чтобы соединить в едином порыве силы армии с силами народа, участники заговора стремились еще и воздействием истины зажечь в армии ненависть к аристократическому правительству.

Военные агенты

С этой целью Тайная директория постепенно добавила к окружным агентам военных агентов, возложив на них аналогичные функции в отношении батальонов, расположенных в Париже и в его окрестностях. Она оказала свое доверие:

Фиону — для работы среди солдат, расположенных в Доме Инвалидов.

Жермену — в Полицейском легионе.

Сасеми [Массе] — в отрядах, расквартированных во Франсиаде.

Ваннеку⁸¹ — среди войск в целом.

Жоржу Гризелю — в Гренелльском лагере.

Роль, которую этот Гризель сыграл в развязке заговора, заставляет нас широко осве-

гить обстоятельства и мотивы, открывшие ему доступ к руководящим защитникам равенства.

Кроме вышеупомянутых нами гражданских и военных агентов, Тайная директория назначила наблюдателей, изучавших их поведение, корректировавших его и придававших их деятельности новую силу.

Эта важная забота была возложена на Дарте и Жермена. Оба они оказали в то время делу равенства крупные услуги: именно благодаря им Директории было подробно известно о том, что происходит на собраниях; им она давала самые трудные поручения, которые они выполняли с точностью и мужеством, показавшими их глубокую убежденность и полную самоотверженность.

Дарте, неутомимый и бесстрашный, умевший зажигать души своих слушателей пламенем своей души, сдерживать слишком стремительные порывы и примирять различные оттенки мнения, старался ободрить и объединить друзей равенства и выявить тех из них, кто мог наилучшим образом служить делу. Именно в этих целях он посещал кафе «Китайские бани», где ежедневно появлялись многие демократы, и там сблизился с Жоржем Гризелем из Абевилля, бывшим в то время капитаном в составе 3-го батальона 38-й линейной полубригады, стоявшей лагерем на Гренелльской равнине близ Парижа.

Гризель

Гризель, который, должно быть, подобно многим другим, видел в революции лишь удобный случай для личного возвышения, искал знакомства с патриотами. Ему удалось путем подражания их языку прослыть среди них пылким революционером, и после этого ему было нетрудно снискать благосклонность некоторых демократов, представивших его Дарте как ценного для их партии человека. Опрометчивые похвалы, расточавшиеся по адресу Гризеля представившими его лицами, его речи, а также готовность, с какой он взялся распространять в войсках обращения Тайной директории, причем сам он составил инсurreкционную брошюру, имевшую целью вызвать неподчинение в армии*, убедили чрезмерно доверчивого Дарте в безупречности его намерений и побудили его решиться предложить Гризеля Директории, нуждавшейся в военном агенте для Гренелльского лагеря. Он был назначен, и 26 жерминаля Дарте вручил ему инструкции относительно его миссии**.

Демократические произведения

Как только учрежденная агентура была достаточным образом организована, Тайная директория занялась неустанным распростране-

* Эта брошюра называлась «Свободный Франк — своему другу Террору». См. Документы, № 9.

** Эти инструкции см. там же, № 10.

нием произведений, назначение которых состояло в том, чтобы вывести народ из заблуждения. Надо было доказать народу, что его суверенитет узурпирован существующей властью, что конституция 1793 г. является единственной законной конституцией, что всеобщее благо может проистекать лишь из истинного равенства и что бедствия, которые народ приписывал революции, происходят исключительно оттого, что она не достигла своей цели.

Демократы пустили в ход свои перья. Бабеф развивал в своем «Трибуне народа» идею повстанческой организации. Симон Дюпле пропагандировал те же доктрины среди трудящихся классов посредством небольшого листка под названием «Разведчик». Республиканцы, руководившие «Газетой свободных людей»⁸², также оказали демократии серьезные услуги, не побоявшись вести дискуссии о форме правления и о великой системе равенства, справедливость которого они показывали путем неопровержимых ответов на выдвинутые возражения.

Одна из первых забот Тайной директории состояла в том, чтобы обоснованно указать народу положения, к которым ему надлежит присоединиться. Она сделала это посредством «Анализа доктрины Бабефа», который 20 жерминаля был в большом количестве роздан по рукам и расклеен; хотя правительство старалось скрыть это произведение от народа, но оно до такой степени поразило

все умы, что аристократы перепечатали его в своих газетах, как шедевр экстравагантности и дерзости, а патриоты сделали его предметом своих разговоров и надежд.

23 жерминаля появилось «Мнение о двух наших конституциях» *; 24-го было опубликовано «Письмо свободного Франка своему другу Террору»; 25-го было пущено в обращение сочинение под заглавием «Следует ли подчиняться конституции 1795 г.» **. 27-го было роздано *Обращение* Трибуна к армии ***; 29-го распространено «Ответное письмо М. В.» ****; 1 флореаля обнародован «Вопль французского народа против его угнетателей» *****.

Нищета народа

Стараниям Тайной директории оказывали огромную помощь преследования, продолжавшие обрушиваться на массу патриотов, и все возрастающая нужда, испытываемая трудящейся частью нации. Это был момент, когда

* Этот документ утерян. (Документ обнаружен нами в следственном деле бабувистов, хранящемся в Национальном архиве в Париже; фотокопия в Центральном партийном архиве ИМЛ. См. т. II, Приложения.— *Ред.*)

** См. Документы. № 11.

*** Там же, № 12.

**** Там же, № 13.

***** Этот документ не разыскан. (Документ обнаружен нами в следственном деле бабувистов, хранящемся в Национальном архиве в Париже; фотокопия в ЦПА ИМЛ. См. т. II, Приложения.— *Ред.*)

вследствие прогрессирующего падения курса ассигнатов приходилось сокращать снабжение продовольствием, что вынудило рабочих лишать себя необходимого или продавать последнее имущество и одежду *.

Эта нужда, а также письменные обращения Тайной директории, в которых она показывала причину такой нужды и способ ее радикального устранения, вызвали столь сильное и всеобщее брожение, что вскоре недовольство, распространявшееся тайными обществами, вспыхнуло открыто и вызвало к середине жерминаля IV года многочисленные скопления народа на улицах, площадях и на мостах Парижа.

Тогда-то узурпаторы народного суверенитета с достоверностью узнали, что их враги, объединяясь, превращаются в силу, и что народ, взывая к равенству и к демократической конституции, выражает сожаление о лицах, принесенных в жертву коррупции и аристократии в термидоре II года и в прериале III года.

* Это возмутительное наступление на уже и без того ничтожное достояние трудящегося класса было следствием отмены твердых цен на съестные припасы и обложения натурой богачей — двух способов, которые до 9 термидора устраняли необходимость прибегать к чрезмерному выпуску ассигнатов. После 9 термидора, когда продовольственное снабжение населения было сдано на попечение алчных собственников и торговцев, в большинстве своем враждебно относившихся к преобразованиям в интересах народа, неимущий люд был лишен необходимого, служившего увеличению излишеств и роскоши богатых людей.

Рост повстанческих настроений

Все происходившее в Париже, высказывавшиеся мнения, речи, дискуссии народа и солдат, ежедневно передавались Тайной директори-
рии путем донесений ее агентов и устных сообщений наблюдателей, принятых в ее состав; ее осведомляли об этом также многие демократы, ловко проникшие в состав правительственной полиции.

Вскоре Тайная директория обнаружила, что воздействие ее внушений превзошло ее ожидания, и осознала необходимость применения всех средств, при помощи которых она рассчитывала содействовать, направлять и сделать полезным народное движение, предвестники которого были уже налицо.

Деятельность Тайной директории

Участники заговора собирались почти каждый вечер в убежище Бабефа, у которого постоянно хранились главные документы заговора и его печать. На этой печати, по которой революционные агенты опознавали приказы Директории, значились по краю слова: «Общественное спасение». На заседаниях рассматривались: донесения агентов и проекты ответов на них; письменные обращения, подлежащие напечатанию; предложения о форме восстания; законодательные распоряжения, которые должны были последовать за восстанием; учреждения республики и ее организация.

Все решения, принимавшиеся Тайной директорией большинством голосов, регистрировались и служили основой для переписки и подготовительных работ, распределявшихся между участниками заговора. Все было без подписи. Бабеф, вынужденный вследствие преследования скрываться, был почти единственным составителем писем и инструкций; необходимая их отправка производилась секретарем, а доставка революционным агентам — Эридди [Дидье].

*Власть, которой надлежало заменить
существующую*

Постановив, что действия народа следует направить против существующего правительствa, к установлению конституции 1793 г., Тайная директория должна была решить вопрос, который в силу обстоятельств оказывался весьма трудным: речь шла о том, чтобы установить, какой формой правления следует сразу заменить власть, которую задумали уничтожить.

Существовало убеждение, что невозможно и небезопасно немедленно созвать первичные собрания для назначения законодательного органа и правительства в соответствии с конституцией 1793 г. Прежде всего было очевидно, что между восстанием и установлением новой конституционной власти должен существовать некоторый промежуток времени; не менее ясно было и то, что было бы крайне

неблагоразумно оставить народ хотя бы на мгновение без власти и без руководства. Другие соображения побуждали Тайную директорию полагать, что этот промежуток времени должен быть продолжительнее, чем время, которое потребуется на одни выборы и на прибытие новых депутатов. Эти соображения заслуживают более подробного изложения.

*Необходимость власти,
которая предшествовала бы
конституционному строю*

Изменение формы общественного управления не было единственной целью, которую ставили перед собой наши заговорщики; они хотели — и в этом заключалась важнейшая часть их намерений — дать Франции хорошие и устойчивые законы. Тайной директории было неизвестно, что способ издания и исполнения закона может оказать известное влияние на учреждения, которые надлежит установить, однако история и опыт французской революции учили тому, что неоспоримым следствием неравенства является разделение гражданского населения, создание противоположных интересов, разжигание враждебных страстей и подчинение массы народа, которая остается невежественной, легковерной жертвой чрезмерного труда, горстке образованных и ловких людей, злоупотребляющих достигнутым ими привилегированным положением и старающихся лишь сохранить и

укрепить порядок распределения богатств и преимуществ, благоприятствующий им одним. Отсюда Тайная директория заключала, что народ, до такой степени устраненный от естественного порядка, совершенно не способен сделать полезный для себя выбор и нуждается в необычайном средстве, которое сможет поставить его снова в такое положение, при котором он получит возможность на деле, а не фиктивно пользоваться всей полнотой суверенитета.

Этот образ мыслей породил проект замены существующего правительства временной революционной властью, составленной таким образом, чтобы навсегда высвободить народ из-под влияния настоящих врагов равенства и сообщить ему единство воли, необходимое для установления республиканских учреждений.

Какова же будет эта власть? — таков был деликатный вопрос, который Тайная директория подвергла тщательному рассмотрению. Снова приводились три предложения, поднимавшиеся на собраниях у Амара. Согласно первому, созывалась часть Национального конвента; согласно второму, создавалась диктатура; согласно третьему, устанавливался новый орган, на который возлагалось довести революцию до счастливого завершения*.

* Опыт французской революции и в особенности беспорядки и перемены, происходившие в период Национального конвента, достаточно, как мне кажется,

Созыв Конвента

В первом комитете Амар предлагал созвать Национальный конвент. По его словам, этот орган, который мог быть заменен только властью, угодной народу, хотя и являлся властью в силу конституции и законов, противоречащих суверенной воле народа, все еще остается, однако, единственной законной властью. С другой стороны, продолжал Амар, декреты могут быть законными только при наличии свободы депутатов, гарантируемой установленными формами преследования тех из них, против кого могут быть возбуждены серьезные обвинения. Отдельные члены Конвента

показали, что народ, взгляды которого формировались при режиме неравенства и деспотизма, мало способен в начале возрождающей революции своим голосованием указать людей, на которых можно было бы возложить руководство революцией и ее завершение. Эта трудная задача может быть выполнена только мудрыми и мужественными гражданами, питающими большую любовь к отечеству и к человечеству, долгое время изучавшими причины общественных зол и освободившимися таким образом от общих предрассудков и пороков, опередившими познаниями своих современников и, презирая пошлость золота и власти, почитающими за счастье обессмертить себя путем обеспечения торжества равенства. Быть может, необходимо в начале политической революции, из одного уважения к действительному суверенитету народа, заниматься не столько собиранием избирательных голосов нации, сколько обеспечением того, чтобы высшая власть как можно менее произвольным путем попала в руки разумных и стойких революционеров

были в жерминале и в прериае III года арестованы, сосланы, лишены своих политических прав без суда и следствия. Следовательно, акты Конвента, совершенные после этих насильий, недействительны, редакция конституции III года должна рассматриваться как несуществующая, и подлинными уполномоченными народа по-прежнему являются лица, непричастные к этим злоупотреблениям властью или же являющиеся их жертвами.

Возражения

Сообразно с этим рассуждением Амар предлагал вернуть к осуществлению руководящей власти членов Национального конвента, которых Конвент объявил не подлежащими избранию, а также тех членов, которые были исключены из состава Законодательного собрания и, следовательно, непричастны к узурпации.

Между тем многим из этих членов Конвента ставилось в укор участие, которое они принимали в преступлениях 9 термидора: преследование демократов, названных *анархистами*, *непримиримыми*, *террористами* и т. д.; закрытие народных обществ; введение в Конвент 73 жирондистов и освобождение всех аристократов; то, что они по слабости позволили погубить многих из их коллег; что они ответили молчанием на предложение изменить конституцию; их большое властолюбие, обогащение некоторых из них и вообще коайнее

малодушие в деле защиты прав народа*. Могли ли люди, проникнутые сознанием необходимости вручить судьбы отечества только наиболее разумным и мужественным, решиться вновь призвать к высшей власти лиц, заслуживших при ее исполнении столь тяжелые упреки?

Тайная директория считала, что столь веские основания должны быть поставлены ею выше весьма сомнительных преимуществ, которые могла дать видимость законности, с помощью которой надеялись смягчить старую вражду и преодолеть сопротивление.

Она, напротив, полагала, что, поскольку она основывает успех своих планов исключительно на влиянии демократов во всей республике, которые по всем предложениям поддержат толчок, данный парижскими демократами, благоразумно будет отбросить всякие ухищрения и предпочесть путь, дающий более всего гарантий против ошибок и слабости людей, облеченных властью.

*Временная власть,
подлежавшая назначению парижскими
повстанцами*

Отклонив, таким образом, созыв Конвента, Тайная директория остановилась на мысли о

* Хотя Тайная директория считала, что она имеет основание отказывать в доверии многим из этих членов Конвента, она в равной мере отдавала многим из них вполне заслуженную ими дань уважения и почитания.

назначении восставшим населением Парижа временной власти, которой необходимо вверить управление нацией. В самом деле, при физической невозможности немедленно устроить выборы с участием всех французов это был единственный способ воздать народному суверенитету все допускаемое обстоятельствами уважение. К этому преимуществу присоединялось преимущество большей вероятности удачного выбора со стороны людей, преданность которым принципам новой революции подтверждалась бы мужеством, с которым они стали бы ее защищать.

*Эта система гармонировала
с народным суверенитетом*

Тайная директория предвидела, что вероломные враги равенства попытаются поднять население провинции против того, что они не преминут назвать захватом парижскими разбойниками прав суверенного народа. Желая действовать только по справедливости, она рассмотрела это возражение. Вот каким образом она его опровергла: «Когда налицо тирания, то каждый гражданин имеет право и обязанность приложить старания к ее уничтожению. Однако всем гражданам обширной республики невозможно обрушиться с этой целью на власть, подлежащую свержению; первыми, следовательно, должны взяться за оружие те, кто близко стоит к ней; и так как важно, чтобы новая власть тотчас заступила

место старой, то позаботиться об этом должны восставшие.

К тому же, так как право свержения тиранической власти возлагается самой природой вещей на ту часть народа, которая близко стоит к ней, то ей же дается также право, которым никому другому не дано пользоваться,— временно заменить старую власть формой правления, соответствующей, насколько это будет возможно, принципам народного суверенитета».

После этого речь шла о том, чтобы определить, какова должна быть та временная форма правления, которую следует предложить восставшему парижскому народу. По этому вопросу существовали различные мнения: одни члены Тайной директории высказывались за единоличный образ правления; другие отдавали предпочтение новому органу, состоящему из небольшого числа испытанных демократов. Одержало верх последнее мнение.

Диктатура отвергнута

Бедон [Дебон] и Дарте, предлагавшие диктатуру, связывали с этим термином идею чрезвычайной власти, вверяемой одному лицу, на которое возлагается двойная функция: во-первых, предложить народу простое законодательство, способное обеспечить ему равенство и реальное пользование суверенитетом, и, во-вторых, временно диктовать подго-

товительные меры. имеющие целью подгото-
вить народ к принятию такого законодатель-
ства. По их мнению, столь важная и столь
смелая задача, которая может быть хорошо
выполнена только при совершенном единстве
мысли и действия, должна быть задумана и
осуществлена одним и тем же лицом. В под-
крепление своего взгляда они приводили в
пример древние народы и напоминали о па-
губных последствиях плюрализма, доказатель-
ства которых они усматривали в недавних
разногласиях, имевших место в Комитете об-
щественного спасения.

Им казалось, что опасность злоупотребле-
ний, возможных при подобном правлении, мо-
жет быть легко устранима, если всем будут
хорошо известны достоинства гражданина,
облекаемого такой властью, если будет ясно
и в соответствии с законом изложена цель,
которой эта власть должна достичь, и если
будет заранее установлена продолжитель-
ность этой власти.

При такой системе задача Тайной директо-
рии сводилась к начертанию в немногих
пунктах цели преобразования, к установлению
срока действия нового органа власти, к отыс-
канию наиболее достойного гражданина рес-
публики, как и к тому, чтобы восставшие па-
рижане приняли ее план*.

* Чему иному — если рассуждать разумно — сле-
дует приписать гибель демократии и свободы во
Франции, как не различию взглядов, противополож-
ности интересов, недостатку добродетели, единства и

Однако Тайная директория судила об этом иначе. Это не значит, что она не признавала правильности доводов, приводимых в пользу диктатуры. Но трудность выбора, боязнь злоупотреблений, внешнее сходство этого образа правления с монархической властью, а главным образом общее предубеждение, казавшееся непреодолимым, заставили отдать предпочтение немногочисленному органу, которому можно было бы вверить те же полномочия, не подвергаясь перечисленным опасностям и не будучи вынужденными преодолевать столько препятствий.

*Восставшему парижскому народу
должен был быть предложен орган
из демократов, по одному от каждого
департамента*

Результатом этого важного обсуждения было решение о том, что после уничтожения тирании парижскому народу будет предложено учредить облеченное верховной властью Национальное собрание, состоящее из демократов, по одному от каждого департамен-

твердости в Национальном конвенте. Твердая и непоколебимая власть нужна — как мне кажется — не для сохранения, а для установления равенства среди развращенного народа. Надо полагать, что если бы во II или III году имели благоразумие облечь диктатурой, которую предлагали Бедон [Дебон] и Дарте, человека такого склада характера, как Робеспьер, то революция достигла бы своей подлинной цели.

та *; тем временем Тайная директория тщательно исследует, кого из демократов надлежит предложить после того как революция будет осуществлена. Директория не прекратит своей деятельности, а будет осуществлять надзор над образом действий нового Собрания.

Одновременно с тем как участники заговора согласовывали таким образом эти важнейшие вопросы, они внимательно следили за всеми настроениями народа: они не пренебрегали ничем, для того чтобы обеспечить себе победу в день восстания, который мог оказаться днем вооруженной борьбы. И в самом деле, было основание полагать, что армия присоединится к народному движению, но было бы крайне неблагоприятно не принимать в расчет влияния, которое офицеры, будучи плохими гражданами, могли оказать на привыкших к повиновению невежественных солдат.

*Тайная директория предусматривает
способы сделать народ более сильным,
чем армия*

Умножая усилия для привлечения правительственных солдат к народному делу, Тайная директория старалась сделать демократов сильнее этих солдат на случай, если бы пришлось попасться к ним в руки. Она

* Французская республика была в то время разбита на 97 департаментов.

намеревалась немедленно создать народную армию и для этой цели собирала сведения о численности, качествах и способностях демократов, о силе их врагов и о местах, где народ мог добыть себе оружие и снаряжение. Она готовила в Париже квартиры для республиканцев, которых созывала со всех концов Франции в подкрепление друзьям свободы, и заботливо намечала склады продовольствия, чтобы в великий день искупления голод не вынудил народ, как это было в прерии III года, покинуть поле битвы.

Лионские республиканцы

Из провинциальных патриотов особое внимание Тайной директории привлекали лионцы. Среди них в Париже были такие, которые заслужили доверие Робеспьера; те же, которые оставались в Лионе, проявили себя там таким образом, что имелись основания ожидать от них самых крупных услуг. Бывшему мэру этого города Бертрану Директория доверила объединить их и руководить ими в духе повстанческой организации.

Сильное брожение в Париже

20 жерминаля IV года среди парижского населения появилось сильнейшее возбуждение, которое преступные клики, соперничая с демократами, старались использовать.

Две клики в государстве

С этого времени в государстве существовали две основные клики. Люди, ловко завладевшие под флагом равенства богатством и властью и названные мною *фальшивыми друзьями равенства*, или *воинствующими эгоистами*, образовали клику, признанными вождями которой были: Баррас, Тальен, Лежандр, Фрерон, Мерлен из Тионвиля, Ребель⁸³ и т. д. Другая составила из друзей старого строя неравенства, которых я имел в виду под названием *эгоистов-консерваторов*, или *старых аристократов*. Она объединяла остатки Жиронды, авторов новой конституции и даже роялистов, надеявшихся на некоторые выгоды от направления, которое эта клика придавала общественному мнению, и вообще от всего, что имело тенденцией уничтожить равенство. В ее рядах находились Буасси д'Англа, Ларивьер, Тибодо, Дюмолар, Камилл Жордан, Ларевейер-Лепо, Ланжюинэ, Порталис, Пасторе, Симеон и т. д.⁸⁴

Первая из этих клик признавала конституцию лишь постольку, поскольку она помогала ей удержать за собой превосходство; вторая ожидала от точного выполнения конституции новых успехов для себя. Не столь многочисленная, но более предприимчивая и смелая, она замышляла насильственные действия против первой клики, которую она обвиняла в расчетах на восстановление монархии; последняя, со своей стороны, будучи многочислен-

нее, но лицемернее и трусливее, намеревалась одолеть своих противников оружием конституции. Аристократия, какова бы она ни была, отвергает заодно с равенством и всякую иную аристократию, соперничества которой она опасается; она готова использовать любой предлог для устранения своих соперников. Так как ничто так не вредит общественным деятелям в мнении масс, как беспорядочность действий и алчность, то старые аристократы старались такого рода упреками возбудить против истинных и фальшивых друзей равенства негодование народа, которое последние более чем заслужили.

*Фальшивые друзья равенства
хотят устранить из органов власти
бывших аристократов*

Такого рода нападкам воинствующие эгоисты противопоставляли всю ту массу людей, которая принимала то или иное участие в революции. Они ловко представили врагами республики всех без различия критиков их преступлений; они запугивали республиканцев всех оттенков опасностью близкого возврата королевской власти; они утверждали, что права народа забыты ради помыслов о роялистских заговорах, подавить которые, по их словам, были способны только они одни; они, наконец, пустили в ход все средства, чтобы стать центром народного движения, в нарастании которого они отдавали себе ясный отчет.

Согласно плану этой клики восстание, которое она рассчитывала взять в свои руки, должно было иметь единственной целью устранение из Законодательного собрания и из правительства неугодных ей людей, таких, как Буасси д'Англа, Инар, Кадруа, Ровер, Ларивьер⁸⁵ и т. д. *

Они пытаются объединить вокруг себя патриотов и народ

С этой целью в стенах законодательных советов раздавались неистовые напыщенные речи против убийств, происшедших незадолго перед тем на юге Франции⁸⁶, в подстрекательстве к которым обвинялись некоторые из этих лиц, в то время как в действительности эти убийства долгое время провоцировались нынешними врагами этих лиц.

Лицемерные отступники, рассеявшись по общественным местам, преувеличивали численность роялистских заговорщиков и их покушения, отвлекая этим внимание народа от преступлений фальшивых друзей равенства, стараясь вернуть им доверие народа.

Таким образом, малопроницательные республиканцы оказывались под воздействием

* По этим чертам легко распознать и клику, одержавшую верх, и ту, которая пала 18 фрюктидора V года. События этого дня запоздали вследствие непреклонности республиканцев, настроенных как против одной, так и против другой из этих клик и тем самым вынудивших их объединить свои усилия против их общего врага — демократии.

соблазнов вероломных революционеров, как и советов истинных демократов.

Это двойное воздействие порождало опасные препятствия для деятельности Директории, вскоре почувствовавшей необходимость положить им конец.

*Тайная директория
расстраивает эти козни*

Тайная директория все еще искала исцеления в истине; она разоблачила эти козни, и они были расстроены. Один из номеров «Трибуна народа» *, посвященный разоблачению преступлений перебежчиков из народной партии, привел в замешательство их эмиссаров, и можно безошибочно сказать, что среди людей, искренно принимавших то или иное участие в революции, у них не осталось ни одного сторонника; скорейшее низвержение тирании, установленной конституцией III года, стало общим стремлением.

*Комитет из членов Конвента,
подвергшихся проскрипции*

Директория одновременно узнала, что Рикор, Аллиноже [Лэнбело], Эдюшуа [Шудьё], Амар, Юге и Жавог **⁸⁷ — все они были

* См. Документы. № 14.

** Юге и Жавог были убиты военной комиссией Тампля вслед за резней в Гренелльском лагере.

монтаньярами в Конвенте, подвергшимися проскрипции в жерминале и в прериале III года,—сговариваются о том, чтобы возглавить восстание, которое они предвидели, с целью восстановления Национального конвента и вслед за ним конституции 1793 г. Эти попытки, причастность к которым неосновательно приписывали Бареру и Вадье, являлись в глазах Директории столь важными, что она сочла необходимым сделать их предметом серьезного обсуждения.

*Тайная директория
расстраивает усилия комитета*

Следует ли уступить место подвергшимся проскрипции монтаньярам? Попытаться ли объединиться с ними? Оказать ли противодействие их попыткам? Таковы были вопросы, поднятые по этому поводу внутри Тайной директории.

Чтобы отвергнуть комитет монтаньяров, наряду с мотивами в пользу отклонения созыва Конвента, мотивом служили также сведения о том, что у некоторых его членов были недостаточно демократические взгляды, а другие отличались крайней бесхарактерностью. Но так как за ними признавались услуги, оказанные ими прежде республике, то ограничились тем, что предложили революционным агентам внушить народу недоверие к шагам, которые могут быть предприняты по подстрекательству этих монтаньяров. В то же

время агентам было предписано позаботиться о безопасности монтаньяров и предупреждать их о мерах, предпринимаемых против них правительством; об этих мерах ежедневно сообщали Директории несколько главных агентов министерства полиции.

*Фальшивые друзья равенства
объединяются с бывшими аристократами
против демократии*

Перед лицом опасности, угрожавшей в равной мере всем преступным кликам, стоявшим на первых порах у власти в республике, они не замедлили объединить свои усилия против демократии.

Быстрота, с которой снова распространялись демократические принципы, смелость произведений, призывавших к новой спасительной революции, многочисленные собрания, на которых предавались гласности преступления узурпаторов и во всеуслышание раздавались требования конституции 1793 г., согласованность единодушных пожеланий, свидетельствовавшая о широком замысле, руководителей которого трудно было обнаружить, нетерпение масс и отвага участников заговора навели ужас на врагов равенства; они поняли необходимость прекратить свои распри и направить все свои усилия против неисправимых проповедников народных учений.

Обращение Исполнительной дирекции, направленное против демократов

Тем временем всех врагов общественного преобразования насторожило обращение Исполнительной дирекции. В нем на демократов возводилась ужаснейшая клевета и против них предлагались декреты о проскрипции и смертной казни.

При таких обстоятельствах лицемерие, с помощью которого рассчитывали оправдать насильственное закрытие общества Пантеона, стало еще более злобно метать свои отравленные стрелы. Правительство, желая внушить всеобщую ненависть к демократам, обвиняло их в стремлении ввергнуть государство в страшную анархию якобы с двойным намерением: восстановить королевский деспотизм и одновременно разбогатеть путем грабежа *.

* С такой же недобросовестностью была притворно приписана роялизму и внешнему врагу идея всех великих мероприятий, благодаря которым был раздавлен королевский режим и побежден внешний враг; людей же, чьи самоотречение и бескорыстие свидетельствуют о высшей преданности делу равенства и свободы, старались превратить в замаскировавшихся роялистов. Этот маневр, первый пример которого дала Жиронда с целью оправдания своего поведения во время суда над королем и своей ненависти к подлинным основателям республики, был после этого усовершенствован политическими евнухами, которые, будучи неспособны на благородные движения, спасающие и обновляющие нации, мстят за ничтожность, на которую они осуждены, умалением великих людей, достоинства которых кажутся им химерическими, при помощи низких интриг, составляющих все их полити-

Подобными обвинениями послетермидорианскому Конвенту удалось навязать Франции иго новой аристократии. Но был ли здравый смысл в обвинении в продажности людей, вышедших из революции бедняками, хотя они и занимали должности, предоставлявшие им столько случаев к обогащению? Подобало ли лицам, совершившим столько насилий после 9 термидора, указывать как на анархистов на тех, кто в конечном счете требовал лишь исполнения закона, санкционированного народом? Подлинная и единственная анархия, заявляли демократы, заключается в мнимых законах, нарушающих естественные права людей и осуждающих нации на постоянно возобновляющиеся беспорядки, либо на смертельную летаргию. Их постоянный образ действий и неизменные требования установления подлинной республики были достаточным ответом на обвинение в скрытом роялизме, чему никто более не верил. Роялисты приветствовали эту мошенни-

ческое образование. Если послушать их, то инициаторами и руководителями революционного действия являлись лица, которые главным образом от него же и пострадали. Братья Людовика XVI требовали его осуждения; роялисты, погибшие 2 и 3 сентября, были принесены в жертву глубокой политике их друзей, а народный энтузиазм, спасший Францию от нашествия, был делом рук тех лиц, которые сами хотели вторгнуться во Францию!.. Несомненно, европейская аристократия подговорила немало заговоров против французской революции; но усматривать следы заговоров во всем том, что наносило столь большой вред революции, есть, на мой взгляд, верх нелепости.

ческую проделку, избавлявшую их от самых страшных их врагов и даже зарождавшую в них тщетную надежду превратить их в своих помощников.

Столь основательные доводы не смутили наглости Исполнительной директории. Поднятая к власти путем нарушения прав народа, она помышляла только об их уничтожении, и это гнусное решение заглушало в ней всякое чувство стыда. Она думала, что, упорствуя в клевете, она сумеет задушить истину, и льстила себя надеждой привлечь к себе все классы общества, неустанно изображая своих врагов в самых ужасных красках.

Это вероломное обращение заключало в себе, однако, одну истину, заставлявшую бледнеть от страха злобствующих людей; оно подтверждало существование отважной ассоциации, ставившей себе целью свержение новой конституционной тирании.

Законы против свободы слова и печати

Коррупция и трусость депутатов были в то время столь велики, что среди них не нашлось ни одного, кто осмелился бы взять на себя открыто защиту прав народа. Все члены Совета пятисот, за исключением 12, поспешили принять злополучные законы 27 и 28 жерминаля IV года, которые в тот же день были единогласно санкционированы их достойными коллегами в другом Совете⁸⁸.

Эти акты, недостойные названия законов, являлись покушением на общественную свобо-

ду. Согласно им, всякое мирное собрание граждан могло быть разогнано как мятежное собрание; любая дискуссия о преимуществах и неудобствах различных форм правления могла караться смертью; всякое улучшение государственной конституции становилось почти невозможным; наконец, у французов, уже лишенных права обсуждать законы и объединяться в политические общества, отнималось право свободного выражения своего мнения о делах нации.

Новое преследование демократов

С этого времени второстепенные агенты тирании удвоили свои наглые выпады против ораторов, писателей и разносчиков литературы демократической партии. Малейшие замечания, самый слабый ропот превращались в подстрекательство к мятежу и постоянно служили предлогом для тюремного заключения лучших граждан; против мирных людей, отправлявшихся в общественные места искать в излияниях дружбы некоторое утешение в скорби, причиняемой им бедствиями отечества, выставлялась военная сила.

Возмущение друзей свободы

Все искренние друзья свободы были охвачены священным гневом, побудившим их принять решение об оказании сопротивления угнетению; они открыто говорили, что настало время сдержать клятву: *жить свободными или умереть.*

Тайная директория унимает их нетерпение

Но Директория общественного спасения, занимавшая позицию, откуда она могла со-размерить силы своей партии с силами ее врагов, считала, что время для битвы еще не настало. Опасаясь одного из тех плохо согласованных выступлений, которые так способствовали установлению аристократического владычества, и рассматривая свое предприятие как последнее усилие, неудача которого совершенно погубила бы демократию, она не могла решиться дать сигнал к атаке, прежде чем будут разумно координированы все элементы восстания, казавшиеся ей необходимыми для одержания победы.

Хотя имена членов Тайной директории были покрыты спасительным покровом, об их объединении и их деятельности знали все демократы; эта осведомленность, поддерживая в демократах надежду, делала их восприимчивыми к уведомлениям, с которыми к ним обращались через революционных агентов или через посредство «Трибуна народа» и «Разведчика».

Столь длинный ряд превратностей убедил, наконец, всех, что истинная республика может ждать спасения только от содействия и помощи всех ее друзей, питающих доверие к задуманным планам и тайно руководимых небольшой группой лиц, достаточно сильных, чтобы не впасть в отчаяние от того, что их дело столько раз подвергалось гонениям и почти уничтожению.

Благодаря этому доверию Тайная директория оказалась в состоянии сдержать преждевременный взрыв, вызванный законами 27 и 28 жерминаля, которые даже самые умеренные люди сравнивали с прежним военным законом. Но в то время как одной рукой она сдерживала опасный взрыв возмущения, она другой спешно собирала воедино все нити, которые должны были привести ее к быстрой развязке и к верной победе. Медлительность, которая могла ободрить ее врагов, расколоть и охладить ее друзей, казалась ей не менее опасной, чем неосторожная стремительность. Решившись как можно скорее спасти свободу или погибнуть вместе с ней, она торопила революционных агентов в их операциях, с удвоенным рвением старалась присоединить к себе армию, в которой она не была еще уверена, и усердно занималась установлением форм восстания и законодательства, которое должно было за ним последовать.

*Некоторые мероприятия,
связанные с восстанием*

Первый вопрос, естественно подлежавший обсуждению, касался способа низложения незаконной власти и лишения ее членов возможности предпринять что-либо против равенства. Единодушное намерение Тайной директории состояло в достижении этой двойной цели великим примером справедливости, способным запугать изменников и вну-

шить уважение к тем, кого народ облечет в будущем своим доверием.

Члены обоих Советов и члены Исполнительной директории были явно повинны в таких преступлениях, как возмутительная измена и явная узурпация. Обагранные кровью лучших граждан, они отняли у народа его суверенитет и пожертвовали большинством нации во имя притязаний кучки ненасытных и честолюбивых богачей. Суровое наказание было необходимо, но вслед за днем справедливого и спасительного террора, который оставил бы после себя лишь воспоминание о законном и слишком запоздалом взрыве, должны были последовать снисходительность и забвение.

Большинство парижан, недовольных, встревоженных, неимущих, обращали свои взоры к прошлому и жалели о временах, предшествовавших 9 термидора; для свержения тиранов они нуждались лишь в руководстве неустрашимых республиканцев, в свою очередь ждавших сигнала от наших заговорщиков.

При таком положении вещей участникам заговора стало ясно, как важно вырвать массу трудящихся из-под влияния существующего правительства и поставить их под исключительное влияние демократов. Поэтому они постановили, что в день восстания все связи, существующие между правительством и гражданами, должны быть порваны, что народ встанет под знамена, которые Тайная дирек-

тория вручит избранным ею лицам, и что отдача приказа от имени тиранической власти или его исполнение явится в этот день преступлением против нации, караемым немедленно смертной казнью.

Акт о восстании

Для внесения порядка в подготавливавшееся великое движение Тайная директория считала необходимым открыто объявить себя его вождем и в качестве такового указать народу, какие требования он должен предъявить, по какому пути следовать, какие препятствия преодолеть и какие козни расстроить.

С этой целью она после длительного и серьезного обсуждения приняла знаменитый «Акт о восстании», обнародование которого должно было послужить сигналом к новой революции *.

Помимо распоряжений, относившихся непосредственно к испровержению тирании, этот акт содержал в себе зародыши ряда законодательных мер, предназначавшихся для того, чтобы доказать народу пользу намерений Тайной директории и законность ее начинаний. Этими мерами были следующие:

раздача защитникам отечества и беднякам имущества эмигрантов, заговорщиков и врагов народа; немедленное вселение бедняков в дома заговорщиков против отечества;

* См. Документы, № 15.

безвозмездный возврат принадлежащих народу вещей, заложенных в ломбарде;

взятие народом под свое покровительство жен, детей, отцов, матерей, братьев, сестер и других лиц, находившихся на иждивении граждан, погибших во время восстания.

*Раздача имуществ, предписывавшаяся
Актом о восстании,
вела к строю общности*

Было бы неправильно рассматривать обещание широкой раздачи имуществ как нечто противоречащее духу строя общности, которого хотели достигнуть. Главное было — одержать победу, и Тайная директория, которая обдуманно приняла свой Акт о восстании, понимала, что для достижения успеха ей не следует проявлять ни чрезмерной осторожности, что могло обескуражить ее подлинных друзей, ни слишком большой стремительности, что чрезмерно увеличило бы число ее врагов.

Обещанием раздачи имуществ Директория привлекала внимание и поддерживала надежду в рабочем классе, не вызывая недовольствия тех, кто, ненавидя новую аристократию, не любил тем не менее и фактического равенства. Раздача имуществ не означала дробления земельной собственности, ибо подлинным имуществом является не земля, а приносимые ею плоды; поэтому распределением плодов обещание было бы цели-

ком выполнено, и именно это — как увидим ниже — намеревалась сделать Тайная директория.

*Собрание парижского народа
вслед за уничтожением тирании*

Тотчас после уничтожения тирании парижский народ должен был быть созван на генеральное собрание на площадь Революции. Здесь Тайная директория должна была отчитаться перед ним в своих действиях, показать ему, что все бедствия, на которые он жаловался, были следствием неравенства, напомнить о преимуществах, которые он вправе ожидать от конституции 1793 г., и призвать его одобрить Акт о восстании. Затем восставшему народу было бы предложено немедленно создать временное правительство и возложить на него завершение революции и управление до начала деятельности народных учреждений.

Новое Национальное собрание

Чтобы заручиться от победившего народа постановлением, соответствующим его подлинным интересам, Директория полагала поставить на его голосование имена демократов, которых она считала наиболее достойными столь высокого доверия. Новое Собрание должно было поклясться перед лицом неба, что оно обязуется посвятить себя делу всеоб-

щего блага и верно исполнять приказы, которые предполагалось предписать ему следующим декретом.

*Декрет, который надлежало предложить
на утверждение восставшему
парижскому народу*

«Парижский народ, свергнув тиранию и пользуясь правами, полученными им от природы, признает и объявляет французскому народу:

что неравенство в распределении собственности и труда является неиссякаемым источником порабощения и общественных бедствий;

что всеобщий труд является существенным условием общественного договора;

что обладание всей собственностью Франции принадлежит по существу французскому народу, который один только и может устанавливать ее и вносить изменения в ее распределение;

он повелевает Национальному собранию, созданному им в интересах и от имени всех французов, усовершенствовать конституцию 1793 г., подготовить ее быстрое исполнение и при помощи разумных учреждений, основанных на вышепризнанных истинах, обеспечить французской республике неизменное равенство, свободу и счастье;

он предписывает названному Собранию не позднее чем через год отчитаться перед нацией в исполнении настоящего декрета;

он обязуется, наконец, внушать уважение к декретам этого Собрания, которые будут находиться в соответствии с вышеназванными предписаниями, и карать как изменников тех из его членов, которые уклонятся от предписываемых им обязанностей».

Мы увидим в дальнейшем, какими законами Тайная директория предполагала определить судьбу республики, но прежде проследим ход развития заговора, так как важно знать все его детали.

Восстание полицейского легиона

Между тем как наша Директория обстоятельно обдумывала втайне все детали своего великого начинания, результаты ее внушений начинали сказываться в воинских частях, расквартированных в Париже и в его окрестностях, особенно в полицейском легионе⁸⁹ и среди гренадеров, охранявших Законодательное собрание.

Ничто так не тревожило правительство, как этот дух оппозиции, многочисленные симптомы которого уже были заметны среди воинов; тем самым на его глазах исчезал единственный оплот, который оно рассчитывало противопоставить народному гневу. Поэтому, исчерпав в отношении полицейского легиона средства соблазна, оно было вынуждено отдать приказ о выводе из Парижа двух наиболее непокорных батальонов этой воинской части, которая, согласно своему уставу,

должна была нести службу только в Париже. За этим приказом, подписанным 9 флореаля, последовало прямое неповиновение, непосредственным результатом чего явилось возросшее волнение в народе; казалось, что близок момент, когда можно будет разделаться с тиранией.

Тайная директория хотя прямо и не вызывала сопротивления легионеров, но непрерывно распространявшимися ею положениями способствовала тому, что такое сопротивление вспыхнуло. Она также полагала, что близок момент успеха, и хотя еще не имела в своем распоряжении всех необходимых сведений, решила бы дать сигнал к восстанию, если бы у нее была уверенность, что в полицейском легионе она найдет достаточную силу, для того чтобы дать отпор первым ударам правительства и таким образом увеличить доверие народа.

Все было пушено в ход для создания этой точки опоры, и на миг явилась надежда, что восстание распространится и на всю внутреннюю армию*. Революционные агенты частью рассеялись по войскам, частью держались наготове, чтобы вызвать движение в народе; быстро организованный в полицейском легионе комитет уже вошел через посредство Жермена в сношения с Тайной ди-

* Так называлась армия, которая после 9 термидора была расположена лагерем вокруг Парижа, чтобы внушить страх друзьям свободы.

секторией; воззвание легиона к народу и ответ, составленный от имени народа * участниками заговора, указывали добрым парижанам задачу, которую им предстояло выполнить; демократы были во всеоружии; все начало уже приходить в движение, когда вследствие неожиданного изъятия покорности восставшими батальонами пришлось приостановить движение из опасения нанести отечеству непоправимый удар.

Роспуск полицейского легиона

Декрет о роспуске задушил восстание в самом зародыше. Довольно значительное число легионеров подчинилось ему с радостью; это давало возможность убедиться в том, что для многих легионеров страх перед отправкой на границы был действительным мотивом сопротивления, которое республикански настроенные солдаты слишком легковерно приписали благородному патриотизму.

Легионеры укрываются у патриотов

Но каковы бы ни были,— быть может, и неустановленные — причины этого неповиновения, демократы извлекли из него то преимущество, что могли располагать, благодаря расквартированию их у себя, не только хорошо настроенными легионерами, но и почти

* См. Документы, № 16.

всеми, кто подчинился правительственным приказам. Из этой многочисленной массы беглецов сформировалась воинская часть, которую Тайная директория рассчитывала поставить в авангарде повстанческой армии. Это наделавшее шум событие удвоило нетерпение народа, все возрастающая горячность которого служила для Тайной директории предупреждением о том, что дальнейшее промедление с развязкой заговора крайне опасно. Следовало ожидать частичных, явно бесплодных выступлений, а с другой стороны, казалась неизбежной утрата некоторого числа легионеров, которые будут арестованы за подстрекательство своих товарищей к сопротивлению; надо было предупредить ложные шаги и обезоружить тиранов. Эти обстоятельства побудили Тайную директорию ускорить момент восстания. Было 10 флореаля.

Нашим заговорщикам представлялись необходимыми две вещи: осторожность, без чего невозможен никакой успех, и смелость, преодолевающая никем не предвиденные препятствия. Они руководствовались первой и считали своим постоянным долгом вторую. Желая ускорить развязку, рассчитывая на энергию демократов, которые приведут в движение парижан, осведомленные о нетерпении народа, в достаточной мере успокоенные насчет настроения войск и имея в своем распоряжении дезертировавших легионеров, они хотели наилучшим образом расположить свои силы и именно для достижения этого считали

необходимым окружить себя гражданами, соединявшими с любовью к демократии опытность в военных делах. 11 флореаля днем Тайная директория вызвала к себе Фиона, Жермена, Россиньоля⁹⁰, Массара и Гризеля — все они были офицерами либо генералами. Гризель был туда допущен потому, что он — как полагали — пользовался влиянием в Гренелльском лагере.

*Военно-политическое заседание
11 флореаля IV года*

На этом собрании присутствовали Бабеф, Буонарроти, Бедон [Дебон], Дарте, Марешаль, Эридди [Дидье] и пятеро вышеназванных военных *. Тайная директория прежде всего ознакомила последних с целью своей деятельности, с тем, что уже было достигнуто и что еще оставалось сделать; затем она ознакомила их с Актом о восстании, который они одобрили, и в заключение призвала их принять участие в обсуждении совместно с ней вопроса о средствах, которые должны быть предприняты для обеспечения торжества народа.

Было решено, что Тайная директория, сохраняя за собой замысел всех мероприятий

* Созывая это собрание, Тайная директория нарушала статью III постановления о ее создании, и эта ошибка, не будь которой Гризель не знал бы вождей заговора, явилась главной причиной гибели их планов.

и верховное руководство движением, поручает военному комитету подготовку наступления и обороны и передает ему относящиеся к этому сведения и планы.

Вышеуказанные пятеро военных были названы членами этого нового комитета, первое заседание которого было назначено на следующий день у Эри [Рейс] на улице Монблан.

На этом общем собрании, о котором мы поведем речь, Жермен показал себя пламенным демократом. Массар не изменил чертам характера, проявленным им у Амара, Гризель превосходно играл роль республиканца, Фион и Россиньоль, приветствуя намерения Тайной директории, высказывали вместе с тем сожаление по поводу отсутствия некоторых монтаньяров, бывших членов Конвента.

Через несколько часов после этого собрания убежище Бабефа и заседания Тайной директории были перенесены в предместье Монмартр, в дом Урекля [Лекёра], где укрывался также редактор «Разведчика народа», который, зная уже отчасти о заговоре, принимал в то время некоторое участие в связанной с ним работе.

Военный комитет

Жермен был единственным лицом, через которое новый комитет сносился с Тайной директорией. Этот комитет, перенесенный несколько дней спустя из дома Эри [Рейс] к Крекселю [Клере] близ Хлебного Рынка,

быстро ознакомился с доверенным ему делом и 15-го числа доложил Тайной директории о результатах своего рассмотрения.

*Предложение о содействии роялистов
начинанию демократов*

Среди многочисленных предложений, полученных со всех сторон участниками заговора, два предложения обратили на себя их особое внимание.

Одно склоняло их к тому, чтобы при низвержении правительства прибегнуть к прямому содействию враждебных правительству роялистов, которые были бы затем обмануты в своих надеждах, когда им сообщили бы о подлинной цели восстания. Это предложение было отвергнуто, так как считали крайне опасным дать вначале оружие в руки тех, против кого вскоре придется бороться, и так как сознавали, что достаточно будет одного присутствия роялистов среди восставших, чтобы обескуражить республиканцев и уничтожить в них доверие к мероприятиям Тайной директории *.

*Предложение заколоть членов
Исполнительной директории*

В другом предложении два офицера из полицейского легиона ** вызвались заколоть

* См. Документы, № 17.

** Пеш и Стив.

в ту же ночь членов Исполнительной директории; один из них с отрядом солдат-патриотов находился в ее охране. Они просили дать им в помощь отряд демократов и таким образом начать восстание; чтобы облегчить выполнение их проекта, они сообщили пароль. Это предложение было также отвергнуто из тех соображений, что не следует предпринимать никаких попыток до того момента, когда одновременное действие всех мероприятий сделает победу почти несомненной.

В сущности, главные приготовления были уже сделаны; выработка законодательства подвигалась с каждым днем; активные патриоты были известны и сгруппированы; Акт о восстании и указатели (*guidons*), около которых должен был собираться народ, были напечатаны и розданы агентам; нетерпение народа достигло крайнего предела.

Но помимо того, что военный комитет не высказался еще по поводу способов повсеместного и одновременного осуществления великого народного выступления, у Тайной директории не было еще необходимых денежных средств, чтобы обеспечить существование нескольких весьма полезных для дела, но лишенных состояния людей; она не могла также обеспечить себя порохом, которым крайне важно было снабдить повстанцев.

Участники заговора презирали деньги

Крайний недостаток в деньгах являлся, быть может, самой характерной чертой наше-

го заговора; пристрастие к богатству считалось участниками заговора преступлением, и Тайная директория старалась добывать сборами среди патриотов лишь необходимое для печатания ее сочинений и для содержания немущих патриотов, услугами которых она пользовалась. Между тем такие средства были необходимы как для подкупа некоторых агентов тирании, так и для предоставления демократам возможности привлечь и образумить сбитых с толку солдат. Были предприняты некоторые шаги для получения средств, но самая крупная сумма, которую имела в своем распоряжении Тайная директория, составляла 240 франков звонкой монетой, присланных посланником одной союзной республики. Эта сумма была захвачена полицейскими агентами, проникшими 21 флореаля в помещение, где происходили собрания участников заговора.

Как трудно творить добро одними лишь средствами, признанными разумом! Как дорого сто́ит строгому республиканцу отступить от обязанностей, диктуемых разумом, и пользоваться людьми, не признающими этих обязанностей — и все это только для того, чтобы не допустить провала своих попыток и не быть свидетелем новых бедствий! Таково было тяжелое положение, в котором находились члены Тайной директории со времени создания военного комитета.

*Россиньоля и Фион настаивают
на введении монтаньяров
в состав Тайной директории*

Жермен вскоре заметил, что Россиньоля и Фион неискренне соглашались с образом действий Тайной директории. Сильно привязанные к депутатам-монтаньярам, они с огорчением смотрели на то, что монтаньяры не вошли в состав Тайной директории. Скоро эта мысль всецело завладела ими, что дало повод усомниться в их преданности в случае, если их идея не встретит одобрения.

Монтаньяры, о которых идет здесь речь, были осужденными после 9 термидора членами Конвента; они, как мы видели, объединились в комитет с целью восстановления конституции 1793 г., и Тайная директория считала необходимым пресечь их деятельность.

В глазах Фиона и Россиньоля мотивы, по которым эти монтаньяры были отстранены, не имели никакого веса; личные привязанности брали у них верх над политическими соображениями, и они, казалось, были убеждены, что появление этих бывших законодателей произведет магическое действие, сгладит разногласия среди республиканцев, поведет быстрее пропаганду восстания и преодолет всякое сопротивление в провинции.

Многие граждане разделяли это мнение, и если бы даже Фион и Россиньоля не имели

подражателей, то предупредительность, которая была проявлена по отношению к ним, и услуги, которых от них ожидали благодаря влиянию, которое главным образом Россиньо-ль имел на жителей Антуанского предместья, вынуждали Тайную директорию чрезвычайно внимательно отнестись к их мнению.

*Монтаньяры намереваются завладеть
восстанием*

Между тем нашей Директории сообщили, что комитет монтаньяров, к которому присоединился Робер Ленде⁹¹, отнюдь не упускал из виду цели, ради которой он сформировался, и рассчитывал осуществить ее при помощи подготовленного демократами движения, которым он надеялся завладеть, вводя своих членов в среду повстанцев и изобразив их в глазах народа как его единственных представителей.

Друэ связан с участниками заговора

С другой стороны, Друэ, известный своей преданностью и мужеством, знал о планах Бабефа, был близко связан с Дарте и также желал революции в пользу равенства. Тайная директория рассчитывала сделать его популярностью рычагом восстания. Но Друэ не был безучастен к деятельности его бывших коллег-монтаньяров и, казалось, склонялся к тому, чтобы слить оба заговора в один общий.

Нерешительность Тайной директории

Наконец, Жермен довел до крайности растерянность Директории. Он проявил большое беспокойство по поводу намерений Фиона и Россиньоля и казался встревоженным препятствиями, возникшими из-за честолюбия монтаньяров, о намерениях которых ему сообщили Рикор и Аллиноже [Лэнбело], сделавшие ему одновременно прямое предложение объединиться. Он не сомневался в том, что они связаны с двумя вышеназванными членами военного комитета.

Бедон [Дебон], всегда принимавший активное участие в деятельности Тайной директории, не мог хладнокровно выслушивать предложение о допуске к участию в ней монтаньяров, которых он считал виновниками бедствий, обрушившихся на Францию. «Оскверните ли вы, — воскликнул он, — ваше благородное начинание, призвав к славному делу спасения свободы людей, которые погубили эту свободу вследствие властолюбия, тщеславия, зависти и невежества? Разве не среди них находятся люди, погубившие 9 термидора самых стойких защитников отечества, вернувшие аристократии утраченную ею власть и породившие надежды у роялистов? Можете ли вы забыть, что они первые натравили контрреволюционеров на друзей равенства? Будьте осторожны! Не предоставляйте им ни малейшего влияния — они используют его для обмана и раскола республиканцев. Будете ли

вы говорить с уважением о Робеспьере и тех, которые вместе с ним пали жертвой, — они щедро наделят вас эпитетами непримиримых, кровопийц, диктаторов, сателлитов тирании; отдадите ли вы дань уважения добродетели, морали, святости — они назовут вас фанатиками, умеренными, софистами; дадите ли вы народу разумные советы — они будут утверждать, что они одни способны все предвидеть и всем руководить... С ними вы будете иметь лишь оппозицию и раздоры. Вам скажут, что они лишь заблудшие; я полагаю, что они сами никогда с этим не согласятся; пусть их простят, пусть забудут об их проступках, но пусть их заставят навсегда умолкнуть, ибо невозможно идти совместно с ними по стезе правды и справедливости».

Бедону [Дебону] представлялась столь очевидной невозможность каким бы то ни было образом побудить этих монтаньяров содействовать восстановлению дела народа, что он склонялся к мысли о предпочтительности полного бездействия предлагаемому союзу. Эта мысль об отказе от заговора не понравилась Тайной директории, и один из ее членов был ею настолько поражен, что, выйдя из себя, обвинил Бедона [Дебона] в малодушии. Последовавшая за этим ссора была вскоре улажена, но породившая ее точка зрения глубоко врезалась в сознание участников заговора; более чем когда-либо они почувствовали, какая осторожность от них требуется, чтобы не пожертвовать лучшими демократами

без всякой пользы для народа и даже в ущерб ему.

Никто не скрывал от себя, что союз с монтаньярами приведет к такому положению вещей, которое окажется менее благоприятным для преобразования, чем это имелось в виду; но дерзость монтаньяров и в особенности взгляды Фиона и Россиньоля казались препятствиями, способными затормозить движение заговора.

Участникам заговора то и дело приходили на ум ошибки монтаньяров и вызванные ими ужасные бедствия, и им было ясно, что нельзя ожидать от произвольных решений этих бывших членов Конвента столь желанного установления нерушимого равенства.

Продолжать оставаться в заговоре, отказавшись от равенства, значило бы признать свою непоследовательность и честолюбие; порвать нити заговора в момент, когда все предвещало ему скорый успех, значило бы стать преступниками в глазах патриотов и будущих поколений; следовательно, надо было настойчиво держаться первоначальных решений и извлечь из обстоятельств наибольшую пользу для народного дела.

*Тайная директория постановляет
объединиться с монтаньярами*

После долгих и горячих прений Тайная директория согласилась с предложением об объединении и одновременно решила принять

большие предосторожности, чтобы сдерживать честолюбие монтаньяров и заставить их содействовать выполнению ее намерений.

Согласно объяснениям, данным одновременно с согласием на такое объединение, Тайная директория брала на себя восстановление Национального конвента, имея в виду ту часть этого органа, которая рассматривалась Амаром как единственно законная и все еще существующая по праву. Если бы это было осуществлено без всяких изменений, то Франция оказалась бы отданной на произвол людей, которым предъявлялись такие серьезные обвинения. Во избежание столь большого несчастья Тайная директория решила, что созыв Конвента будет иметь место в зависимости от того, примут ли предварительно монтаньяры:

Условия объединения

1. Ввести дополнительно в состав Национального конвента, состоящего исключительно из депутатов, подвергшихся проскрипции, по одному демократу от департамента, назначенному восставшим народом по представлению Тайной директории.

2. Обеспечить выполнение без ограничений и незамедлительно положений статьи 18 Акта о восстании.

3. Подчиняться декретам, которые будут изданы парижским народом в день восстания.

Как только это решение было принято, Жермен получил разрешение привести на следующий день одного из членов комитета монтаньяров в Тайную директорию, немедленно переведенную на квартиру Тиссо, на улице Гран-Трюандри, где и раньше происходили некоторые ее заседания.

*Посланец от комитета монтаньяров
представляется Тайной директории*

Утром 15 флореаля Жермен привел в Тайную директорию Рикора, посланного комитетом монтаньяров. Он был встречен речью *, в которой его ознакомили с положением дел, с мотивами, заставившими отбросить всякую мысль об объединении с его доверителями, как и с мотивами, побудившими затем пойти на такое объединение. Депутату монтаньяров дали ознакомиться с Актом о восстании, и тотчас началось обсуждение изменений в пункте, касавшемся временной власти, которую необходимо было создать. Было легко достигнуто соглашение о том, чтобы призвать к верховной власти членов Национального конвента, подвергшихся проскрипции, но в то же время их посланцу дали понять, что в случае, если монтаньяры не дадут неопровержимых гарантий их народолюбивых намерений, всякие переговоры с ними будут прекращены. С ним говорили не церемонясь и

* См. Документы, № 18.

без уверток и заявили об отсутствии доверия к тем, кто его уполномочил; им предъявлялись тяжкие упреки.

Рикор не был в состоянии оправдать всех своих товарищей, в числе которых, как он говорил, были и такие, которые не заслуживали порицания народа. Ему были изложены три вышеприведенных условия, к которым заодно были присоединены следующие:

1. *Приостановка действия всех законов и постановлений, изданных после 9 термидора II года.*

2. *Изгнание всех вернувшихся эмигрантов.*

Отказ монтаньяров

Рикор согласился на все при условии, если это утвердят его коллеги; на другой день он явился с сообщением об их отказе.

По мысли комитета монтаньяров, непосредственным и единственным следствием восстания должен был явиться возврат к власти около 60 членов Конвента, подвергшихся проскрипции, на которых следовало слепо полагаться при всех последующих мероприятиях.

Присоединение к монтаньярам по одному демократу от департамента было отвергнуто ими как покушение на народный суверенитет, единственными носителями которого они себя считали. Приказы, которые должны были быть предписаны им повстанцами, являлись в их глазах покушением на права французского

народа, поскольку им одним надлежало его представлять; они соглашались передать народу квартиры и имущество, обещанные ему Актом о восстании, однако они понимали под этим тактическую уступку чувству великодушия, а вовсе не исполнение приказа или признание права; наконец, они предлагали членам Тайной директории ввести их в состав Исполнительного комитета, который они намеревались учредить.

Ответ Тайной директории

Несомненно, приятно будет прочесть ответ, который был дан посланцу *монтаньяров*. Он гласил:

«Содействуя временному восстановлению части Конвента, мы имеем в виду лишь служение народу. Единственной наградой, к которой мы стремимся, явится для нас полное торжество равенства. Не щадя своей жизни, мы будем бороться за возврат народу всей полноты его прав, но нам непонятно, как можно претендовать на великодушие по отношению к верховному повелителю. Если вы действительно хотите работать совместно с нами на пользу того великого начинания, которым мы заняты, не делайте таких предложений, которые бросают тень подозрения на ваши намерения.

Многие из твоих коллег обманули доверие народа, но мы были бы несравненно более, чем они, достойны порицания, если бы со-

гласились снова принести народ в жертву их страстям и их слабостям. Непостижимо, чтобы для восстановления суверенитета народа надо было употребить средства, погубившие этот суверенитет. Нация, безусловно, вручает право на принятие необходимых временных мер именно тем лицам, от которых она ожидает свержения тирании.

Мы желаем уничтожения одного деспотического правительства не для того, чтобы заменить его другим, не менее деспотическим. Прощать ошибки похвально, но было бы безумием снова верить судьбу отечества тем, чьи ошибки его погубили.

Лучше погибнуть от руки возмущенных нашим бездействием патриотов, которые смогут обвинить нас в трусости и измене, либо от руки правительства, которое узнает, наконец, о наших попытках, чем снова отдать народ на произвол тех, кто 9 термидора погубил лучших его друзей и после этого трусливо позволил подвергнуть проскрипции республиканцев и разрушить демократическое здание».

Уходя, Рикор заявил, что сообщит Тайной директории окончательное решение своих доверителей.

Тревога патриотов

В то время как все это происходило между Тайной директорией и комитетом монтаньяров, злоеющие слухи вызывали тревогу у патриотов и обескураживали их. Главные

участники заговора подвергались подозрениям и клевете, и затишье, последовавшее за столь сильным возбуждением, рассматривалось всеми как предвестник новых бедствий. Эти зловещие предчувствия постепенно дошли до слуха революционных агентов, которым было поручено сдерживать преждевременные порывы, чтобы выиграть время для координации действий; самих агентов это начинало смущать, и они дали знать Тайной директории, что дальнейшее промедление лишит ее доверия наиболее решительных людей, готовых взять в руки оружие.

Чтобы рассеять всякую тревогу, Директория решила изложить агентам, в каком положении она оказалась и какие препятствия мешают ей двигаться вперед *. Но предназначенные для них циркуляры не были еще написаны, когда Тайной директории стало известно, что монтаньяры готовы принять ее предложения.

Объединение Тайной директории с комитетом монтаньяров

В самом деле, вечером 18 флореаля Дарте доложил Тайной директории, что на собрании комитета монтаньяров, на котором он присутствовал, после бурных прений согласились на присоединение по одному демократу от департамента, на благоприятные для не-

* См. Документы, № 19.

имущего класса мероприятия и на приведение в исполнение декрета, который предполагалось испросить у восставшего парижского населения. В то же время он рассказал, что возражения, о которых говорил Рикор, были удачно опровергнуты Амаром и главным образом Робером Ленде, который считал правильным недоверие Тайной директории и долго говорил о необходимости придать революции истинно народный характер, без чего она — по его словам — является лишь игрой партий. Это известие было тотчас сообщено агентам, и с тех пор все помыслы были устремлены только к тому, чтобы ускорить развязку заговора.

*О некоторых вопросах,
относившихся к восстанию*

Во время переговоров, происходивших между комитетом монтаньяров и Тайной директорией, сношения Директории с военным комитетом были весьма часты. Они пришли к соглашению о том,

что восстание произойдет днем;

что генералы поведут народ против его врагов, повинаясь приказам Тайной директории;

что повстанцы будут разбиты по округам и подразделены на секции;

что во главе округов будут стоять начальники, а во главе секций — помощники начальников;

что будет прекращено всякое повиновение существующим властям, а всякое такое повиновение — караться немедленно смертью.

Чтобы лучше сговориться, чтобы установить между главными действующими лицами полное доверие и согласовать все предстоящие меры с принципом только что заключенного союза, на вечер 19-го было назначено общее собрание Директории и обоих комитетов на квартире у Друэ, неподалеку от площади Пик.

Предательство Гризеля

Рядом со столькими мужественными защитниками прав человечества находился гнусный лицемер, который с целью погубить дело, которому они себя посвятили, коварно заимствовал у них их принципы и их язык: этим бесчестным человеком был Жорж Гризель.

С намерением ли проложить себе путь к богатству, всякой надежды на которое его лишали известные ему планы участников заговора, с целью ли оказать прямую услугу тирании, Гризель постарался снискать к себе доверие демократов. Побудив Дарте передать ему инструкцию, предназначавшуюся для военных агентов, он пустил в ход все средства, чтобы сохранить составленное о нем благоприятное мнение. Допущенный затем на одно из заседаний Тайной директории и назначенный членом военного комитета, Гризель выказал себя

там самым крайним и нетерпеливым демократом. Он хотел все знать и метил одним ударом избавить тиранию от всех друзей равенства и открыть ей все замыслы демократии*.

*Гризель доносит о существовании
заговора*

Узнав, наконец, главных участников заговора и ознакомившись с частью их плана, он 15 флореаля донес на них правительству, которому обещал выдать их вместе с документами заговора⁹².

К этому вероломному поступку Гризель с тех пор ежедневно присовокуплял новые измены; усердно работая в военном комитете, он торопил своих доверчивых коллег, устранял затруднения, подсказывал новые мероприятия и никогда не забывал поддерживать мужество окружающих преувеличенным изображением преданности Гренелльского лагеря демократии.

Согласно сведениям, полученным от Гризеля, был разослан приказ схватить участников заговора 18-го во время собрания на квартире у Рикора; однако там никого не нашли. Тогда были приняты новые меры к тому, чтобы на следующий день вечером окружить квартиру Друэ, где, согласно имевшимся у предателя сведениям, должны были собраться участники заговора.

* См. письма Гризеля к Повстанческой директории (Документы, № 20 и 21).

*Собрание участников заговора
на квартире у Друэ*

Это собрание, действительно, состоялось с 8 час. 30 мин. до 10 час. 45 мин. На нем присутствовали Бабеф, Буонарроти, Дарте, Эридди [Дидье], Фион, Массар, Россиньоль, Робер Ленде, Друэ, Рикор, Аллиноже [Лэньелло] и Жавог. Гризель также отправился туда. Предатель! Он явился, чтобы предать тирании своих товарищей, он дожидался там их палачей, а сам обнимал их, приветствовал и, не краснея, расточал уверения в самой искренней дружбе.

Участники заговора, собравшиеся на квартире у Друэ, чувствовали себя в полнейшей безопасности; пылкость их чувств и святость их дела отгоняли всякое недоверие; уверения и словоохотливость Гризеля устранили от него всякое подозрение.

Доклад Тайной директории

Тайная директория устами одного из своих членов изложила мотивы, побудившие ее стать центром действий демократов против новой тирании. «Вспомните ваши клятвы,— говорил оратор участникам заговора,— вспомните бедствия, вызванные забвением принципов, которые вы клялись скрепить своей кровью. Настало время сдержать ваши обязательства; надо вступить в борьбу. Торжество благороднейшего дела, свобода фран-

цузского народа, доверие, оказываемое им вам, ярость его врагов и ваша собственная безопасность настоятельно вменяют вам это в обязанность. Никогда не было более законного заговора, дело идет не о том, чтобы выбрать новых повелителей; никто из нас не стремится к богатству или власти; предатели заставляют нас взяться за оружие; только во имя права на существование, во имя свободы и счастья наших сограждан тайно собранная нами армия освободителей ждет лишь нашего сигнала, чтобы обрушиться на горстку тиранов, угнетающих народ.

Всё до сих пор было в оцепенении. После бесплодной победы 13 вандемьера аристократия не встречала никаких препятствий; большое число демократов, утративших веру в завоевание свободы, пошли на мировую с гнусными олигархами, упившимися кровью ваших друзей.

Наш призыв возродил надежду, вновь появилась былая энергия; благодаря неутомимому рвению стольких мужественных республиканцев, теряющий терпение народ уже во всеуслышание требует сигнала к битве.

Нам известны все достойные люди; бесчестные трепещут. В назначенный вами день оружие, которое тирания напрасно старается у вас отнять, окажется в руках наших братьев. Вы пожелали, чтобы готовяемая нами революция была завершена и чтобы народу не приходилось больше довольствоваться отвлеченной свободой и смехотворным ра-

венством. Фактическое и законное равенство — вот то великое свойство, которым должно отличаться ваше возвышенное начинание от всех предшествовавших ему.

Все трудности преодолены; любовь к отечеству объединила нас. Условия, подписанные людьми, представлявшими прежде нацию, и единодушно принятые положения Акта о восстании возвестят народу и гарантируют ему правоту и полезность его восстания.

Время не терпит; нетерпение народа достигло крайнего предела; не станем же дальнейшим промедлением рисковать тем, что упустим случай, который, быть может, нам не представится больше.

Мы просим вас:

Добавить к принятым нами мерам те меры, которые вы сочтете необходимыми.

Назначить время восстания.

Мы либо погибнем в бою, либо завершим столь долгую и кровавую революцию победой и равенством».

Робер Лендэ показал правоту восстания, оправдал созыв Конвента и долго настаивал на необходимости придать предстоящей революции, путем осуществления строжайшего равенства, особо ей свойственный, абсолютно народный характер.

«Что касается меня,— заявил Гризель,— то я ручаюсь вам за моих храбрых товарищей из Гренелльского лагеря; и чтобы показать вам, как близко я принимаю к сердцу

торжество святого равенства, я вам скажу, что нашел способ вырвать у моего дяди-аристократа сумму в 10 тысяч ливров, предназначенную мною для приобретения питания восставшим солдатам».

Новое присоединение монтаньяров

Новый Акт о восстании был вторично утвержден членами Конвента, которые обещали отправиться в день восстания со своими коллегами к указанному Тайной директорией месту для установления Конвента и искренне содействовать осуществлению утвержденных мероприятий, а также декретов, которые будут провозглашены восставшим народом.

Доклад военного комитета

Массар от имени военного комитета дал отчет об основах плана атаки, казавшегося ему наиболее отвечающим целям Тайной директории. По мнению комитета, 12 округов Парижа, объединенных в три дивизии, должны были направиться под предводительством такого же количества генералов к Законодательному собранию, к Исполнительной директории и к генеральному штабу внутренней армии. Первые отряды должны были быть сформированы из наиболее пылких демократов. Общее нетерпение было так велико, что казалось вполне возможным поднять по

призыву революционных агентов и деятельных друзей равенства все трудовое население. Массар добавил, что для того, чтобы высказаться относительно срока восстания, комитету необходимы некоторые новые разъяснения относительно численности демократов и способностей некоторых из них, как и о местах хранения оружия и снаряжения, которыми необходимо завладеть в начале действия.

Собрание постановило:

Постановление собрания

«Тайная директория должна ускорить развязку заговора; она должна снабдить своих агентов инструкциями, соответственно с планом военного комитета; она должна собраться через два дня, чтобы заслушать окончательный отчет о положении дел и назначить день для выступления».

Полиция осаждает квартиру Друэ

Собрание едва успело разойтись, как в квартиру Друэ насильственно и противозаконно* ворвался министр полиции в сопровождении отряда пехоты и кавалерии. Он надеялся застигнуть здесь участников заговора, но застал только Друэ и Дарте, арестовать которых он считал неблагоприятным. Таким обра-

* Конституция в то время запрещала ночные обыски.

зом, плохо задуманный или плохо отданный приказ привел к временной неудаче черных замыслов стоявшей у власти тирании.

*Гризель успокаивает участников
заговора*

Однако это событие, вместо того чтобы внушить участникам заговора недоверие, только увеличило их беспечность. Гризель, сумевший убедить их в своей искренности, рассеял их тревогу, уговорил их, что всякие новые предосторожности излишни.

Сначала Тайная директория приписала угрожавшую ей опасность измене, и при расследовании, которое она поспешила произвести, чтобы обнаружить виновника, она на миг остановила свои подозрения на одном из самых искренних друзей народного дела. На собрании, происходившем у Друэ, не было Жермена, и это отсутствие, на которое он был осужден вследствие начавшихся уже против него преследований, бросило на него некоторую тень, но память о его нравственности, его поведении, о принесенных им жертвах и о его искренности вскоре рассеяла это подозрение. Всякие дальнейшие подозрения отпали в результате рассуждения, подсказанного Дарте самим Гризелем. Если бы, говорил он, среди участников заговора был предатель, то он одновременно привел бы полицию и к Друэ, где мы находились вчера вечером, и в то место, где мы собирались все 11-го чис-

ла, так как там хранятся документы заговора *. Так как этого не было, то отсюда следует, что измены нет и что поведение полиции является лишь следствием возникших у нее подозрений, как и чрезвычайной бдительности, которая ей свойственна. Этим были рассеяны все тревоги, и Тайная директория сочла ненужным принять какие-либо меры предосторожности, благодаря которым ей было бы так легко избежать несчастий, вскоре обрушившихся на нее.

Собрание агентов на квартире у Массара

Во исполнение предписаний Тайной директории 20-го вечером состоялось новое собрание, в котором участвовали Дарте, Эридди [Дидье], Жермен, Фион, Массар, Россиньоль, Гризель и все окружные агенты. Цель этого собрания, состоявшегося у Массара, заключалась в том, чтобы посоветоваться с каждым из этих граждан, известных своей опыtnостью, относительно наиболее пригодных способов одновременного начала восстания, как и относительно обеспечения его успеха. Нужно было также узнать у каждого революционного агента, каковы в точности его людские ресурсы, запасы оружия и снаряжения и насколько велика преданность.

* Гризель впоследствии заявил перед судом, что он не мог вспомнить место, где 11-го числа происходило собрание.

Предложения агентов

Клод Фике, агент 6-го округа, подал мысль о забаррикадировании Антуанского предместья, чтобы прикрыть расквартированные в Венсенне войска, если они будут настроены благожелательно, или помешать им проникнуть в город, если у них будут дурные намерения.

Пари, агент 7-го округа, изложил план атаки, предложенный генералом, с которым ему было поручено Тайной директорией посоветоваться; он рассказал, каким образом можно легко арестовать Исполнительную директорию, и предложил захватить подземные ходы Люксембургского дворца, которые могут помочь членам Исполнительной директории избежать правосудия.

Казен, агент 3-го округа, предложил обеспечить плавучим мостом сообщение между Сент-Антуанским предместьем и предместьем Марсо и с самого начала завладеть высотами Монмартра, чтобы громить оттуда аристократов, которые осмелятся сопротивляться, как и для того, чтобы соединиться там в случае неудачи.

Сомбо [Бодсон], агент 11-го округа, выразил желание, чтобы восстание произошло в день, когда декадный праздник совпадет с воскресеньем, для того чтобы легче было собрать рабочих, которые еще привязаны к христианским обрядам, как и тех, которые от них отказались. Он предложил воспользоваться помощью женщин и детей, чтобы прорвать ряды солдат и увлечь их на соединение с народом.

Относительно общественного настроения революционные агенты повторили то, что уже сообщали Тайной директории. Они заявили, что нетерпение носит всеобщий характер и достигло крайних пределов и что падение тирании несомненно, если только солдаты не решатся выступить против народа. В этом случае они рассчитывали на численность и мужество демократов и на зрело согласованные военные распоряжения.

*Военный комитет требует от агентов
новых сведений*

Однако сообщенные агентами сведения показались недостаточными военному комитету, который хотел иметь более точные сведения, а также чтобы были запрошены граждане, которым предстояло сыграть важную роль в восстании, во избежание всяких заблуждений относительно их намерений. Эти новые донесения должны были быть переданы Массару и сообщены им общему собранию, назначенному на утро следующего дня у Дюфура в предместье Пуасоньер.

Между тем как все возраставшее возбуждение предвещало повсеместно близкий взрыв, Тайная директория подсчитывала силы, которые она объединила вокруг себя, взвешивала как ими распорядиться и обдумывала планы, при помощи которых она рассчитывала достигнуть великой цели революции, а именно — равного распределения благ и труда.

Силы демократии

Оглядываясь вокруг, она видела себя во главе армии, состоящей из большого числа пламенных друзей революции, объединенных ее стараниями одной общей целью и горящих нетерпением померяться силами с тиранией; из лиц, стоявших у власти до 9 термидора; из парижских артиллеристов, широко известных своими демократическими настроениями; из отставленных от должности офицеров; из провинциальных патриотов, вызванных ею в Париж, либо прибывших туда, чтобы избежать преследований; из военных, подвергшихся заключению за преданность отечеству или за неповиновение; из гренадеров, охранявших Законодательное собрание, почти из всего полицейского легиона и из всей воинской части Дворца Инвалидов *.

* Можно без преувеличения считать, что число находившихся в то время в Париже людей, готовых взять на себя инициативу восстания, доходило до 17 тысяч, не считая многочисленного класса рабочих, недовольство и нетерпение которых проявлялось повсюду. Вот перечень, служивший базой для решений Тайной директории:

Революционеров	4000
Членов прежних органов власти	1500
Артиллеристов	1000
Уволенных офицеров	500
Провинциальных революционеров	1000
Гренадеров Законодательного собрания . .	1500
Военных, заключенных в тюрьмы	500
Полицейский легион	6000
Ветераны Дворца инвалидов	1000
Итого	17 000

Недовольство и нетерпение народа

Тайная директория отмечала, кроме того, сильное возбуждение среди солдат, расположенных лагерем вокруг Парижа. До ее слуха доносился также ропот трудовых масс, негодование которых открыто прорывалось на тайных заседаниях, как и на многолюдных собраниях, происходивших ежедневно под открытым небом.

К тому же существовало убеждение, что пыл пролетариев, единственной подлинной опоры равенства, возрастет вдвое, когда они с самого начала восстания увидят осуществление так много раз откладывавшихся мероприятий, которые должны облегчить их участь. Тайная директория была тем более уверена в силе своей партии, что ее агенты, рисовавшие перед нею возбуждение народа, смело требовали от нее сигнала к бою.

Силы тирании

Наряду с картиной собственных сил Тайная директория имела перед собой картину сил, которые могла противопоставить ей тирания. Директории было известно, что и слабые вооруженные отряды тирании могли стать на пути народного движения; что роялисты, по всей вероятности, встанут на защиту ненавистного им правительства, чтобы не испытать на себе закона равенства, внушавшего им еще бóльшую ненависть; что

большинству богачей, державших исключительно в своих руках командование национальной гвардией, тяжело будет видеть победу демократии; что их главари располагали оружием и что государство сможет снабдить им остальных.

Ресурсы народа

Участники заговора, со своей стороны, имели в своем распоряжении оружие и снаряжение, которыми были снабжены гренадеры Законодательного собрания и легионеры; кроме того, они рассчитывали захватить оружие, имевшееся у оружейных мастеров, в центральных пунктах секций, в Тюильри, у фельянов и во Дворце Инвалидов, при помощи наиболее отважных граждан и при сочувствии лиц, которым была поручена охрана оружейных складов. Они, кроме того, рассчитывали на артиллерию преданного им Венсенского лагеря и надеялись, что войска присоединятся к народу, что внезапная вспышка среди массы населения поразит ужасом сторонников тирании и что народ найдет могучего союзника в трусости, столь присущей любимцам фортуны, на которых правительство возлагало свои главные надежды.

Член директории Баррас предлагает участникам заговора свои услуги

Для того ли, чтобы избежать справедливой ненависти народа, для того ли, чтобы оказать содействие участникам заговора или для того,

чтобы узнать их имена и погубить их, член Директории Баррас имел 30 жерминаля длительную беседу с уполномоченным Тайной директорией Жерменом; во время беседы Баррас выпытывал у него причины брожения в народе. 20 флореаля вечером он через посредство Россиньоля и Луэля предложил главным участникам заговора либо стать со своим главным штабом во главе восстания, либо сделаться заложниками в Антуанском предместье.

Те, которые хотели бы интерпретировать эти факты в пользу члена Директории Барраса, должны были бы также объяснить, почему он не предупредил о доносе, сделанном в Исполнительную директорию 15 флореаля на лиц, по отношению к которым он 20-го числа внешне засвидетельствовал столько сочувствия и доверия *.

* Один факт, имевший место после нашего заговора, как будто разъясняет эту тайну. После насильственного пресечения деятельности Тайной директории и заключения в тюрьму многих ее членов остальные демократы взялись освободить их из тюрьмы и продолжить их дело. Двое друзей члена Директории Барраса втерлись к ним в доверие и убедили их в том, что Баррас разделяет их желания и хочет на деле содействовать их усилиям ⁹³. Именно по их совету и был составлен проект братания между демократами и военными Гренелльского лагеря, вместе с которыми они должны были вслед за тем направиться в Исполнительную директорию, чтобы произвести желаемые перемены. Обещания, данные от имени Барраса его друзьями, розданная ими сумма — около 24 тысяч

Отдав себе отчет в силах демократии в Париже, установив взгляды наиболее просвещенных патриотов и заслушав военный комитет, Тайная директория сочла своим долгом наметить способ осуществления восстания с тем, чтобы все усилия были равным образом направлены к единой цели и чтобы предпринятое дело не потерпело крушения из-за недостатка осторожности. Историческая точность требует, чтобы здесь были приведены пункты, на которые Тайная директория дала свое согласие, не считая изменений, которые могли стать необходимыми в силу обстоятельств.

Приказ о восстании

Уже давно признали, что лучше всего начать восстание с публичного уведомления о нем, сделанного Повстанческой директорией, к которой все должны примкнуть и следовать ее указаниям.

Это уведомление должно было выразиться в обнародовании Акта о восстании, принятого по соглашению с комитетом монтаньяров *.

Франков — и уверения некоторых офицеров лагеря побудили в самом деле демократов явиться туда толпой, без оружия, с возгласами «Да здравствует республика!» и с пением патриотических гимнов. Вместо обещанного им братания они нашли там смерть. Кто расставил эти сети? Кто хотел одним ударом уничтожить демократическую партию?

* См. Документы, № 22.

В этом Акте, как и в актах, которые должны были появиться во время восстания и после него, Тайная директория именовалась Повстанческим комитетом общественного спасения, чтобы таким образом приблизиться к формам подготовки равенства, существовавшим до 9 термидора, и во избежание всякого сходства с формами, установленными аристократией.

Было принято решение о том, чтобы разбить повстанческую армию на три дивизии. Ими должны были командовать три генерала, подчиненные главнокомандующему, который, в свою очередь, должен был быть подчинен генералам, входившим в состав Повстанческого комитета; каждому дивизионному генералу подчинялись окружные начальники, а им — начальники секций, подразделявшихся на взводы.

Что касается генералов, то Комитет имел в виду Фиона, Жермена, Россиньоля и Массара. Назначенные тем же комитетом начальники и командиры взводов должны были явиться, чтобы построить народ в момент, когда обнародование Акта о восстании, набат, труба и клич друзей свободы призовут его к отвоеванию своих прав.

Весьма важно было, чтобы с каждой секцией были связаны просвещенные демократы, на обязанности которых лежало бы разъяснение народу положений Акта о восстании и показ его справедливости и полезности.

После того как благодаря восстанию, которым рассчитывали полностью охватить трудящиеся классы, была бы таким образом сформирована народная армия, она должна была быть направлена против тирании и противопоставлена силам этой тирании. Колонны войск должны были двинуться к зданиям Законодательного собрания, Исполнительной директории, генерального штаба и к особнякам министров, чтобы поддержать республиканцев, которым поручалось арестовать узурпаторов.

Наиболее закаленные и лучше вооруженные секции должны были направиться к складам оружия и боеприпасов, а главным образом к Гренелльскому и Венсенскому лагерям, где имелось не более 8000 человек, которых считали готовыми присоединиться к народу.

Чтобы ускорить это присоединение, предполагалось пустить в ход решительные меры, так же как и язык убеждения. Ораторы должны были напомнить солдатам о преступлениях правительства и об их долге перед отечеством; женщинам надлежало преподнести им венки и прохладительные напитки: ветераны призывали бы их следовать своему примеру. На случай неудачи были приняты меры к заграждению улиц и к тому, чтобы обрушить на войска потоки кипящей воды, смешанной с купоросом, и осыпать их градом камней, черепицы, шифера и кирпичей.

Остальная часть народной армии должна была быть использована для охраны выходов

из Парижа, для поддержания связи между различными народными частями, для обеспечения снабжения города продовольствием, недопущения каких бы то ни было антинародных собраний, пресечения переписки аристократии, воспрепятствования всяким попыткам к грабежу и приведения в исполнение приказов повстанческих властей *

Непредвиденные обстоятельства, схожие с теми, которые вызвали прериаальские бедствия, могли поставить под сомнение успех данного предприятия, если бы не подумали о том, чтобы их предупредить. Среди этих обстоятельств больше всего приходилось опасаться недостатка продовольствия, который помешал бы народу оставаться все необходимое время под ружьем; поэтому Повстанческий комитет подумал о том, какими способами обильно снабдить провизией все те места, где мог собраться народ; главным образом с этой целью он постановил ввести в каждую секцию с самого начала восстания трех членов революционного комитета, действовавшего 9 термидора, и возложить на них срочную передачу повстанцам провизии, в которой те могут нуж-

* Было бы ошибочно смешивать упорядоченное распределение жилищ и одежды с грабежом, несовместимым с каким бы то ни было улучшением, вследствие непоправимых потерь, причиняемых им обществу, вызываемых им новых форм неравенства, сохраняемой и увеличиваемой им развращенностью нравов, как и вследствие затруднений, чинимых им принятию хороших законов. Равенство должно быть восстановлено исключительно законодательным путем.

даться, предварительно захватив съестные припасы, хранящиеся во всех общественных и частных магазинах, а также немедленное оказание первой помощи, обещанной неимущим.

Обеспечение неимущих жилищем и одеждой

Чтобы дать народу осязательное представление о новой революции и укрепить в нем рвение, Повстанческий комитет намеревался обнародовать во время восстания два постановления, в силу которых бедняки безотлагательно получали одежду за счет республики и в тот же день вселялись в дома богачей; последним были бы оставлены только самые необходимые им жилые помещения *.

Наказание изменников

Следует сообщить, как представлял себе Повстанческий комитет суд народа, которому он хотел предать главных преступников, а именно членов обоих Советов, как и членов Исполнительной директории. Преступление было налицо, карой должна была быть смертная казнь — необходим был великий пример.

Было, однако, желательно, чтобы этот пример носил печать строгого правосудия и глубокого сознания общественного блага. Решено было, что восставший народ заслушает по-

* См. Документы, № 23.

дробное сообщение о преступлениях каждого из обвиняемых, жертвой которых он явился, и что он будет призван не подвергать преследованию тех из обвиняемых, которым можно будет простить их политические ошибки вследствие извинительности заблуждения, простоты и демократичности их образа жизни, либо вследствие выдающейся услуги, оказанной ими во время восстания делу равенства *. В Повстанческом комитете существовали и такие взгляды, согласно которым осужденные должны были быть погребены под развалинами своих дворцов, обломки которых напоминали бы самым отдаленным поколениям о справедливой каре, понесенной врагами равенства.

Обо всех наступательных и оборонительных мероприятиях должны были быть даны указания окружным агентам и генералам, которых комитет собирался назначить **.

Удачно завершенное восстание с необходимостью должно было привести к новому порядку вещей; благоразумие требовало, чтобы были заранее установлены некоторые его основы с целью подготовки наиболее необходимых мероприятий. Повстанческий комитет сделал это предметом своих размышлений.

Мы видели, каким образом Повстанческий комитет до своего объединения с монтаньярами рассчитывал установить при помощи вос-

* См. Документы, № 24.

** Там же, № 25.

ставшего народа новую власть и правила ее поведения; к переменам, ставшим необходимыми в силу этого объединения, присоединились еще и другие, вызванные недоверием, порожденным двусмысленными действиями монтаньяров.

Восторжествовать над тиранией было бы нетрудно, если бы существовала уверенность в том, что она будет заменена руководителями, воодушевленными самой чистой любовью к равенству. Нужны были люди, чьи доктрины, склонности и весь образ жизни находились бы в полной гармонии с духом учреждений, которые они были призваны создать.

В этом случае Повстанческий комитет был уверен, что воодушевлявший его дух будет полностью воспринят новым Национальным собранием, и именно в этом заключалась величайшая гарантия ближайшего установления равенства и народной конституции, которую он мог дать народу.

*Двусмысленное поведение монтаньяров
вынуждает к новым мерам
предосторожности*

Но как только было решено вновь призвать часть Конвента, Повстанческий комитет считал своим долгом оградить народ от промахов новой власти. Его упреки по адресу монтаньяров в достаточной мере свидетельствуют, что он был далек от того, чтобы питать к ним полное доверие.

Недавнее поведение этих членов Конвента прибавило к прежним мотивам недоверия новые. Комитет был поражен ухищрениями, с помощью которых они старались отдалить предложенное пополнение, высокомерием, которое они вносили в обсуждения, и аристократической надменностью, с какой они называли восстановление народа в его правах безосновательной уступкой.

Комитет был к тому же осведомлен, что они втайне прибегали к маневрам, чтобы обойти условия, относительно которых договорились, и обеспечить сосредоточение верховной власти в республике исключительно в руках монтаньяров. Комитет же был до такой степени убежден, что они не могут творить добро, что считал непростительным преступлением малейшее движение, которое передаст в их руки власть и приведет лишь к замене одного вида тирании другим.

Комитет, стало быть, думал о том, какими способами заставить вновь призванных членов Конвента сдержать свои обещания и не чинить препятствий установлению действенного и прочного равенства. Именно при помощи народа участники заговора надеялись сокрушить тиранию; благодаря воздействию истины они получили поддержку народа; с помощью истины, как и при помощи народа, они и решили расстроить новые козни.

*Распоряжения, касавшиеся восстания,
должны были получить санкцию народа*

Невзирая на предписания Акта о восстании, в силу которых часть членов Национального конвента вновь призывалась к несению власти, Комитет хотел, чтобы эта часть Конвента была восстановлена ясно выраженной волей восставшего народа, чтобы обусловленное пополнение было им торжественно декретировано и чтобы народ сам назвал депутатов, которых следует ввести дополнительно. Комитет, кроме того, хотел, чтобы тот же народ предписал должностным лицам, находившимся 9 термидора на службе, немедленно вновь занять свои должности; чтобы он утвердил все распоряжения о восстании, предписал быстрое исполнение постановлений Комитета, касающихся обеспечения неимущих жилищем и одеждой, и сам установил новый Конвент вслед за провозглашением великого декрета, о котором мы говорили выше *.

С этой целью Повстанческий комитет поручил своим агентам приложить все старания к тому, чтобы тотчас после сокрушения тирании собрать всю массу граждан у того места, где будут происходить его заседания. Здесь Комитет должен был отчитаться перед народом во всем, что им сделано, чтобы сломить новое иго, навязанное нации, и испросить у него декреты, которые он считает необходимыми для блага республики. Была

* См. стр. 242—243.

составлена речь, которую должен был произнести по этому выдающемуся случаю один из членов Комитета; она должна была быть скоро представлена на обсуждение *.

*Дискуссия относительно участия
Повстанческого комитета
в новой власти*

Один весьма щекотливый вопрос подвергся обстоятельному обсуждению в Повстанческом комитете. Речь шла о том, чтобы определить, какое участие должны будут принять его члены в отправлении новой власти. Комитет намеревался говорить с народом без недомолвок и уверток и воздать его суверенитету дань величайшего уважения. Если бы Комитет нашел необходимым для полного успеха восстания временно принять на себя всю полноту национальной власти, он, не колеблясь, испросил бы ее. Но так как всякое подобие такого установления было заранее отвергнуто, то оставалось лишь рассмотреть, подобало ли склонять восставший народ к тому, чтобы учредить немногочисленный орган, который подсказывал бы законодательные мероприятия новому Конвенту, декреты которого народ будет приводить в исполнение, или, если это было более полезно, предоставить эту важную заботу Конвенту.

Каково бы ни было решение Повстанческого комитета, необходимо было еще ответить

* См. Документы, № 26.

на вопрос, не требуется ли для успеха новой революции, чтобы одни лишь его члены вошли в состав органа, о котором идет речь. На этот счет ничего не было постановлено, и я могу лишь сообщить о рассуждениях, в которых Комитет сопоставлял преимущества и неудобства различных проектов, которые могли быть им приняты.

Прежде всего было учтено, что превращение инициативного Повстанческого комитета в постоянно действующую в силу необходимости власть, наделенную широкими полномочиями, навлекло бы на членов Повстанческого комитета подозрения в честолюбии и своекорыстии. Опасались, как бы подобные обвинения вследствие легкости, с какой они приобретают доверие и распространение, не послужили препятствием для деятельности членов Повстанческого комитета и не помешали им осуществить то благо, которое они поставили себе целью; ставился и вопрос о том, не достаточно ли наличия в новом Конвенте участников заговора, их тесного единения и доверия, которым они будут облечены, чтобы сообщить законам дух всего начинания и возвести на высшие должности граждан, достойных нести власть.

С другой стороны, Повстанческий комитет видел мало людей, в которых чистота принципов соединялась бы с мужеством, твердостью и умом, необходимыми для осуществления этих принципов. Он понимал, до какой степени опасно было отнять заботу о завершении дела у тех, кто имел смелость его на-

чать, и опасался двуличия некоторых лиц, с которыми ему предстояло вступить в соперничество. После долгих колебаний наши заговорщики почти решились испросить у народа декрет, который вверял бы законодательную инициативу и исполнение законов исключительно им одним.

Немало проектов осталось незавершенными, немало работ было прервано изменой, предавшей мести аристократов тех, кто в силу обстоятельств был поставлен во главе демократической партии. Рассказ об их заговоре мог бы здесь и окончиться, если бы не было необходимости для ознакомления со всеми их намерениями пролить некоторый свет на их представление о том, в каком положении оказалась бы нация непосредственно после восстания, на конечную цель, которой они добивались, и на средства, которые они рассчитывали применить для ее достижения.

Обзор положения Парижа после восстания

Среди ужаса, который столь радикальная революция должна была внушить аристократам всех оттенков, и радости, которую столь популярные в народе перемены возбудили бы в многочисленном классе трудящихся и неимущих, возник бы новый Конвент *, намерением

* В состав которого должно было войти около 170 депутатов.

которого было бы прочно утвердить равенство в соответствии с принципами почти всех его членов, как и пожеланиями сплотившегося вокруг него народа.

Наряду с Конвентом Повстанческий комитет, поддерживаемый должностными лицами, назначенными в результате восстания, ведал бы, по крайней мере временно, выполнением предписаний Акта, который должен был привести народ в движение. По его слову огромная масса бедняков Парижа была бы сразу извлечена из своих лачуг и переселена в здоровые и удобные жилища; беднякам была бы роздана одежда и безвозмездно возвращены вещи, заложенные ими в ломбарде.

В то же время был бы установлен тщательный надзор за обеспечением народа продовольствием; на возобновленных собраниях гражданам разъяснялись бы принципы новой революции; многочисленная народная гвардия сдерживала бы злоумышленников и облегчала бы осуществление всех действий, которые были бы признаны необходимыми для упрочнения новой системы.

Невозможно с точностью определить, какие силы необходимо было бы развернуть; участники заговора были намерены любой ценой одержать верх и твердо решили победить или похоронить себя под развалинами отечества. За исключением случаев, когда было бы оказано сопротивление, суровость, которую пришлось бы применить, не шла бы далее наказания главных узурпаторов и ареста опас-

ных людей, список которых был заранее составлен по предписанию Повстанческого комитета.

К подготовительным мероприятиям, признанным необходимыми для сокрушения здания, сооруженного новой аристократией, следовало присовокупить мероприятия, которые казались наиболее пригодными для распространения парижской революции на всю республику и для установления в ней учреждений равенства и народного суверенитета.

Провинция

Повстанческий комитет с самого начала своего существования занимался провинцией и армией. Он повсюду распространял все написанное им; повсюду демократам были известны его планы, и они готовы были им действовать. У одного из членов Комитета была обширная переписка, в которой указывались местности, где демократы были сильны, а также люди, внушавшие наибольшее доверие. Со всех сторон поступали сведения о том, что революционеры отказываются от разделявших их оттенков во взглядах и единодушно присоединяются к партии подлинного равенства.

Что касается армии, то Комитету было известно, насколько трудно было комиссарам Конвента подавить в ней после 9 термидора

то, что они называли *духом анархии и неповиновения*; ему было также неизвестно, что Конституция III года вызвала ропот в целых армиях; он был осведомлен и о том, что солдаты с трудом переносят командование офицеров, восстановленных в должности после 9 термидора, и что среди начальствующего состава армии, часть которого находилась в сношениях с ним, был ряд лиц, все еще сильно привязанных к принципам демократии*; кроме того, он имел основание рассчитывать на содействие некоторых членов Конвента, направленных Исполнительной директорией в армию республики⁹⁴.

К тому же было вполне вероятно, что пример Парижа даст народу всей Франции импульс, который знание истины сделало бы непреодолимым. С целью распространения среди солдат этого знания, на котором Повстанческий комитет и основывал главным образом свои надежды, к ним должны были направить комиссаров и обратиться к ним с прокламациями**, сходными с теми, при посредстве которых готовились сообщить французскому народу весть о его искуплении.

* Они не были еще запятнаны добычей, захваченной в Италии, Швейцарии, Египте, Германии и Испании.

** С духом этих прокламаций можно ознакомиться по прокламации, напечатанной в разделе «Документы» за № 27.

*Законодательство равенства
и законы переходного характера*

Размышляя над способами сокрушения тирании, Комитет непрестанно занимался также окончательным законодательством равенства, как и законодательством, при посредстве которого рассчитывали постепенно достигнуть этого равенства. К этой важной отрасли его работ относились докладные записки и проекты, которые в момент, когда была захвачена часть документов заговора, находились у одного из членов Комитета, в таком месте, которое полиция не сумела обнаружить. К несчастью, почти все эти документы были уничтожены вследствие смертельного страха, охватившего умы, и я могу воспользоваться лишь несколькими фрагментами, сданными на хранение в другое место. При помощи этих обрывков, а также воспоминаний, сохранившихся у ряда лиц о событиях и дискуссиях, свидетелями которых они являлись, я попытаюсь дать приблизительное, но вместе с тем, насколько это для меня посильно, верное представление о цели и намерениях участников заговора. Прежде всего я изложу сущность гражданского и политического строя, к которому они хотели привести постепенно французов; далее я сообщу о некоторых учреждениях переходного характера, при посредстве которых они рассчитывали подготовить к этому строю французов и привести их к нему.

*Вся собственность
имеет одного владельца:
она принадлежит народу*

Из декрета, который Повстанческий комитет хотел испросить у парижского народа, должен был проистечь новый общественный строй *. Судя по его смыслу, в нем прежде всего признавалось, что частная собственность отнюдь не имеет своим происхождением естественный закон, а изобретена гражданским законом и так же, как и гражданский закон, может быть видоизменена либо отменена. Далее в нем выставлялось в качестве принципа положение о том, что вся собственность, сосредоточенная на национальной территории, едина; она неизменно принадлежит народу, который один только вправе распределять пользование ею и ее плодами.

Провозглашение этих истин было бы, конечно, весьма приятно народной массе, страдания и порабощение которой издавна являются неизбежным следствием противоположной системы. Но оно явилось бы лишь жестокой насмешкой, если бы не были приложены упорные усилия к тому, чтобы оно имело полезные для человечества практические результаты.

Из признания того, что право регулировать в общих интересах распределение собственности и создающий ее труд принадлежит обществу и что из неравномерности этого распре-

* См. выше, стр. 242—243.

деления, словно из неиссякаемого источника, истекают все бедствия, тяготеющие над нациями, следует, что общество должно принять меры к безвозвратному уничтожению этого неравенства.

Остается решить вопрос, следует ли искать исцеления от этих бедствий в видоизменениях права собственности или в его полном упразднении.

Мы видели в ходе данной работы, по каким мотивам участники заговора решились принять в качестве конечной цели их начинания упразднение частной собственности и каким образом они рассчитывали достигнуть этого установлением общности имущества и труда, являющейся единственным средством навсегда устранить причину всякого неравенства и искоренить все истекающие из него предубеждения и бедствия. Наученные уроками и примерами великих людей древности, как и периода революции, и поощряемые настроениями, еще недавно проявившимися во Франции, они возымели намерение дать французам иные нравы и превратить их в народ, страстно любящий свое отечество и его законы, счастливый у себя в стране, пользующийся любовью, уважением и вызывающий подражание за ее пределами.

*Право каждого человека
на счастливое существование;
одинаковая для всех обязанность
трудиться*

В условиях этого социального строя исчезнут частные богатства, и право собственности будет заменено правом каждого индивида на такое же счастливое существование, каким пользуются все другие члены общественного организма. Гарантией этого священного права, которое стало бы принципом для всех учреждений, явилась бы вменяемая каждому члену общества обязанность взять на себя часть труда, необходимого для того, чтобы обеспечить содержание, процветание и сохранение общества — обязанность, которая в силу естественного закона, давшего всем одинаковое право на счастье, является одинаковой для всех.

*Сельское хозяйство и ремесла первой
необходимости*

Основными и важнейшими занятиями граждан должны быть те, которые обеспечивают им пропитание, одежду, жилище и предметом которых являются сельское хозяйство и ремесла, служащие для обработки земли, постройки зданий, производства мебели и отделки тканей. И так как не все земли в равной мере пригодны для выращивания одних и тех же сельскохозяйственных культур, то одна из главных забот общественной администра-

ции должна состоять в том, чтобы установить для каждого кантона те виды производства, которые наиболее соответствуют характеру почвы и климата и наиболее благоприятствуют достижению изобилия и равенства.

Распределение граждан

Подобно тому, как не все земли способны с одинаковым плодородием производить все виды пропитания, так и люди неспособны с пользой заниматься несколькими видами труда. Для того чтобы общество извлекало из равного и умеренного труда каждого из его членов всю пользу, которую оно должно ждать от него, и чтобы привычка к труду уменьшала его тяжесть, необходимо, чтобы занятия были различны, чтобы у каждого была своя профессия и чтобы, например, люди, плавящие металл, не были обязаны обрабатывать дерево, ткать материю и т. д. Отсюда при системе общности имущества и труда рождается необходимость разбить граждан на несколько разрядов, каждому из которых закон предназначает особый вид труда в соответствии с потребностями нации и согласно высшему принципу равенства.

Оно начинается с общего воспитания

Это распределение начинается в общественных воспитательных домах, речь о которых будет ниже. В этих домах по распоряжению

должностных лиц, на которых возложено руководство ими, выполняются все виды работ, предписываемые законом. К каждому из них прикрепляется пропорциональное потребностям количество учеников, сообразно с их силами и склонностями.

Изобилие — цель всеобщего труда

Великая цель этой всеобщей деятельности, уклониться от которой не вправе никто, кроме тех, кто вследствие старости или недуга нетрудоспособен, состоит в том, чтобы в изобилии снабдить всех всем необходимым и доставить им развлечения, не осужденные общественными нравами. Развлечения, не распространяемые на всех, должны быть строжайшим образом запрещены.

Труд — функция, регулируемая законом

В условиях строя, о котором идет речь, работы, необходимые для существования народа и для его развлечения, представляют собой функцию, распорядок которой предписывается законом с тем, чтобы они никогда не вырождались в утомительный труд, не причиняли ни малейшего страдания, никогда не загружали одного гражданина больше, чем другого, и чтобы всех призывали и побуждали к труду привычка, любовь к отечеству, привлекательность удовольствия и одобрение со стороны общественного мнения.

Таким образом, в то время как большинство занималось бы вспашкой, севом, жатвой, засыпкой в амбары, одни строили бы и чинили жилые дома, общественные здания, дороги, порты, каналы; другие занимались бы разведением и содержанием скота, иные производили бы пряжу, шерсть, кожу, изготавливали мебель, кареты, суда, либо занимались бы обработкой металлов и т. д.

Длительность обязательных работ устанавливалась бы законом. Щадя слабых, он путем поощрения со стороны общественного мнения и похвалы должностных лиц, побуждал бы к большей активности наиболее крепких. Таким образом, все в равной мере обязаны были бы трудиться сообразно своим силам и тяжести возложенного на них труда.

Облегчение тяжелых работ

Опасаясь, как бы разнообразие работ не создало для некоторых групп чрезмерный труд, считали: 1) что следовало бы призвать науки к облегчению человеческого труда путем изобретения новых машин и усовершенствования старых *; 2) что хорошо было бы нагружать всех трудоспособных граждан пооче-

* Только при системе общности применение машин явится подлинным благом для человечества, тяготы которого эти машины сократят, увеличивая при этом изобилие необходимых и приятных предметов. В настоящее же время машины, вытесняя большую массу ручного труда, лишают хлеба множество людей и служат интересам немногих алчных спекулянтов, прибыль которых они увеличивают.

редно наиболее обременительными занятиями, которые, как надеялись, будут постепенно терять свой неприятный характер, благодаря здоровому воспитанию и при помощи механизации и химии.

Быть может, следовало бы разделять работы первой необходимости на легкие и тяжелые и обязать каждого гражданина выполнять одну работу одного порядка и одну другого. Быть может, было бы также правильно установить другое деление граждан,— по возрасту, для того чтобы соразмерить тяжесть труда с ростом и убыванием физических сил: ибо в этом отношении равенство должно соизмеряться не столько с интенсивностью труда, сколько с трудоспособностью работающего.

Беспристрастное распределение труда между всеми, сведение занятий лишь к таким, которые необходимы для всеобщего благосостояния, более правильное применение животных и усовершенствование орудий и машин привели бы к двоякого рода последствиям, весьма благоприятным для счастья человечества: 1) к применению с пользой всех земель и к увеличению числа подлинно необходимых предметов; 2) к уничтожению праздности и тем самым к значительному облегчению труда каждого человека в отдельности.

Равенство в пользовании благами

Поскольку все будут в равной мере способствовать обработке земли и ее оплодотворению, то, безусловно, справедливо, чтобы все в

равной мере пользовались ее благами, с которыми природа связывает сохранение и благополучие человеческого рода.

Для того чтобы ничье пристрастие не нарушало общественного спокойствия, необходимо, чтобы все произведения земли и промышленности хранились в общественных складах, откуда они будут отпускаться для равного их распределения между гражданами под надзором ответственных за это должностных лиц.

Если бы устроенное таким образом общество было ограничено небольшой территорией коммуны или округа, то его управление отличалось бы крайней простотой*, ибо население данной территории имело бы право лишь на предметы, которые производились бы на ней. Но в обширной республике из нескольких миллионов человек, обеспечивающих ее силу и долговременное существование, право собственности на богатства каждой из

* При наличии раздела общенациональной земельной собственности на столько частичных владений, сколько на ней имеется населения, каждое из них могло бы себя обеспечить только путем обмена своих излишков на предметы, в которых оно нуждается; те же, которые по причине бесплодия почвы либо непогоды, оказались бы без излишков, испытывали бы невзгоды голода. Таким путем исчезли бы всеобщее братство и широкая взаимопомощь, которую хотели установить, и эгоистический суетный дух торгашества, который вскоре получил бы преобладание в отношениях всех этих сообществ (*communautés*), не замедлил бы пробудить в сердцах граждан былую алчность.

ее частей принадлежит всему народу, и население каждой отдельной части имеет одинаковое право на потребление предметов продовольствия и пользование прочей продукцией всех других частей республики; местности, располагающие излишками, обязаны снабжать те, которые нуждаются в необходимом. Отсюда при управлении обществом, населяющим обширное пространство, возникает известная сложность, приводящая в крайнее затруднение тех, кто относится к этому поверхностно. По существу же все это лишь дело простого вычисления, поддающееся самому точному упорядочению и самому правильному регулированию, при котором благодаря созданию названных учреждений продовольствие перестало бы быть предметом алчности и не приходилось бы больше опасаться потерь, неизменно причиняемых при современном строе взяточничеством начальников и хищениями подчиненных.

*Преимущества строя общности
в применении к стране,
занимающей обширное пространство*

Впрочем, чем бóльшая территория охвачена строем общности, тем бóльшая гарантия существует для каждой из ее частей от всякого рода нехваток. С другой стороны, из этого широкого и частого общения людей и связи вещей необходимо должно возникнуть ощущение счастья, братства и преданности, столь

общее и сильное, что никакая человеческая сила — надо полагать — не сможет вторгнуться в страну, уничтожить в ней учреждения равенства, как только они будут прочно установлены.

Равное распределение богатств

Такая многочисленная ассоциация людей, рассеянных по столь обширной территории, требует иного рода функций, без которых братский союз, крепко спланивающий все части республики, был бы нарушен, и излишек одного округа оказался бы бесполезным для него и не приносил бы пользы другим. Эти функции состоят в перевозке произведений земли и промышленности из мест, где они превышают потребности, в места, где в них ощущается недостаток. Функции эти двоякие: 1) верховное управление соразмеряет все, чем располагает страна, с потребностями каждой из ее частей и указывает предметы, подлежащие перевозке, места, откуда их следует взять, как и места, откуда их надо перевезти; 2) подчиненные агенты следят за перевозкой и осуществляют ее.

Мы скоро увидим, какими средствами верховная администрация нашей республики могла бы легко способствовать непрерывному общению между всеми частями; здесь мы ограничимся замечанием о том, что при таком порядке вещей население неплодородных районов, крайне тяжелый труд которого всегда приносит ему лишь крайнюю нищету, нашло

бы частичное облегчение от своих невзгод и смогло бы воспользоваться частью богатств более плодородных земель.

Что касается перевозки, то Повстанческий комитет полагал, что общество должно рассматривать ее не только как необходимый способ снабжения продовольствием, но и как благоприятный случай для каждого отдельного человека подтвердить свою любовь к отечеству путем ознакомления с его красотами, учреждениями и благами равенства, которое должны установить в нем законы. Вследствие этого члены Повстанческого комитета хотели, чтобы все трудоспособные граждане попеременно призывались заняться этим делом, как и к выполнению обязанностей курьера, разносчика приказов и т. д.

Пусть те, кто будет читать эти страницы, помнят о том, что у меня нет перед собой всех документов, в которых участники заговора изложили свои сокровеннейшие мысли. Следовательно, я не смогу описать в деталях все части здания, которое они намеревались построить, и вынужден ограничиться изложением их основных идей и их главных проектов в той мере, в какой я в состоянии это сделать по памяти и с помощью некоторых фрагментов, которые мне удалось получить.

Внешняя торговля

Мы приобрели столь порочные привычки и опрометчиво создали себе столь разнообразные потребности, что придется также — надо

полагать — вывозить из других стран некоторые виды сырья, которые во Франции не производятся; по крайней мере придется прибегнуть к этому в отношении тех видов сырья, которые все климаты доставляют искусству врачевания.

Поскольку народ является единственным владельцем всех богатств, ему одному и надлежит вступать в переговоры с иностранцами относительно обмена своего излишка на их излишек. Впрочем, такого рода переговоры должны быть доверены лишь ответственным должностным лицам, дабы не подвергнуться снова бедствиям, которые влечет за собой частная собственность, и не подвергнуть государство новой коррупции. Отсюда следует, что торговыми сношениями с иностранцами должно руководить верховное управление республики *.

Право пользования

Из этих разъяснений следует также, что там, где будет установлен строй общности, ни один гражданин никогда не приобретет так называемого права собственности на что бы то ни было; он будет иметь лишь право пользования вещами на основе передачи их ему дол-

* Общество подвержено коррупции, когда составляющие его элементы разобщены различием и противоположностью интересов. Следовательно, нация развращена, когда в ней существуют люди, притязания которых непримиримы со всеобщим благосостоянием.

жностным лицом. При таком экономическом строе собственность* неизменно остается за республикой, которая может в любое время располагать вещами, не разрушающимися от пользования ими. Установление такого режима максимально обеспечит удовлетворение потребностей благодаря всеобщему труду, как и благодаря весьма ощутительной заинтересованности каждого. Исчезнут основания для алчного стремления к собственности, исчезнет всякий мотив к беспокойству за будущее. будет устранена причина наибольшей части забот и печалей, терзающих сердце цивилизованного человека. Два чувства волнуют людей, живущих своим трудом, либо располагающих незначительным состоянием: боязнь нищеты, следствия старческих недугов, и опасение за участь своих детей. В условиях строя общности эти прискорбные чувства будут незнакомы людям.

Старики и немощные

Обязанность трудиться, вменяемая трудоспособным, связана с правом на счастливое существование, как и с правом на освобождение от труда и на более заботливое отношение к себе, когда немощи или ослабление организма делают труд тягостным либо невозможным; поэтому при строе общности отдых стариков

* Иными словами, абсолютная власть или право располагать по своему усмотрению, *jus utendi atque abutendi* (право пользования и владения.— *Ред.*).

и немощных и облегчение их жизни ставятся в число основных обязанностей общества. Зато республика получала бы от стариков уроки опыта и сделала бы их предметом подражания для молодежи; они предназначались бы стать блюстителями морали и законов, судьями нравов и хранителями добродетели.

Эти установления, надо полагать, вызвали бы к себе столь сильную привязанность граждан, что любовь к отечеству стала бы их преобладающей страстью. При помощи воспитательных мер законодатель мог бы подчинить этому чувству все семейные и родственные привязанности; он мог бы сделать его столь сильным, что поистине братское единение всех французов было бы, вероятно, его счастливым и разительным следствием. Эта мысль была отрадна для наших заговорщиков и составляла существо всех их планов. Мне вспоминается, что во время одной из дискуссий о преимуществах и неудобствах семейных уз было внесено категорическое предложение запретить детям носить имя отца, который не будет отличаться большими добродетелями.

То, что должно было украсить последние дни стариков, укрепляло бы доблесть молодежи, и от этого взаимного блага в соединении со счастливыми результатами общественного воспитания, осуществляемого всецело на средства общества, возросло бы могущество отечества благодаря росту народонаселения, которому не препятствовала бы ни одна моральная причина.

*Благоприятные условия
для размножения человеческого рода*

Все в этом общественном строе благоприятствует размножению человеческого рода. Строй общности устраняет причины, препятствующие более частому сближению полов; он дает неведомый нам душевный покой, укрепляет тело приятной и разнообразной деятельностью, увеличивает общепользную продукцию путем устранения роскоши и праздности.

*Превосходство этого установления
над установлениями древности*

Подобными путями наиболее знаменитые законодатели древности давали своим согражданам возможность вкусить в различной степени свободу и счастье. В особенности Ликург почти достиг конечной цели общества, намеченной природой. Однако применявшееся в древности международное право и, возможно, также несправедливый эгоизм привнесли во все их учреждения бесчеловечный обычай, которым наши заговорщики никогда себя не запятнали бы. Замечательное отличие состояло бы в том, что свобода одних не повлекла бы за собой, как это было в Греции и Риме, рабства других.

Новое распределение населения

С тех пор как неравенство состояний обрекло одних на тяжкий труд, а других на развращающее бездействие, в сельских местностях сохранилось мало населения, и оно часто не удовлетворяет потребностей сельского хозяйства, зато постоянно обременено изнурительным трудом. Избыток населения скопляется в городах, чтобы в изнеженности промотать в них произведенные сельскими жителями богатства либо для того, чтобы обеспечить себе легкое существование благодаря наслаждениям, которыми пользуются богачи, как и благодаря усложнению общественного управления.

По мере приближения к равенству в обществе непременно исчезнут эти значительные скопления населения, оказывающие разрушительное действие на нравы и на население. Люди, которых по справедливости следует вернуть к труду, возвратятся туда, где люди им перегружены, чтобы помочь им; люди искусные украсят жизнь тех, кто их кормит; вследствие несложности управления из него будет удалено множество чиновников, отнятых у сельского хозяйства и у полезных ремесл. Сохранение порядка, который будет зависеть от точного исполнения каждым его подлинных обязанностей, станет тогда несовместимо с сутолокой, при которой так легко скрывать свои действия от общественного порицания.

Уменьшение значения больших городов

Не будет больше столицы, как и больших городов *; страна постепенно покрывается сель-

* Существование больших городов — если не ошибаюсь — есть симптом общественного недуга и непреложный предвестник гражданских потрясений. Крупные землевладельцы, крупные капиталисты и богатые негодьяны составляют их ядро, вокруг которого начинает группироваться множество живущих на их счет людей, заботящихся об их потребностях, потворствующих их вкусам, подчиняющихся их капризам и поощряющих их пороки.

Чем населеннее город, тем более в нем слуг, выбитых из колеи женщин, изголодавшихся писателей, поэтов, музыкантов, художников, людей острого ума, актеров, танцоров, священников, сводников, воров и разного рода скоморохов.

Постоянный обмен услугами и вознаграждениями за них рождает у одних привычку к власти и командованию, у других — к подчинению и прислужничеству. Пресмыкаясь, последние приобретают нравы, важный вид, спесь и манеры первых и приучаются также выказывать превосходство над теми, кому судьба менее благоприятствует. Те и другие, пренебрегая настоящим счастьем, хотят быть, и в особенности казаться, богатыми, могущественными и пользоваться предпочтением перед другими.

Эти роскошные дворцы, обширные парки, богатая меблировка, блестящие экипажи, многочисленные лакеи и шумные салоны, являющиеся, как говорят, украшением больших городов, оказывают пагубное воздействие на душу людей, чьи взоры они привлекают. С одной стороны, они раздувают надменность у тех, кто ими обладает, и располагают их видеть в людях, лишенных всего этого, врагов, которых зависть и нищета беспрестанно толкают на то, чтобы лишить всего этого их обладателей и отомстить им за унижение и нужду, до которых они доведены. С другой стороны, те, которые всего этого лишены, либо раз-

скими поселениями, построенными в наиболее здоровых и удобных местностях, располо-

вращаются алчным желанием и ненавистью, либо, став гнусными и низкими, становятся опорой честолюбия и тирании. Все это составляет подлинное несчастье как для тех, кто этим пользуется, так и для тех, кто этого жаждет, ибо в то время как одних томят скука и подозрения, других снедает завистливое желание воображаемых благ, которыми обладают более счастливые — как им кажется — смертные.

Люди, которые в больших городах ищут развлечений, роскоши и почестей, могут обходиться без работы и уже взвалили на других часть труда, которую природа возлагает на каждого человека. В таком случае обязанности тех, кто остается на полях, переходят естественные границы, и сельскохозяйственные работы, как и необходимые ремесла, становятся для них более тягостными и мучительными. Зло, все возраста, доходит до того, что положение земледельца и рабочего мало чем отличается от положения каторжника, становится в конце концов позором, и от него отказываются. Любой крестьянин обращает тогда свои взоры к большому городу и, если только может, мчится туда в поисках богатства, привлекательность которого преувеличивается его воображением. Раз уже совершенно безумие и он отправился туда, надо там существовать. Примеры соблазнительны; сутолока укрывает порок от критики; чувства воспаляются; то, что казалось отвратительным, мало-помалу превращается в признак хорошего тона и умелости; деньгам и рукоплесканиям скоро отдается предпочтение перед долгом и добродетелью; посредством изворотливости и лощености становятся лицемерными, лживыми и плутоватыми и, если судьба улыбнется, достигают той высоты, когда кажутся счастливыми, не будучи на деле таковыми, когда становятся объектом стремления для множества неблагоприятных людей, устремляющихся навстречу несчастью, по пути просчетов и иллюзий. Между тем число конкурентов, скопившихся в больших городах в силу привлекательности бо-

женных таким образом, чтобы легко сообщаться между собой при помощи дорог и много-

гатства, наслаждений и легкомысленного образа жизни, до такой степени возрастает, что большинство из них, получающее незначительное жалованье, истощенное излишествами и обремененное детьми, вливается в толпу неимущих, оскорбляющих зрение и удручающих сердце повсюду, где существуют большие города.

Поскольку сельское хозяйство и ремесла первой необходимости являются подлинными кормильцами общества, то люди, естественно, и призваны жить именно там, где ими занимаются, обрабатывать землю или доставлять удобства и отдохновение земледельцам.

Огромные размеры государств, централизация управления, чрезмерные налоги, государственные долги, роскошь обихода и обманчивый блеск дворцов прибавляют к бедствиям, являющимся непосредственными следствиями неравенства, множество других бедствий, неотделимых от этих крупных столиц, в которых женщины, по выражению Жан-Жака, не верят более в честь, а мужчины — в доблесть.

Чем значительнее эти скопления населения, тем большее неравенство состояний и условий существования они предполагают, и так как вместе с неравенством возрастает общественное неблагополучие и недовольство, то там, где имеют место эти скопления, существует больше причин для раздора и потрясений: именно там приходится преодолевать больше препятствий при установлении подлинной свободы.

Обычно жалуются на надувательство священников, на необузданность военщины, двуличие придворных, вероломство шпионов. Выразим гораздо большее недовольство по поводу чудовищного неравенства, делающего все это необходимым. Как можно обольщать себя надеждой на сохранение без обмана и запугивания видимости мира среди этого множества людей, которых обычаи, учреждения и законы вынуждают завидовать друг другу, ненавидеть и вести борьбу друг с другом?

численных каналов, открытие которых во всех направлениях будет в общих интересах.

Простота жилищ

Надо полагать, что под властью высшего закона равенства пышные дворцы уступят место благоприятным для здоровья, удобным и чистым жилищам, расположенным в изящной симметрии, радующим глаз и поддерживающим общественный порядок.

Великолепие общественных зданий

С исчезновением дворцов, исчезнут и хижины; дома будут отличаться простотой, и великолепие архитектуры и искусств, придающих им еще больше блеска, будет сохранено для общественных магазинов, амфитеатров, цирков, водохранилищ, мостов, каналов, площадей, архивов, библиотек и в особенности для мест, отведенных для совещаний должностных лиц и для осуществления народного суверенитета.

Эти столицы, порождаемые неравенством, где куются элементы революций, эти столицы, так много раз служившие орудием тирании, были иной раз также очагами свободы; они могли бы оказать существенную помощь в деле установления подлинного порядка, если бы разумным людям удалось взять в них движение в свои руки, и если бы эти люди сумели затем избавить их от переполнения и пустого тщеславия.

В хорошо устроенном обществе ничто не должно ускользать от пронизательного взора законодателя; в подлинной республике ничто не должно противоречить принципу равенства, составляющему ее цель, связующее начало и силу. Стоит только гражданам вкусить прелести равенства, и все стороны гражданской жизни будут им скоро охвачены.

Мебель и одежда

Те же правила применимы к одежде и мебели. Для блага людей и для поддержания общественного порядка важно, чтобы каждый гражданин встречал обычно в своих соотечественниках равных ему людей, братьев и чтобы он ни с чьей стороны не встречал ни малейшего признака хотя бы видимого превосходства, предшественника господства и рабского подчинения. Равенство и простота не исключают изящества и опрятности; разнообразные цвета и формы могли бы служить отличием для возрастов и занятий, и ничто не помешало бы тому, чтобы гражданин не носил в мастерской тот же костюм, что на собраниях и празднествах, чтобы девушки были одеты не так, как женщины, и чтобы у молодого человека, подростка, старика, должностного лица и воина был у каждого свой особый костюм.

В этом отношении Повстанческий комитет придерживался мнения, что необходимо во

всем сообразоваться с тем, что полезно для здоровья и что развивает тело, и ни в чем не сообразоваться с модой и легкомыслием; он хотел также, чтобы французский народ избрал костюм, который отличал бы его от всех других народов.

Благие последствия преобразования

Чтобы должным образом почувствовать полезность такой большой перемены, те, которые будут читать это произведение, должны время от времени вновь обращаться к рассуждению, при помощи которого Комитет доказывал себе справедливость своего предприятия и побуждал себя настаивать на нем. Остановливая взор — заявлял он — лишь на том классе людей, который привлекает внимание публики своим богатством, пустословием, зубоскальством, безделием и заносчивостью и выдает себя за самую здоровую и заслуживающую интереса часть нации, надо признать, что этому классу людей придется испытать немало лишений при переходе к новой жизни социального организма; те из нас, которые в результате порочного воспитания усвоили пагубные привычки, будут подчас удивлены тем, какому перерождению они подвергнутся. Но если, напротив, принять во внимание усталость, нищету, страдания и порабощение, до которого доведены в наиболее значительной своей части наши сограждане, если подумать о том, что для богача не

существует ни одного наслаждения, которое не стоило бы им страданий и лишений, то легко убедиться в том, что возврат к равенству предотвращает возобновление бесконечного множества печалей и открывает обширное поле для благословений, возможно, не столь шумно выраженных, но не могущих идти ни в какое сравнение с ропотом кучки развращенных узурпаторов, которых, хотя бы они того или нет, необходимо вернуть к более разумным чувствам во имя их истинного блага и блага всех прочих людей, как и будущих поколений.

Непроизводительные занятия

Труд, необходимый для поддержания общества, равномерно распределенный между всеми работоспособными людьми, является для каждого из них обязанностью, выполнения которой требует закон. Однако в человеческой жизни остается длительный промежуток времени, в течение которого человеком может овладеть дряблость и скука, чему необходимо воспрепятствовать. От разумного и свободного использования этого времени зависит благо граждан и, следовательно, свобода, процветание и длительное существование общества. Укрепить дух, оздоравливая тело, закрыть все пути к коррупции, не прибегая к принуждению, придать привлекательность всем мгновениям жизни, возбудить энтузиазм доблести и сделать отечество единственно

приемлемым для его детей местопребыванием — таковы великие результаты, извлечению которых из занятий, свободно заполняющих этот промежуток времени, способствует подлинно народный законодатель. Напрасны попытки привить вкус к таким занятиям там, где порочные учреждения, делающие любовь к богатству главным двигателем государства, ставят способность к приобретению богатства в разряд почетных достоинств; попытка сочетать такие занятия с духом алчности и плутовства приведет к тому, что эти занятия вскоре вызовут к себе крайнее презрение, и тот, кто во имя их станет пренебрегать своими делами, прослышет глупцом и безусловно поплатится за свои добрые намерения.

Добродетельные нравы

Эти занятия, целью которых является физическое развитие, умственная культура, воспитание молодежи, всеобщее просвещение, умение обращаться с оружием, военные передвижения, почести, воздаваемые божеству, прославление великих людей, общественные игры, украшение празднеств, совершенствование полезных ремесл, изучение законов, управление и народные совещания, отличаются от других занятий тем, что они не являются ни необходимыми для существования людей, ни предписанными в значительной своей части законом. Отдаваться им сле-

дует добровольно, без принуждения. Чтобы достигнуть в этом отношении хорошего результата, искусный законодатель привлекает к этим занятиям граждан по их свободному выбору. В данном случае мастерски осуществляемая политика состоит в том, чтобы путем воспитания, примером, рассуждением, при помощи общественного мнения и привлекательностью удовольствия изменить сердце человеческое таким образом, чтобы у него никогда не могло появиться иных желаний, кроме тех, которые способствуют более свободному, счастливому и долговечному существованию общества. Нация, достигшая этой ступени, располагает добрыми нравами; в этом случае самые тяжкие обязанности выполняются с удовольствием; люди свободно подчиняются законам; границы, поставленные естественной независимости, рассматриваются как благодеяния; разумные предложения не встречают сопротивления; внутри политического организма существует единство интересов, воли и действия.

За несколько дней до насильственной ликвидации Повстанческого комитета в нем состоялось продолжительное совещание по поводу этой части новых учреждений, всех подробностей которого я, к великому сожалению, не в состоянии передать. Чтобы выполнить, насколько это от меня зависит, долг, который я на себя возложил, я расскажу обо всем том, следы чего сохранила моя память, не пытаясь заполнить пробелы из

опасения, что вместо идей Комитета изложу свои собственные.

Воспитание — источник нравов

Согласно плану участников заговора, образом нравов являлось общественное воспитание, которое они ставили под непосредственное руководство республики; впоследствии эти нравы должны были упрочиться в обществе, где молодые люди встретились бы с теми же чувствами, взглядами и привычками, которые их приучили любить в первые годы их жизни. Я еще буду говорить об этом воспитании после того, как дополню мысль о здании, вечным фундаментом которого оно должно было явиться.

Работы, не подлежащие распределению

Мы видели, что работы, необходимые для сохранения общества, должны распределяться между различными классами трудящихся. Существуют и другого рода работы, к которым также важно призвать всех граждан для поддержания свободы, — это те работы, целью которых является управление республикой и ее оборона.

Управление государством и оборона отечества — дело всех граждан

Повстанческий комитет полагал, что равенство и свобода могут существовать в обществе лишь постольку, поскольку все граж-

дане участвуют в выработке законов, поскольку на них может быть возложено управление государством и поскольку они всегда готовы носить оружие для защиты территории и закона.

*Опасность образования
специального класса людей,
сведущих в искусстве управления*

Если — говорил Комитет — в государстве создастся класс, который один только будет сведущ в принципах социального искусства, в законах и управлении, то этот класс скоро найдет в своем умственном превсходстве и особенно в неосведомленности своих соотечественников секрет того, как создать для себя отличия и привилегии. Путем преувеличения важности оказываемых им услуг ему легко удастся заставить смотреть на себя как на необходимого отечеству покровителя. Прикрывая свои дерзкие начинания предлогом общественного блага, он все еще будет твердить о свободе и равенстве своим мало проницательным согражданам, уже подверженным тем более жестокому порабощению, что оно будет казаться законным и добровольным.

*Отправление законодательной власти
доступно всем гражданам*

Для государства недостаточно иметь основные законы; эти законы не могут все предвидеть, как и не могут быть примени-

мы во все времена; для поддержания духа учреждений, как и в непредвиденных случаях, часто бывают необходимы новые законы.

К тому же совершенствование своей деятельности на опыте лежит в природе человека, и для полного осуществления конечной цели общества необходимо, чтобы законы последовательно применяли его результаты к общественному управлению.

Раз государству нужна постоянная законодательная власть, раз эта власть, как мы скоро увидим, может и должна принадлежать всему народу, то одна из важнейших обязанностей основателя республики должна, следовательно, заключаться в том, чтобы сделать всех граждан способными к ее отправлению, т. е. дать возможность народу стать действительно сувереном. Компетентные решения народа по общим вопросам не будут противоречить ни равенству, ни счастью в обществе; но эти решения могут быть таковыми лишь постольку, поскольку существует равенство в полном значении этого слова.

Из этой основной обязанности проистекают для всех граждан три рода занятий которые, в силу их важности, требуемого ими внимания и их облагораживающего влияния на умы, придадут прелесть значительной части жизни; эти занятия заключаются в сохранении и распространении принципов социальных учреждений и законов, в обучении в практической деятельности.

В другом месте я буду говорить о ведомствах, на которые будет возложено воспитание и народное просвещение, а также о режиме для молодежи; здесь же ограничусь указанием на то, к чему предназначались молодые люди по их выходе из общественных воспитательных домов, через которые все они должны пройти.

Возраст и дееспособность, необходимые для пользования избирательным правом

Из всех общественных прав нет более важных, чем права, касающиеся создания законов, ибо именно по этим законам общество живет и приводится в движение. За ними следуют функции должностных лиц, на которых возложено обеспечение выполнения суверенной воли. Эти права могут с пользой осуществляться и эти функции в точности исполняться только людьми образованными, опытными и благоразумными; поэтому, согласно плану Повстанческого комитета, законодатель должен указать возраст, начиная с которого приобреталось право участия в осуществлении суверенитета, как и занятия должностей; стоял даже вопрос о том, чтобы запретить пользование гражданскими правами всякому, кто не представит доказательств своей дееспособности. Однако опасение дать этим повод к недопущению на суверенные собрания слишком большого числа граждан склонило Комитет к тому, чтобы отказаться

от этого, тем более, что он был уверен, что раз будет установлено подлинное равенство, то исчезнут множественность и противоречивость интересов, и искусство регулирования общественных дел упростится и скоро станет доступным для всех.

Юных французов по выходе их из воспитательных домов не станут неразумно бросать в избирательные собрания. Рассчитывали заставить их в течение некоторого времени присутствовать на этих собраниях, занимая определенные места, без участия в них, чтобы познакомиться с формой и порядком обсуждений и свыкнуться с их серьезностью и чинностью. Было также желательно, чтобы, до приобретения этого высшего права человека в обществе, молодежь посещала собрания, на которых каждому дозволялось бы высказывать свое мнение. На этих собраниях они слушали бы людей, наиболее сведущих в науке о законах, и размышляли бы над книгами, которые рекомендовала бы им республика.

Кроме того, пользоваться правом голосования можно было бы, лишь прожив известное время в сельской местности и побывав на военных занятиях; молодые люди были бы всегда на виду у отечества, которое, не теряя никогда из виду их будущее предназначение, осведомляло бы их постоянно о благодеяниях и законах родины и об их обязанностях.

*Права гражданства приобретаются
с согласия*

Комитет считал крайне порочным обычай включать в число граждан без обсуждения всех, кто в силу случайности родился в данной стране, и таким образом исходить из того, что гражданами дано согласие, которое должно иметь столь большое влияние на всю их жизнь. Комитет считал, что подчинение законам общества, часть которого составляешь, должно быть определено выраженным результатом просвещенной и свободной воли.

Для этой цели Комитет полагал установить торжественную церемонию, при которой были бы официально констатированы взаимные обязательства общества по отношению к гражданам и граждан по отношению к отечеству.

В определенные дни молодые люди надлежащего возраста, прошедшие предписанные законами стадии гражданского и военного обучения, являлись бы на собрание граждан, чтобы испросить у него внесения их в списки. После обсуждения этого вопроса собранием им были бы разъяснены природа общественного договора, даруемые им права и вменяемые кандидатам обязанности; их попросили бы заявить, согласны ли они составить часть французского общества на условиях, о которых они слышали и с которыми они познакомились в процессе их воспитания. Те, которые ответили бы отказом, были бы

навсегда изгнаны из пределов республики; их препроводили бы до границы, снабдив на известное время необходимым для существования.

Что касается остальных, то между ними и народом-сувереном был бы заключен торжественный договор, после чего они получили бы отличительные знаки их нового гражданского состояния. Облаченные должностными лицами в гражданскую одежду, они были бы встречены приветствиями в качестве французских граждан и их имена были бы внесены в книгу записей гражданского состояния, торжественно пронесенную среди народа; затем каждому новому гражданину вручалась бы военная одежда и полное вооружение, на котором было бы выгравировано его имя для того, чтобы опасение обесчестить себя в случае его утраты вселило в него большую отвагу во время сражений и побудило его ценою жизни защищать то, что доверено ему отечеством.

Народные собрания с целью осуществления суверенитета

Каждый гражданин с момента его внесения в книгу записей гражданского состояния и вплоть до смерти призывается обычно на собрания, на которых народу предстоит осуществлять свою верховную власть. Из разъяснений, которые я намереваюсь сделать относительно теорий Повстанческого комитета касающихся формы власти, долженствовав-

шей стать последним результатом его достижений, видно, что цель этих собраний —

обсудить, принять либо отвергнуть законы, предложенные народу его уполномоченными;

обсудить законы, испрашиваемые известным числом граждан, либо другими частями народа-суверена;

ознакомиться с законами, одобренными всем народом, и опубликовать их.

Образование и деятельность правительства

Такие же разъяснения ознакомят также с деятельностью, которая будет иметь место в связи с избранием должностных лиц, их введением в должность и исполнением ими своих функций.

Существенно было сделать эту деятельность приятной и желанной. Наши преобразователи надеялись достигнуть этого воспитанием, тщательно сохраняемым воспоминанием о бесконечных бедствиях, от которых равенство избавило французов, а также уважением и признательностью, которыми законы, обычаи и общественное мнение в конечном счете окружили бы людей, посвятивших себя ведению государственных дел.

Народные собрания — благоприятное условие для отдыха и соревнования

Прилагались бы старания, чтобы украшать места, где происходят эти собрания, всем наиболее привлекательным, что могут дать

искусства, величие, порядок и свобода. Если к тому же принять во внимание, что на этих собраниях не будет беспорядка, вызываемого в настоящее время противоречивостью интересов и нередко превращающего эти собрания в толчею; если, кроме того, подумать о том, что ввиду чрезвычайной простоты политического строя все смогут легко оценить полезность этих собраний, то придут к убеждению, что раз установлено подлинное равенство, то эти собрания неизбежно становятся предметом интереса, отдохновения и полезного соревнования.

*Каждый гражданин является
солдатом*

Защита отечества от всегда возможных агрессий чужестранцев — существенная часть мудрости законов; ибо наилучшие внутригосударственные учреждения не смогут предохранить неспособный к ведению войны народ от вторжения неправого, воинственного соседа. Однако если, с одной стороны, оружие полезно республике, то с другой — оно обычно доверляется исключительно одной части граждан, и те, соблазненные добычей или ложной славой, направляют его в угоду честолубию и тирании против свободы других. Во избежание столь опасного злоупотребления правильно будет раздавать оружие всем гражданам и всех их сделать одинаково способными пользоваться им.

Подобное установление не только предохранит республику от опасности, о которой мы только что говорили, но и даст ей то преимущество, что заставит соседей больше уважать ее и не менее ценное преимущество — приучит граждан к установленному законом повиновению и увеличит их жизненные силы благодаря труду, как и благодаря презрению к боли и смерти.

*Воспитание в детях любви к отечеству
и к подлинной славе*

Поэтому, как только дети окрепнут, их будут приучать к военным занятиям. Когда я буду говорить о воспитании в раннем возрасте, я расскажу, каким образом хотели выработать в них твердость и отвагу. Здесь же ограничусь указанием на то, что, по мысли членов Комитета, относящиеся сюда учреждения имели бы своим результатом то, что молодые люди приобщались бы к общественной жизни лишь после того, как они оказались бы подготовленными к соблюдению дисциплины и к походным лишениям, проникнутыми пламенной любовью к отечеству и горячим желанием служить ему.

*Молодежь будет постоянно
располагаться лагерем на границе*

Увеличивая оборонную мощь нации, новые учреждения в равной мере внушали бы ей чувства справедливости по отношению к чу-

жеземцам и отвращения к завоеваниям. Народ, занимающийся сельским хозяйством, не пользующийся денежными знаками и живущий без всякой роскоши, народ, граждане которого являются его солдатами, вкушающий сладость равенства, свободы и изобилия, не имеет ни желаний, ни возможности браться за оружие, чтобы угнетать своих соседей или продолжать войну, когда он оказался вовлеченным в нее для самообороны.

Так как, однако, уважение к международному праву не предохраняет его от беспокойных соседей и от посягательств завоевателя, то он должен быть начеку. Его армия, в которую входят все граждане, годные к военной службе, не замедлит покарать дерзких захватчиков. Но не благоразумнее ли остановить их на границе, уберечь страну от опустошений, причиняемых нашествием, и дать время народу взяться за оружие? Поэтому Комитет полагал, что при том состоянии, в каком находилась тогда Европа, необходимо будет, до тех пор пока разум и свобода не достигнут новых успехов, постоянно держать французскую молодежь в лагерях или расквартированной у границ республики.

Прежде чем приступить к главе о военном воспитании, следует бегло остановиться на вопросе о создании национальной армии, ее мощи и передвижениях.

Мы видели, что эта армия должна была состоять из всех французов, способных но-

суть оружие. Законы должны были определить возраст для начала и окончания военной службы.

• *Военный распорядок*

Все граждане, разбитые на одинаковые по силе воинские части, готовы выступить в поход, как только будет дан клич: «Отечество в опасности!» В военной службе отводится специальное время для выполнения приказаний начальства; начальники назначаются народом на время *. Некоторые члены Повстанческого

* Пожизненность военных чинов является, как мне кажется, одним из наибольших зол для общественной свободы, и именно вследствие этого на развалинах законов вырастает известный деспотизм. Офицеры, некогда добрые граждане, будучи навсегда поставленными над рядовыми солдатами, незаметно отделяют свои интересы от интересов народа; создают себе новые потребности; заслуги, оказанные ими отечеству, служат для них основанием, чтобы завладеть отличиями, богатством и властью; они носят оружие, словно выполняют ремесло, и кончают тем, что создают в государстве аристократическое сословие, которое в угоду своему начальству, которому оно всем обязано, внедряет доктрину слепого повиновения и стремится задушить в своих подчиненных самую память об их правах.

В интересах тирании убедить народы в том, что война может вестись успешно только людьми, превратившими ее в свою исключительную профессию; это — заблуждение, опровергаемое опытом. Свободные натуры содержат в себе более могучую силу, чем все правила тактики. Связанный воедино и разумно устроенный народ всегда сумеет в достаточной мере расстроить дерзновенные поползновения своих врагов и

комитета полагали, что было бы полезно призвать гражданских должностных лиц к занятию высших должностей в армии. Мы вернемся к этому мнению, когда поведем речь о правительстве.

*Деятельность, в основе которой
лежит военное дело*

В мирное время военные учреждения будут стремиться подготовить граждан к труду и к военным действиям, укрепить физическое и моральное состояние людей, открыть народу широкое поприще для развлечений и соревнования.

Будут организованы частые собрания с целью:

найдет старых и достаточно опытных должностных лиц для руководства его военными операциями.

Разве у Спарты были несменяемые офицеры? Разве греки, разгромившие несметную армию Ксеркса, имели во главе постоянных начальников? Разве Рим в лучшие свои времена имел пожизненных командиров? Разве не с армиями крестьян и пастухов швейцарцы, голландцы и американцы изгнали дисциплинированные, приученные к рабской покорности и находившиеся под начальством профессиональных офицеров войска своих угнетателей? Горстка необученных корсиканцев постоянно разбивала дисциплинированных солдат генуэзских аристократов и в течение долгого времени оказывала сопротивление многочисленной и цивилизованной армии французов. Наконец, именно необученным солдатам и их новым начальникам Франция обязана была — в эпоху, когда она большими шагами шла вперед по пути свободы, — чудесами храбрости, благодаря которым была отброшена и разбита солдатня всех владык Европы.

включения в списки новых защитников;
избрания и провозглашения начальников;
осуществления военных маневров;
присутствия на упражнениях в беге, верховой езде, плавание и т. д.;
создания крупных военных лагерей;
распределения наград и почестей, присуждаемых за усердие и доблесть.

*Легко осуществляемое всенародное
ополчение*

Военные функции до сих пор приятно заполняют часть времени, остающегося в человеческой жизни свободным от необходимых занятий, распределения и гармонии которых они не нарушают. Но как только наступает война, эти военные функции переходят в разряд работ, существенно необходимых для сохранения общества, потребности которого с этого времени значительно возрастают.

Власть, на которую возложено верховное управление, должна призвать граждан ко всеобщей обороне, а также наметить, соответственно установленным законом правилам, тех граждан, которые должны выступать в поход в том случае, когда нет необходимости в участии всех граждан.

Поскольку списки, оружие, экипировка и военное обучение будут всегда находиться в хорошем состоянии во всех пунктах республики, созыв всенародного ополчения предста-

вит не больше трудностей, чем выступление одного полка. Какая нация в состоянии противопоставить своим врагам такую грозную силу?

Однако когда народ в целом или частично берется за оружие и покидает свои очаги, когда производительный труд прерывается либо сокращается, создается нехватка в обычных предметах потребления, если только разумная власть не находит в повседневном ходе общественной жизни средств, предохраняющих против непредвиденных случаев.

Непредвиденные случаи и меры предусмотрительности

Эти непредвиденные случаи не ограничиваются военными опустошениями и временной приостановкой работ; бывают случаи, которые человеческая предусмотрительность не в состоянии предвидеть и которым она не в состоянии помешать. Таковы наводнения, засуха, град, бесплодие, поражающее в результате частых революций землю, оплодотворяемую человеческой рукой. Вследствие отсутствия удовлетворительных общественных учреждений цветущие края весьма часто подвергаются в результате такого рода событий обезлюдению, и, что гораздо прискорбнее для всякого честного человека, неурожай приводят к гибели от нищеты класс трудящихся не вследствие действительного недостатка в продовольствии, а по той причине, что для

рабочих, спрос на труд которых в это время уменьшается, недоступна диктуемая богачами высокая цена на продовольствие, накопить которое в годы изобилия смогли только они одни.

У народа, устроенного на основе принципа справедливости, блага и бедствия должны быть равномерно распределены между всеми его членами. Недостаток необходимых предметов в тех случаях, когда он имеет место, должен чувствоваться повсюду в равной мере. Однако испытывать лишения должны лишь после того, как исчерпаны все меры предусмотрительности, осуществляемые в условиях обычного плодородия почвы и привычной деятельности населения.

Трудом всех дееспособных граждан, несомненно, создается много больше того, что требуется обществу, так как при строе, ныне господствующем в обществе, существует великое множество праздных людей и столько полезных вещей становятся избыточными. Для предотвращения непредвиденных случаев достаточно лишь собрать и сохранить излишки плодородных лет, почти полностью растрачиваемые в настоящее время путем легкомысленного потребления, потворствующего надменности, тщеславию и извращенным вкусам и делающего нас злобными и несчастными.

Легко получая сведения о размерах производства и потребностях, верховная администрация делает заключение о том, какие рас-

поряжения необходимы для повсеместного обеспечения продовольствием в настоящем и для удовлетворения непредвиденных потребностей в будущем.

В настоящее время точность исчисления является весьма редкой, так как каждый отдельный человек, считая себя тем более гарантированным от бедствий, чем больше накоплений он сделал, старается при помощи ложных заявлений избавить свое имущество от государственных обложений. Но там, где частные владения заменяет единая собственность отечества, и каждый может быть спокоен за будущее, если только республика богата, и распоряжаться плодами общего труда и по справедливости их распределять, то же беспокойство, которое побуждает в настоящее время людей думать только о себе, призывает их к сближению, к слиянию, к взаимопомощи и к правдивому сообщению о своих потребностях и ресурсах. Стоит взвесить — говорил Повстанческий комитет — все обстоятельства, и станет видно, что благодеяния общественного строя почти уничтожены введением частной собственности и что только тогда, когда она исчезнет, каждый почувствует, насколько он заинтересован в благосостоянии всех, кто принадлежит к одному с ним обществу.

Искусство управления, которое столкновение множества противоречивых интересов делает столь трудным, сводится благодаря общности имуществ к вычислению, которое

под силу самым неспособным нашим торговцам.

При помощи крупных хранилищ, заполняемых во времена изобилия, республика избегала бы непредвиденных случайностей. При малейшей опасности извне необходимые вооруженному народу съестные припасы были бы из них извлечены и перевезены в пункты его сосредоточения.

При современном строе самое большое затруднение во время подготовки к войне заключается не в том, какое направление следует дать передвижениям вооруженных людей, а в том, как их собрать и содержать.

Если и удастся до некоторой степени преодолеть противодействие, оказываемое вялостью и эгоизмом, то еще многое остается сделать, чтобы собрать денежные средства, которые даются с сожалением, и обеспечить наличие всякого рода продовольствия путем прямых закупок, которые неожиданное вздорожание и неизбежные хищения служащих делают весьма дорогостоящими, либо при помощи закупок через поставщиков, ненасытную и изворотливую алчность которых ничто не может утолить.

Иной раз страх перед иноземным игом, оживляя по крайней мере на некоторое время любовь к отечеству, благоприятствует введению чрезвычайных обложений, однако средства отражения иноземного нападения обеспечиваются лишь путем нанесения пагубного удара сельскому хозяйству и про-

мышленности и создания множества недовольных.

Содержание армии

В политической системе наших заговорщиков все эти трудности исчезают. Поскольку запасы провианта созданы, вооруженные части могут в любой момент двинуться к границам без всякой необходимости урезать малейшую долю обычных средств существования граждан. Так как их численность остается неизменной, потребление нигде не увеличивается.

Чрезвычайные ресурсы

Однако если бы понадобилось повторять военные кампании, то, поскольку масса необходимого труда и число потребителей не сократились бы, между тем как часть граждан не занималась бы производительным трудом, создался бы в итоге недостаток в продовольствии, дефицит, который мог бы стать причиной бедствий и беспорядков.

Тогда новое применение принципов равенства предоставит новые ресурсы. Поскольку воюющие граждане несут бремя, которое невозможно увеличить, то справедливость требует того, чтобы путем нового распределения общей повинности был увеличен труд тех, кто не носит оружия. Лишних полчаса или час труда в день составят максимальную на-

грузку, которой при самой злосчастной войне будет обременен народ. Пусть нам укажут — восклицали иной раз участники заговора — такой общественный строй, при котором столь крупные результаты достигались бы более простыми и более легко претворяемыми в действие средствами!

*Предохранительные меры против
злоупотребления войной*

Из того, что организованный таким образом народ легко мог бы развернуть свои силы, было бы неправильно заключить, что народ этот был бы всегда расположен причинять беспокойство своим соседям; напротив, надо полагать, что он сам поставил бы себе за правило избегать поспешности и несправедливости при объявлении войны, как и руководить поведением воинов во время военных действий.

Такой народ, вероятно, будет вести войну только для того, чтобы отразить нашествие, или чтобы поддержать несправедливо угнетаемого соседа; удовлетворенный богатствами плодородной земли и не имея в своей среде ни неимущих, ни плутов, станет ли он пытаться оспаривать у своих соседей предметы производства, которые ему некуда будет девать? Ему, занятому сельским хозяйством, ведущему простой образ жизни, счастливому, привязанному к своим обычаям и законам, будет чужда страсть к грабежу и завоеваниям; его торговые учреждения никогда не

будут предрасполагать его к тому, чтобы втягиваться в распри купцов, этой незнакомой ему породы людей*.

В Повстанческом комитете считали, что всякая агрессивная война должна быть запрещена законом; закон должен вменить в обязанность армии выжидать на территории республики нападения врага. В Комитете было желание, чтобы с целью предохранения нации от коррупции, которую влечет за собой нажива победителей, была запрещена всякая добыча в индивидуальном порядке и чтобы

* Поскольку мир является первым из благ после свободы, прибегать к оружию полезно и справедливо только тогда, когда существует угроза миру. Во всех других случаях самая удачная война является преступлением против человечества и источником зла для самого победителя.

История учит нас тому, что военная слава не раз служила ступенью к установлению тирании. Военный дух тем более необходимо обуздать при помощи законов и обычаев, что завоевания и грабежи развращают граждан, приводят в отчаяние побежденных и побуждают их к мщению, вводят в обиход общественного мнения рыцарскую честь властолюбцев и ставят выше законов вышедших из повиновения начальников, осмеливающихся осуществлять в отечестве деспотизм, к которому они приучили солдат под предлогом их дисциплинирования. Эти предатели с помощью ловко разжигаемой ими в своих неосторожных товарищах по оружию страсти к золоту и отличиям сеют повсюду коррупцию, изгоняют добродетель, нагло объявляют себя спасителями народов, которых они порабащают, и, издеваясь над человечностью, насмехаясь над всякой религиозной идеей, доходят в своем бесстыдстве до того, что ставят свою преступную власть под покровительство бога и правосудия.

каждый солдат был обязан доставлять в общественный склад все, что могло попасть в его руки. Однако никто не скрывал от себя и того, что лучшей гарантией против военной распушенности будет презрение к богатствам поработанных народов, которое запечатлеет во всех сердцах общественное воспитание. В походной палатке, среди сражений солдат-гражданин будет питать только одну страсть — любовь к равенству и отечеству, будет иметь только одного путевода — законы своего отечества.

Уважение к международному праву

Любовь к своей республике участники заговора сочетали с любовью к человечеству, с благом которого были связаны в сущности все их проекты. Они придавали большое значение тому, чтобы в случае, если бы их чаяния исполнились, тот же дух равенства и справедливости, который должен был господствовать среди граждан, руководил образом действий республики по отношению к иностранцам; они хотели, чтобы французский народ рассматривал себя членом великого общечеловеческого общества, содействовал своей мудростью и примером обеспечению всеобщего мира и внушал повсюду уважение к правам, которые природа даровала всем людям.

Управление государством и его оборона имеет не менее существенное значение, чем

занятия, способствующие удовлетворению потребностей людей, ибо без них невозможно сохранить внутренний строй и предотвратить опасности извне. Оно, кроме того, обязательно для всех, ибо если бы было иначе, оно скоро перестало бы иметь единственным своим предметом общественный интерес.

Дело, о котором я поведу речь, отличается тем, что, будучи не менее необходимым для сохранения свободы и для блага общества, оно тем более плодотворно, что, вместо того чтобы быть вменяемым приказом, оно является добровольным и желанным, превращает удовольствие в источник добродетели и усиливает ощущение равенства и любовь к нему.

Преимущества частых собраний граждан

Комитет желал, чтобы граждане республики делали сообща все, что им надлежит делать. Наличие многочисленного и неиспорченного народа — говорил он — подавляет тайные побуждения эгоизма, делает более ощутимой потребность во взаимопомощи и поддерживает в сердце каждого отдельного человека желание, чтобы точное выполнение его обязанностей получило всеобщее одобрение.

Как обстоит дело с отдыхом? Вполне в духе равенства, чтобы людям лишь тогда было приятно вкушать удовольствие, когда оно разделено с другими. Поэтому у свобод-

ных народов имеют место частые собрания, а у народов поработанных их совершенно не бывает. Счастье в государстве существует в большей или меньшей мере в зависимости от того, предпочитают ли в нем общественные развлечения или замыкаются в себе и остаются бесчувственными к страданиям и огорчениям народной массы.

Под водительством мудрого законодателя явления природы, жизни, как и общественные явления становятся предметом просвещения и развлечения. При помощи одних законодатель обращает внимание граждан на божественные творения и на чудеса общественного порядка; при посредстве других он воздает хвалу достоинствам великих людей и создает им подражателей; то он зажигает в них мужество, то воспламеняет любовь к равенству; занимая постоянно души людей возвышенными предметами, он предохраняет их от порочных вожделений и страстей, которые их расслабляют и развращают.

Четыре рода собраний

Повстанческий комитет, если не ошибаюсь, различал четыре рода народных собраний. К первому он относил собрания, предмет которых является осуществление верховной власти, судебные приговоры и управление,— я кое-что о них уже говорил и скажу еще, когда сообщу о форме правления. Собрания второго рода касались военного распорядка,

о котором я упоминал. К третьему роду принадлежали собрания, посвященные исключительно вопросам просвещения. Я буду говорить о них при изложении вопроса о воспитании и о развитии интеллектуальных способностей. Наконец, посредством четвертого рода собраний Комитет намеревался поддерживать и укреплять в сердцах французов любовь к доблести. Я попытаюсь вкратце описать, как он себе это представлял.

Торжества

Комитет стал присматриваться к наиболее примечательным событиям гражданской жизни и пришел к заключению, что его установления по духу своему таковы, что их можно превратить в сюжеты для такого же числа народных праздников. *Бракосочетания, регистрация новорожденных, вступление детей в воспитательные дома, отправление молодежи на границу, ее возвращение и принятие ее в число граждан* могли бы дать повод для все-народных торжеств, празднуемых во всех концах Франции.

В случае войны *отправка воинов, их возвращение, оказание почестей защитникам родины, павшим в боях, и присуждение наград наиболее доблестным* — служили бы поводом для другого рода торжеств, способных возвысить души и сохранить боевой дух.

Цензурные собрания

Другого порядка собрания были, по плану Комитета, предназначены для того, чтобы развивать желание общественного одобрения и опасение общественного порицания. В определенные периоды на этих собраниях осуществлялась бы своего рода цензура образа действий граждан и главным образом должностных лиц. Как мы видели, для занесения молодежи в списки лиц гражданского состояния необходимо согласие народа; то же было бы необходимо для оказания почестей старикам, как и для того, чтобы почтить славную память умерших.

Согласно взглядам Комитета, старики должны были играть большую роль в управлении республикой, внося ясность в обсуждения, бдительно следя за соблюдением обычаев и, наконец, руководя воспитанием молодежи. Им, которых можно было бы отличать по их особому костюму и по определенному месту на публичных собраниях, должна была всецело принадлежать инициатива в выражении мнения о всех сделанных народу предложениях; за ними должны были быть сохранены важные функции и главное влияние на критику; вознаграждая их за безупречную жизнь сыновним уважением, полным почтительности, предохраняли бы публичные обсуждения от поверхностности и поспешности, свойственных менее зрелому возрасту.

Суждения об общественных должностных лицах

Наши заговорщики хотели также ввести обсуждения, которым подлежали бы все должностные лица, срок полномочий которых истекал; никто не мог бы быть призван на новую должность, пока не будет одобрена его предшествующая деятельность.

Суждения об умерших

Для того чтобы и наиболее прославленному гражданину всегда оставалось что-либо желать или чего-либо опасаться, предполагали ввести во Франции обычай древнего Египта, согласно которому жизненный путь умерших подвергался суду, жаловавшему их погребальными почестями либо отказывавшему им в них.

Для принятия бранных останков добрых граждан должны были отводиться места, украшенные природой и искусством. Памятники, воздвигаемые народом наиболее достойным, и надписываемые на них имена и добродетели каждого предоставили бы потомству широкое поле для просвещения и патриотизма, а старики, на которых должна была быть возложена охрана этих священных мест, призывали бы всю нацию по их примеру достойным образом чтить память добродетельных людей.

Годовщины памятных событий

Чествованию памятных событий, наиболее способствовавших установлению и упрочению республики, должны были быть посвящены празднества. Обращая внимание народа на причины, породившие эти события, на сопровождавшие их обстоятельства и проистекшее из них добро или зло, ему преподносили бы тем самым урок национальной истории, морали и политики; он научился бы распознавать подводные камни, о которые при отсутствии мудрости может разбиться корабль республики.

Игры и зрелища

Существовало также желание, чтобы некоторые из этих событий были представлены в действии, а для этого законодатель мог прекрасно использовать поэзию, музыку, танцы и живопись, чтобы глубоко запечатлеть в сердцах чувства, которые он намеревался внушить. С помощью наград, присуждаемых общественным мнением, он воздавал бы почести мужеству, ловкости, трезвости, скромности, трудолюбию и всем физическим и моральным качествам, составляющим украшение и опору равенства и свободы.

Комитету казалось, что в надлежаще устроенном государстве развлечения, не разделяемые всем народом, должны быть упразднены из опасения, как бы воображение,

избавленное от надзора строгого судьи, не породило вскоре ужасных пороков, столь противоречащих всеобщему благу.

*Божественное начало
и бессмертие души*

Все эти установления и республиканские нравы, ими созданные и хранимые, должны были найти последнюю важную опору в религиозных идеях, семена которых должны были быть заложены в умах законами и воспитанием. Не признавая откровения, французская республика не приняла бы никакого особого культа; но она сделала бы равенство единственной угодной божеству догмой, благодеяния которой провозглашались бы на народных торжествах и запечатлели бы в сердцах добрых граждан надежду на счастливое бессмертие *.

* В Комитете считали, что догмы о существовании верховного существа и бессмертии души являются единственными, веру в которые возрожденное общество поистине было бы заинтересовано сохранить⁹⁵, так как,— говорили они,— для общества важно, чтобы граждане признавали непогрешимого судью их тайных помыслов и деяний, которые не могут быть постигнуты законом, и чтобы они считали достоверным, что необходимым следствием их преданности человечеству и родине будет вечное счастье. Что касается культа, то хотели, чтобы он был ограничен уважением к общественному договору, защитой равенства и известными публичными празднествами. Все так называемые откровения должны были быть изгнаны законами вместе с болезнями, зародыши которых должны были

Связь между всеми частями республики

Повстанческому комитету казалось наиболее трудным поддерживать в общественном строе, который он хотел установить, невидимую связь, тесно объединяющую все части республики и способствующую тому, чтобы каждая из частей отнюдь не рассматривала себя как нечто совершенно обособленное, независимое и безразличное к участи других, а сознавала, что ее процветание зависит от их процветания и что лишь при помощи общей воли и общих действий она может сохранить свое цветущее состояние и укрепить его.

В любой сколько-нибудь обширной стране существуют плодородные местности, где земля приносит обильный излишек, и другие местности, где она едва удовлетворяет потреб-

быть постепенно искоренены. До того, как это должно было произойти, каждый волен был сумасбродствовать, только бы общественный строй, всеобщее братство и власть законов не были нарушены. Такова была религиозная доктрина главных защитников равенства во время французской революции, такова была религиозная доктрина Робеспьера, который в значительной мере навлек на себя кровавую проскрипцию, жертвой которой он пал, из-за мужества, с каким он эту доктрину защищал. Заблуждение атеистов, ошибки эбертистов, безнравственность дантонистов, ущемленная гордость жирондистов, тайные происки роялистов и английское золото обманули 9 термидора ожидания французского народа и всего человечества⁹⁶.

ности населения. Вполне ощутимый интерес свяжет при строе общности одни из этих местностей с другими. Но каким образом помешать тому, чтобы коммуны, которым благоприятствует природа, не считали обременительным для себя союз с теми, которым природа не благоприятствует, и не претендовали бы — нарушая закон равенства — сохранить за собой более благоустроенное, чем у других, существование.

Быть может, основатель нового сообщества людей увидит в возможности такого нарушения порядка мотив для расширения или сокращения его территории. Это будет, вероятно, предотвращено путем варьирования предметов производства так, чтобы каждая коммуна могла ожидать чего-либо от других. Однако связь, о которой идет речь, может стать нерасторжимой главным образом благодаря взаимности услуг и сознанию преимуществ общественного строя. Когда житель юга республики осознает, какую пользу приносят ему жители севера, доставляющие ^{ему} наслаждения, обороняющие имеющую важное значение территорию и разделяющие братские чувства, порождаемые в них согласованностью обычаев и законов, он почувствует, как душа его облагораживается; он проникнется восхищением общественным механизмом, при посредстве которого столько миллионов людей способствуют тому, чтобы он был счастлив, и убедится, что интересы самого равенства, которым он дорожит, требуют,

чтобы, переступив границы его коммуны, оно охватило все пространство республики *.

Сношения между гражданами

Ничто не способно в такой степени зародить и поддерживать эти чувства, как частые сношения между жителями различных частей государства; эти сношения удваивают их усердие, доказывая им всеобщую готовность служить отечеству. В настоящее время коммерсанты с целью обогащения делают то, что следовало бы делать, во исполнение своего долга, для получения образования и самосовершенствования. Но когда воодушевляющая их страсть будет подавлена вследствие упразднения частной собственности, то законодатель, который не захочет запереть свою республику в пределах одного города, должен будет заменить эту страсть невинными

* Реально существующий или подразумеваемый договор, на котором покоится общество, обязательно содержит обобществление всех сил и всех способностей индивидуумов; в противном случае, поскольку эти силы и способности будут с самого начала неравномерно распределены, все пойдет на пользу одним и во вред другим. Из этого основного договора следует, что территория, какова бы ни была ее протяженность, целиком составляет первоначальную собственность народа, который занимает ее; народ же не может желать, чтобы одни были поставлены в более благоприятные условия, чем другие, и обязательно хочет, осуществляя полностью свои права, чтобы неодинаковая продукция при одинаковом труде была компенсирована беспристрастным распределением.

побуждениями, чреватými положительными результатами. Перевозка продовольствия, передача распоряжений, функции управления и военные функции заставляют большое число граждан объезжать страну. Мало того. К сношениям обязательного порядка следует прибавить другие, вызванные исключительно любовью к умственным и душевным развлечениям. Казалось, ничто не способно лучше поддерживать и изыскивать эти развлечения, нежели частота и разнообразие общественных праздников.

Праздники

У каждой коммуны, у каждого департамента существовали бы свои особые праздники; отмечались бы только в присутствии правительства республики; третьи, наконец, украшали бы попеременно ряд мест, которые поочередно удостоивались бы чести обратить на себя взоры всей нации*.

* Божественное начало, великие явления природы, полезные ремесла, добродетели, политические революции, благоприятные для человечества, и великие люди, служившие ему и прославившие его,— таковы сюжеты, которые эти праздники должны были запечатлеть в сознании народа и первое представление о которых было дано декретом Национального конвента, принятым в результате достопамятного доклада Робеспьера о религиозных идеях.

Необходимость власти

Члены Повстанческого комитета считали, что с помощью такого рода учреждений можно прочно основать свободу и путем постепенного преобразования нравов сделать французов счастливыми, сплоченными, любимыми, уважаемыми и непобедимыми. Однако стараний реформаторов было бы недостаточно, если бы они не подумали о средствах предохранения их творения от покушений грубой силы и от коррупции и не позаботились о его постепенном усовершенствовании.

Как бы мудро ни были устроены учреждения, они при своем падении скоро увлекли бы за собой установленное ими равенство, если бы законодатель не предоставил им поруки, более действенной, нежели усилия эгоизма. В данном случае нет ничего более верного, чем объединение всех индивидуальных сил в единую великую общую силу, всегда готовую подчинить общему интересу тех, кто уклоняется от этого правила. Это означает создание единого политического целого.

Законодательная власть пребывает в народе

Но сама эта сила опасна и вредна, когда она подчиняется воле, противоречащей благу и свободе народа, когда она не исходит непосредственно от народа. Необходимо, следовательно, чтобы закон, провозглашение воли нации, был творением народа. Поэтому-то

Повстанческий комитет и намеревался предоставить народу заботу о поддержании великого принципа равенства путем своего волеизъявления.

Если первоначальные учреждения и задуманы разумно, они все же не могут ни предвидеть всех будущих опасностей и потребностей общества, ни примениться ко всем условиям, в которых может оказаться общество. Наша республика, следовательно, нуждалась, как и все политические корпорации, в последовательном законодательстве, и, стало быть, в постоянной законодательной власти, которая, как мы видели, может пребывать только в народе.

Установив основы социальной экономии, способной сохранить равенство, Повстанческий комитет намеревался устроить дело таким образом, чтобы принцип народного суверенитета никогда не был нарушен, т. е. сделать так, чтобы ни одно обязательство не могло быть возложено на народ без его фактического согласия, чтобы народ мог легко выразить свою волю и чтобы он вносил в свои обсуждения всю ту зрелость, которая желательна.

Для достижения этой цели необходимо было определить элементы, из которых состоит народ, какие формы следует соблюдать, чтобы побудить его выразить свою волю, как и для того, чтобы быть осведомленным о его постановлениях и о том, какие меры предосторожности необходимо принять, чтобы заставить должностных лиц подчиниться им.

Прежде чем дать верный отчет о проектах Комитета относительно общественной власти, насколько это позволяют прошедшее с тех пор время и слабая, единственная помощь моей памяти, я должен предупредить, что все они стремились обеспечить выполнение основной догмы, освященной конституцией 1793 г.: *народ обсуждает законы* — догмы, составляющей отличительное свойство этой конституции. Впрочем я далек от того, чтобы представить эти проекты как окончательно принятые.

Народ — говорил Комитет — есть совокупность лиц, живущих по-братски под одним политическим законом. Так как природа ставит счастье отдельных индивидов и прочное спокойствие общества в зависимость от равенства прав, то в лоне нации не может быть хотя бы одного неправильно наделенного индивида без того, чтобы тотчас не обнаружился в ней семена беспорядка и разложения. Следовательно, все лица, достигшие того возраста, когда развились их интеллектуальные способности, и изъявившие согласие жить в стране и подчиняться постановлениям суверенного народа, являются гражданами и членами законодательной власти.

Иностранцы

Говоря о взглядах Повстанческого комитета на внешнюю торговлю, я указал, что он рассчитывал доверить руководство ею должностным лицам. Тем самым он не только

последовательно высказывался в пользу принципа общности имуществ, но намеревался этим же путем устранить распространение вредных примеров, способных ослабить силу обычаев и любовь к равенству, составляющих гарантию всеобщих прав и всеобщего блага. Таким образом, между Францией и ее соседями были бы воздвигнуты колющие изгороди препятствий. Однако они не были бы непроницаемыми; любовь к человечеству раскрыла бы их перед несчастными друзьями свободы, перед благодетелями наций, привлеченными желанием ознакомиться с французскими учреждениями, как и перед изнуренными порабощением людьми, которые пришли бы с чистым сердцем искать в нашей республике равенства и счастья *. Ни перед чем не остановились бы, чтобы безжалостно удалить любого, кто стал бы вводить чужеземные

* Эта мера предосторожности в отношении иностранцев продиктована не злой волей, стремящейся к обособленности, а желанием как можно лучше выполнить долг человечности и братства, которым обязаны друг другу все народы. Первейший долг — тот, который заставляет один народ прийти на помощь другим народам в деле восстановления и защиты их естественных прав, и Повстанческий комитет считал, что Французская республика должна выполнить его, дав прежде всего миру яркий пример мощного учреждения, основанного на равенстве и свободе. Согласно его точке зрения, столь великое благодеяние не может быть привнесено силой оружия, потому что вторжение с необходимостью несет с собой идею завоевания и господства, а также потому, что проявления братских чувств плохо сочетаются с насилиями, являющимися спутниками войны. Чтобы сделать действенным

фривольности и манеры; любопытствующие были бы подвергнуты суровым испытаниям и строгому надзору, а что касается искренно стремящихся к получению прав гражданства, то закон потребовал бы, чтобы национальному акту, который должен наделить их этими правами, предшествовал длительный и тщательно соблюдаемый испытательный срок.

Многочисленный народ, населяющий обширную территорию, не может созвать на единое собрание всех граждан, чтобы в один прием установить волю нации. Это порождает необходимость единообразным и удобным способом регулировать секции, на которые разделится весь народ, и изыскать быстрый и легкий способ сопоставления пожеланий, для того, чтобы они не оказались непризнанными или извращенными. Комитет полагал, что

великий пример, уготованный миру, необходимо тщательно устранить из нового социального строя все, что может замедлить его установление, либо воспрепятствовать ему, и, следовательно, строжайшим образом удалить с французской территории массу иностранцев, которых враждебные государства, якобы с филантропическими целями, не преминут разбросать по французской земле с вероломным намерением посеять в ней раздор и создать оппозиционно настроенные клики. К тому же опыт II года был слишком свеж, чтобы пренебречь им и не быть начеку. До тех пор, пока другие нации не примкнут к политическим принципам Франции, с ними не могут быть установлены тесные сношения; до этого времени Франция будет усматривать лишь опасность для себя в их нравах, учреждениях и, главным образом, в их правительствах.

цель эта может быть достигнута при помощи трех нижеследующих учреждений:

1. Собраний, с целью осуществления народного суверенитета.
2. Центрального собрания законодателей.
3. Корпорации блюстителей национальной воли.

Первые два учреждения введены конституцией 1793 г.; третье, как это считал необходимым Комитет, должно было быть введено дополнительно.

Собрания, осуществляющие народный суверенитет

Для устройства собраний, осуществляющих народный суверенитет, надо было разбить республику на округа такой протяженности, какую могло позволить удобство проведения собраний. В каждом округе должны были иметь место:

собрание, осуществляющее народный суверенитет, состоящее из всех граждан;

сенат старейшин, назначаемых вышеупомянутым собранием;

председатель и секретари, избираемые тем же собранием;

декорированный, удобный амфитеатр для народных собраний;

архивы;

должностные лица, обязанные созывать собрания и поддерживать на них порядок.

Центральное собрание законодателей

Согласно конституции 1793 г., центральное собрание законодателей состояло из делегатов, назначенных непосредственно народом, с возложением на них двойной миссии — внесения законопроектов и издания декретов, чтобы обеспечить их исполнение, а также для руководства государством и его охраны. Заметное различие между положениями выше-названной конституции и проектами Повстанческого комитета заключалось в том, что в некоторых случаях законодатели несли ответственность за свои мнения.

Блюстители национальной воли

Корпорация блюстителей национальной воли представляла собой новое установление, назначением которого являлось собирание актов собраний, осуществляющих народный суверенитет и провозглашение суверенной воли.

Кроме того, намеревались превратить эту корпорацию законодателей в своеобразный трибунал, на который был бы возложен надзор за тем, чтобы законодатели, злоупотребив правом издания декретов, не посягнули на законодательную власть.

Не помню, было ли принято решение относительно количества блюстителей и продолжительности их функций. Но я хорошо

помню, что было решено призвать народ выделить их путем неотложного голосования из состава сенаторов.

Создание закона

После того как все это было установлено, были задуманы два способа создания закона: он мог зародиться либо на центральном собрании законодателей, либо на каждом из собраний, осуществляющих народный суверенитет.

В первом случае центральное собрание направляло собраниям, осуществляющим суверенитет, свои проекты с изложением их мотивов. Результаты народных обсуждений пересылались блюстителям, оглашавшим волю нации путем публикации результатов голосования каждой из частей суверенного народа*. Во втором случае любое собрание, осуществляющее суверенитет, могло предложить новый закон, либо упразднение старого зако-

* Согласно конституции 1793 г., молчаливое согласие $\frac{9}{10}$ первичных собраний половины департаментов с прибавлением одного было тождественно всеобщему согласию. Это положение имело целью не утомлять народ слишком частыми собраниями и явилось следствием права частной собственности, охранявшегося Декларацией прав, предшествовавшей этой конституции. Поскольку это право уничтожалось, либо значительно ограничивалось, опасность, что народ отвернется от общественных дел во имя личных, отпадала, и, таким образом, справедливо быть более требо-

на; если такое же предложение было сделано большинством нации, то блюстители оповещали об этом законодателей, которым вменялось в обязанность сформулировать и представить на утверждение народа требуемый им закон.

*Гарантия против посягательств
собрания законодателей*

Если бы случилось, что собрание законодателей посягнуло на суверенную власть, издавая под видом декретов законодательные акты, находящиеся в противоречии с существующими законами, то явилась бы необходимость в действиях блюстителей, для того чтобы вызвать суждение народа. Относительно этих действий в Комитете существовало разногласие или, по крайней мере, неопределенность мнений, ибо если все и признавали необходимость возвести преграду против поспешности или честолюбия собрания, облеченного большой властью, то не все были согласны между собой относительно полномочий, которыми надлежало облечь блюстите-

вательным в отношении доказательств согласия нации, предположение о котором часто могло быть основано на молчании, являющемся результатом неосведомленности и преступных махинаций. Неправильно было бы опасаться множества политических собраний в стране, где равенство упрощает законодательство, если к тому же принять во внимание, что акты, не выносящие решений по вопросам общего порядка, не являются законами.

лей: одни считали, что их вмешательство должно ограничиваться призывом к народу: другие полагали, что было бы полезно уполномочить их на то, чтобы до решения суверенного народа приостанавливать действие декретов, подвергающихся нападкам.

Разделение власти в этом собрании

Всё в этом отношении оставалось неопределенным, за исключением реального опасения узурпаций со стороны центрального собрания — опасения, породившего также проект о разделении этого собрания на две части, одна из которых ограничивалась бы составлением законов, между тем как другая, сдерживаемая в ее функциях бюстителями, при посредстве своих декретов руководила бы правительством и обуздывала его.

Преимущество рассредоточения законодательных органов

Легко заметить, что рассредоточение суверенной власти на столь большое число собраний имеет крупное преимущество перед ее сосредоточением в единой корпорации, более предрасположенной к тому, чтобы стать игрою фракций и фальшивого красноречия. При системе, в которой обсуждения проходят через такое количество ступеней, прежде чем превратиться в законы, нечего более опасаться непостоянства и поспешности, вменяемых в

вину демократиям. В этом отношении такой способ создания закона тем предпочтительнее всякого другого, что он основывается на простоте нравов и единстве интересов и что благодаря упомянутому созданию сенатов он представляет весьма успокоительную гарантию против человеческих заблуждений.

*Народ должен принять меры
предосторожности против заблуждений*

Поскольку суверенная власть, согласно естественному праву, принадлежит народу, то он не может ни подчинять свои действия какой бы то ни было воле, ни признавать когда бы то ни было над собой кого-либо высшего, не нанося самому себе вреда. Его по-длинно законодательные решения, безусловно, продиктованы честными намерениями. Однако поскольку он состоит из людей, он может ошибаться, и потому благоразумие и его собственные интересы требуют, чтобы им были приняты меры предосторожности для гарантирования себя от заблуждений.

Вот почему, если лишение народов права пользования суверенной властью или осуждение их на молчание, как и подчинение проявлений их воли особой санкции противоречит их неотъемлемым правам, то справедливо и необходимо во имя сохранения этих самых прав просвещать народы и давать им советы, для того чтобы они выносили лишь ясные и полезные решения.

Сенаты

Повстанческий комитет искал эту опору в природе и по примеру древних законодателей нашел ее в опыте и житейской мудрости старческого возраста. Комитет хотел, чтобы собрание, осуществляющее народный суверенитет, могло законно заниматься обсуждением только в том случае, если оно предварительно заслушало мнение своего сената, функции которого сводились к даче советов, после чего сенаторы голосовали бы совместно с гражданами. Мы видели, что блюстители должны выделяться из состава сенатов, и стоял вопрос о том, чтобы выделить из их состава также совет старейшин, на который возлагалось бы исключительно просвещать своими советами центральное законодательное собрание.

Первоначальное создание сенатов

Однако никто не скрывал от себя того, что это учреждение могло лишь со временем стать полезным и действенным. Все сознавали, что та же сила привычки, которая привяжет когда-нибудь стариков к учреждениям равенства, привязывала бы их в то время, как и сейчас, к иллюзиям наследственной монархии, к религиозным заблуждениям, к престижу собственности и к понятиям рабской морали.

Сенаты, которые хотели учредить, должны были быть блюстителями равенства и демократических нравов, а большинству наших старцев незнакомо ни то, ни другое. К тому же необходимо было, чтобы вначале эти корпорации являлись распространителями нового строя, после чего они явились бы его блюстителями.

Таким образом, Повстанческий комитет рассчитывал сначала ввести в состав сенатов лишь самых добродетельных, самых ревностных граждан, наиболее дружелюбно относящихся к новым учреждениям; некоторое время они привлекали бы самых почтенных старцев, пользующихся наибольшей благосклонностью населения своих округов.

Нерушимые принципы

Из всего предшествующего следует, что в глазах Повстанческого комитета счастье и свобода в гораздо большей степени зависели от сохранения равенства и от привязанности граждан к учреждениям, которые его устанавливают, чем от распределения общественных полномочий. Их республика была *государственным установлением и определенным устройством власти*; в том и в другом имеются основы, которые сам народ не вправе ни нарушать, ни видоизменять, ибо стоит только их тронуть, чтобы тотчас привести общество к распаду. Таковыми являются в первом *строгое равенство*, а во втором — на-

родный суверенитет. Нерушимость этих догм должна была быть торжественно признана законом, долженствовавшим разрешать сопротивление и восстание в том случае, когда часть граждан, не признающая этих пунктов, попыталась бы присвоить себе право поработить другую часть.

Внесение поправок в конституцию

За исключением этих основных пунктов естественно-правового порядка все остальное подчинялось воле народа, который мог видоизменять и сменять по своему усмотрению установленную им власть. Чтобы воздать должное этой доктрине и в то же время предохранить республику от опасностей, которым она могла подвергнуться вследствие интриг и волнений, желательно было, чтобы собрания, осуществляющие суверенитет, периодически призывались высказываться по поводу конституции и чтобы в случае, если эти собрания выскажутся за изменения, небольшому числу мудрых людей было бы поручено регулярно вносить на рассмотрение требуемые преобразования. Желательно было также, чтобы в определенные сроки положение нации изучали специальные комиссары, которые предлагали бы народу меры, способные искоренить злоупотребления, наличие которых было бы признано ими.

*Народу, пользующемуся благами равенства,
достаточно немногих законов*

Чтобы оценить преимущества, предоставляемые организованной таким образом законодательной властью, необходимо прежде всего помнить о том, что народ, у которого нет ни частной собственности, ни пороков и преступлений, ею порождаемых, ни торговли, ни денежных знаков, ни налогов, ни финансовой системы, ни гражданских процессов, ни нищенства, не будет испытывать потребности в большом количестве законов, под властью которых стонут цивилизованные общества Европы.

*Руководство сельским хозяйством
и полезными ремеслами —
одна из главных функций
суверенной власти*

Прежде чем покончить с тем, что относится к суверенной власти, считаю полезным отметить, что верховное руководство сельским хозяйством и ремеслами должно было явиться одной из главных ее функций. Общие правила, начертанные законами, должны были быть развиты центральным собранием и введены в действие исполнительной властью, о которой мы побеседуем с нашими читателями.

Исполнительная власть

Раз приняты все предосторожности, для того чтобы была всегда известна воля народа, раз уполномоченные, на которых возложена подготовка и оглашение его постановлений, к счастью, лишены возможности заменить волю народа своей волей, то остается лишь назначить власть, на которую возлагалось бы осуществление воли народа, с тем, чтобы должностные лица ни в коем случае не могли принудить граждан к подчинению любой другой воле, кроме воли законов, и чтобы их образ действий постоянно служил примером добрых нравов и преданности отечеству.

Каждое должностное лицо, заставляющее уважать волю народа, должно быть поддержано всей властью нации, но как только вследствие заблуждения или нарушения долга оно попытается отступить от воли народа, оно должно встречать лишь трудности и препятствия.

Причины, обуславливающие хорошую исполнительную власть

Такая администрация является результатом способа назначения ее членов, их численности, разделения и продолжительности их функций, надзора, осуществляемого над членами администрации, требуемых от них отчетов, налагаемых на них наказаний, предоставляемых им вознаграждений и главным образом ре-

зультатом национальных обычаев и сознательной привязанности граждан к отечеству и к его законам.

Дополнение к конституции 1793 года

Повстанческому комитету казалось, что положения конституции 1793 г., касающиеся исполнительного совета, хотя и хороши, но недостаточны. Он одобрял статью, ограничивающую его деятельность исполнением законов и декретов, как и статью, возлагающую на него ответственность за их выполнение. Он одобрял вводимое этой конституцией разделение административных функций, исходивших от этого совета, и судебных функций, признаваемых за судами, и присоединялся к тому, что конституция устанавливала число высших должностных лиц и продолжительность исполнения ими их обязанностей. Комитет, однако, считал, что следовало установить порядок рассмотрения их образа действий, определить наказание за каждое невыполнение ими своих обязанностей, установить формы распределения среди них наград или порицаний, которые они могут заслужить, и ввести быстрые и легко осуществимые способы преследования уполномоченных и высших должностных лиц, которым будет предъявлено обвинение в вероломстве по отношению к народу.

*Природа и цели различных
общественных учреждений*

Безопасность, оборона и самое существование народа, согласно системе Комитета, настоятельно требуют, чтобы импульс, данный главными блюстителями законов, быстро и равномерно распространился вплоть до отдаленных пунктов республики; необходимо, следовательно, чтобы страна была охвачена длинной цепью, каждое звено которой немедленно давало отзвук на сотрясение, происходящее наверху. Этими звеньями являются низшие должностные лица, которые вводятся для того, чтобы напоминать гражданам во всех пунктах территории об их подлинных интересах и позаботиться о нуждах народа, выраженных в законах.

Таким образом, в республике существует нисходящая лестница общественных учреждений с различными степенями полномочий — от исполнительного совета до должностных лиц, составляющих точки соприкосновения между суверенным народом и его подчиненными.

Такая же, но чисто судебная лестница восходит вверх от должностных лиц, на которых возлагается установление нарушений законов и их преследование, до верховного суда, задача которого — поддерживать повсеместно единообразие законодательства.

Одни должностные лица руководят производительным трудом и регулируют беспри-

страстное распределение получаемых от него благ; другие — поддерживают согласованность между гражданами; одни заботятся об обороне государства и закладывают в души людей семена мужества и доблести; другие обрушивают всю суровость законов на тех, кто их нарушает; одни поддерживают слабых и вразумляют заблуждающихся; другие непрерывно доставляют новую пищу для любви к отечеству при помощи свободы, величия, благопристойности и жизнерадостности, способствуя их преобладанию на собраниях и на народных празднествах.

Было бы слишком долго и бесполезно входить во все детали этого строя, основы которого заложены конституцией 1793 г.; она учреждает, с одной стороны, трибуналы, а с другой — промежуточные управления и муниципальные органы, в подчинение которым ставились другие должностные лица, на которых возлагалась забота о национальной экономике.

Объединение гражданских функций с военными

С этими же муниципальными органами был связан военный распорядок, который они обязаны были создать и наблюдать за его выполнением. Желательно было, чтобы высшие должности в армии занимались гражданскими должностными лицами для того, говорили в Комитете, чтобы войны всегда велись

только в духе правительства и народа, чтобы невозможен был никакой конфликт и чтобы меньше можно было опасаться честолюбия генералов.

Предоставляя здравомыслящему читателю рассмотреть все виды власти, являющиеся следствиями вышеустановленных принципов, я ограничусь разъяснением того, какими средствами надеялись удержать в рамках законности такое большое число должностных лиц.

В самом деле, никогда еще нация не имела их в таком количестве. Помимо того, что в известных отношениях каждый гражданин являлся бы должностным лицом, надзирающим за самим собой и за другими, не подлежит сомнению, что общественные должности были бы весьма разнообразны и должностные лица весьма многочисленны.

Поскольку совокупность функций составляется из всей деятельности, необходимой для пропитания, снабжения одеждой, жилищем, для воспитания, обучения, руководства народом и для его обороны, то, собственно говоря, каждый гражданин является, либо являлся должностным лицом. Различие, существующее между функциями, в которых все участвуют, и функциями, которые законы признают за должностными лицами, состоит в том, что последние имеют исключительно целью руководство другими и их защиту; мы именуем их общественными функциями.

*Должностное лицо обходится
не дороже рядового гражданина*

Напрасно, однако, пугаются столь большого числа должностных лиц. Они почти все обязаны заниматься тем видом труда, которым руководят, не имея иных средств воздействия, кроме силы своего собственного примера, или же вербуются из того разряда людей, которых возраст освобождает от тяжелой работы. Ни одно из должностных лиц не стоит республике дороже, чем самый безвестный гражданин.

*Простота нравов — гарантия преданности
должностных лиц*

Чудесной чертой общественного строя является то, что должностное лицо, на которое возлагается применение законов великого народа к одной из его частей, когда оно строго придерживается их, вызывает к себе такое уважение и любовь этой части народа, что, лишь нарушая законы, оно может вызвать недовольство с ее стороны. Эта чудесная черта может проявиться лишь там, где простота нравов сообщает всем частям государства одно и то же сознание, одни и те же интересы. Именно к этой цели и были направлены усилия Повстанческого комитета.

Лестница общественных должностей

С точки зрения Комитета народ является творцом, надзирателем и опорой для своих

должностных лиц. Желая предохранить народ от сожалений о том, что он ошибся в своем доверии, Комитет обращал его внимание на законы, согласно которым никто не мог подняться с помощью народного голосования до высших должностей, не дав доказательств великой любви к равенству и не пройдя постепенно через все низшие должности того же рода. Это положение, которое Комитет ни в коем случае не относил к осуществлению суверенитета, в отношении которого он считал необходимым предоставить народу неограниченную свободу, казалось ему дополнительным преимуществом к тому, в силу которого к наиболее важным должностям должны были призываться лишь люди зрелого возраста, преимуществом, способствовавшим лучшему сохранению духа преобразования, которое, кроме того, могло привести к полному успеху лишь при условии отказа от тщеславия, надменности и алчности, как и в результате отрадной перемены в области морали и правов граждан.

*В начальной стадии преобразования
ведомства должны вверяться
только революционерам*

Здесь, естественно, снова приходит на ум соображение, высказанное тогда, когда речь шла о сенатах. Люди пожилые, способные в будущем сохранять уже установленное равенство, неспособны и опасны, когда дело идет о

его установлении. Основать подлинную республику должны лишь те бескорыстные друзья человечества и родины, разум и мужество которых опередили разум и мужество их современников. Прочно установившаяся республика создает дух граждан и должностных лиц, но вначале лишь самые мудрые и горячие инициаторы преобразования способны создать республиканский строй.

Поэтому Комитет твердо придерживался того, чтобы общественные учреждения, составлявшиеся вначале исключительно из лучших революционеров, обновлялись лишь постепенно и по мере успехов общественного возрождения путем полного применения конституционных законов.

Всякий, кто прочтет до сих пор данное сочинение, надеюсь, составит себе достаточное представление о политических принципах наших заговорщиков и о способах, при посредстве которых они имели в виду применить их к Французской республике.

Постепенное движение вперед

Никто, я полагаю, не оскорбит их предположением, что они питали безумную надежду осуществить эти политические принципы по мановению волшебной палочки путем акта, подобного акту сотворения мира. Они не скрывали от себя, какие препятствия им предстоит преодолеть, но они были убеждены, что проектируемое ими преобразование является един-

ственным способом основания жизнеспособной и прочной республики, и видели в развитии общественного духа, в возрождающейся активности революционных элементов, в объединении демократов *, в крайнем недовольстве народа и в мужестве преданных граждан достаточные элементы, чтобы начать и постепенно укреплять революцию, основы которой они заложили.

*Воспитание — средство осуществления
преобразования и его сохранения*

В числе мыслимых средств, способных побороть тщеславие и алчность, внушить новые нравы и придать свойственной народу доброте весь размах, на который она способна, имеется одно средство, которое, хотя и сказывается медленно, является безошибочным, если только люди, преобразующие государство, сумеют применить его во всей широте: этим средством является воспитание.

Воспитание, переданное в руки преобразователей, полностью изменило бы облик нации, сделало бы священными любовь к отечеству, принципы свободы и равенства. Это великое сооружение, будучи воздвигнуто, подверглось бы путем воспитания усовершенствованию, укреплению и стало бы бессмертным.

Нам предстоит, таким образом, рассмотреть воспитание с двух точек зрения: сначала как

* Эбертисты и робеспьеристы объединились под одним знаменем.

вполне установившийся институт в условиях уже учрежденной республики; затем как средство возрождения в руках преобразователей.

Существует возраст, в продолжение которого наши чувства и разум видоизменяются под воздействием всего того, что нас поражает. В этом воздействии и состоит наше воспитание; оно делает нас добрыми или злыми, гражданами или грабителями.

Общество должно руководить воспитанием

Поскольку свобода, счастье и цветущее состояние общества зависят от чувств и сил его членов, совершенно ясно, что общество вправе непосредственно осуществлять надзор за всем тем, что может оказать на их воспитание какое-либо влияние; оно должно это делать потому, что от этого зависит его будущая судьба.

Разделение полов

Естественное разделение человеческого рода порождает две отрасли воспитания: одну для мальчиков, другую для девочек. Цель, которую общество должно себе ставить, остается той же, однако различия, установленные природой между полами, предупреждают нас о том, что нельзя применять для одного и для другого пола без различия одни и те же приемы, не нарушая законов природы. К тому же

в интересах жизнеспособности и сохранности индивидов важно, чтобы любовь, ускоряемая в своем развитии объединением полов, замедлялась; стало быть, хорошо, чтобы они воспитывались раздельно.

Государственное воспитание

Согласно взглядам Повстанческого комитета, воспитание должно быть *государственным, общественным, равным* *.

Государственное воспитание, т. е. руководствующееся законами и находящееся под надзором должностных лиц. Воспитание должно служить дополнением к преобразованию, поддерживать и укреплять республику; республика — единственный компетентный судья нра-

* Мишель Лепелетье⁹⁷, на долю которого выпала слава кровью своей скрепить новорожденную республику, прославил себя также и тем, что он первый со времени революции внес план государственного, общего и равного воспитания. Этот план, являющийся вечным памятником доблести его автора, должен был, однако, мириться со всеми бедствиями, в изобилии проистекающими из частной собственности, подлинного «ящика Пандоры», и, следовательно, должен был содержать в себе предосторожности, значительно ограничивающие его преимущества. Лепелетье предлагал воспитывать детей в возрасте от 5 до 12 лет сообща, а затем возвращать их в семьи. Не следовало ли опасаться, что еще слабые в этом возрасте впечатления сотрутся в значительной своей части под воздействием ложных взглядов и других примеров, влияние которых, безусловно, скажется на молодежи, которая будет ввергнута таким образом в водоворот пороков и предрассудков.

вов и знаний, которые ей важно привить молодежи. С другой стороны, главная цель воспитания должна состоять в том, чтобы глубоко запечатлеть во всех сердцах чувства всеобщего братства, находящиеся в противоречии с исключительным и эгоистическим семейным режимом и отвергающие его.

Общественное

Общественное, т. е. предписанное одновременно всем детям, живущим в условиях одной и той же дисциплины. Важно, чтобы молодежь с раннего возраста приучалась видеть во всех своих согражданах только братьев, связывать свои удовольствия и свои чувства с удовольствиями и чувствами других людей и находить свое счастье лишь в счастье других людей. Общественные воспитательные учреждения должны быть отображением большой национальной общины, с которой каждый добрый гражданин должен связывать свои действия и свои радости.

Равное

Равное, ибо все в равной мере являются любимыми детьми отечества; ибо все обладают равными правами на счастье, неизбежно нарушаемыми неравенством; ибо из равенства в воспитании должно проистекать самое полное политическое равенство.

*Воспитанием должен руководить
высокий орган*

Чтобы создать себе представление о проектах Повстанческого комитета в этом отношении, представим себе верховный орган, состоящий из старцев, посевших при исполнении важнейших в республике обязанностей, который руководит при помощи подчиненных должностных лиц всеми воспитательными учреждениями и обеспечивает через посредство выделенных из его состава инспекторов выполнение законов, как и его собственных предписаний, а также располагает семинарией учителей, об обучении которых он заботится.

Забота о детях

В задуманном Комитетом общественном строе отечество завладевает человеком со дня его рождения и не покидает его до самой смерти. Оно наблюдает за первыми мгновениями его жизни, обеспечивает ему молоко и заботы той, которая дала ему жизнь, устраняет все, что может вредно отразиться на его здоровье и ослабить его организм, предохраняет его от опасностей ложной нежности и рукою его матери отводит его в государственное учреждение, где он приобретает добродетели и знания, необходимые истинному гражданину.

В каждом округе предполагали создать два воспитательных дома — один для мальчиков, другой для девочек; предпочтение отдавалось

бы местностям с хорошим воздухом — деревне, местам, удаленным от городов, расположенным близ рек.

Естественные различия между полами

Мужчина, предназначенный природой к движению и действию, обязан содержать и оборонять свое отечество; женщина должна давать ему крепких граждан. Физически более слабая, чем мужчина, подверженная недомоганиям беременности, родовым мукам и нередко следующим за ними болезням, одаренная чарами, имеющими столь великую власть над противоположным полом, женщина кажется предназначенной для менее тяжелой и менее сопряженной с шумом работы; она словно получила в удел от природы дар умиротворения буйства страстей и смягчения бедствий человечества и более способна ценить проявление доблести. Из этих глубоких различий следует, что воспитание обоих полов не может быть во всем одинаковым. Сперва поговорим о воспитании мальчиков.

Цели воспитания

Согласно воззрениям Повстанческого комитета, государственное воспитание должно было ставить перед собой три цели:

- 1) силу и ловкость тела;
- 2) доброту и энергию сердца;
- 3) развитие разума.

Тело

Здоровье и сила граждан являются условиями, от которых главным образом зависят благо и безопасность республики; они приобретаются и сохраняются путем деятельности органов и устранения причин, нарушающих функции, свойственные живым существам. Отсюда необходимость труда, исполнения обязанностей, умеренного образа жизни и воздержания. Молодежь, надежда отечества, должна, следовательно, быть приучена к самым тяжелым работам в области сельского хозяйства и механических ремесел, приобретать навыки к наиболее тяжелым передвижениям и жить в строжайшей умеренности. Военные упражнения, бег, верховая езда, борьба, кулачный бой, танцы, охота и плавание — таковы развлечения и виды отдыха, которые Повстанческий комитет готовил для грядущего поколения; он хотел, чтобы лень и безделье были изгнаны из государственных воспитательных домов и чтобы дряблость характера и любовь к сладострастию не нашли себе никакого пути к сердцам молодых французов.

Распорядок в воспитательных домах

Были задуманы воспитательные дома, разбитые на такое количество помещений, сколько различных возрастных групп в них содержалось бы: в одном месте залы для совместной еды; в другом — мастерские, где каждый уче-

ник мог бы приобретать навыки в мастерстве, которому он отдавал предпочтение; с одной стороны, обширные сельские местности, в которых можно было бы видеть молодежь, то занимающуюся сельскохозяйственным трудом, то располагающуюся на военный лад в палатках; с другой,— гимнастические залы для игр; в иных местах — амфитеатры для обучения.

Сердце

Постоянно возобновляющиеся занятия нашей молодежи должны были в результате привить ей чувства, отвечающие принципам государства. Молодежь приучалась бы считать, что красота, свидетелем которых она является, она обязана родине, владычице всех людей, и свое здоровье, благополучие и удовольствия приписывать влиянию священных законов родины. Живя постоянно сообща, молодежь в конце концов не отделяла бы своего счастья от счастья других людей, и, будучи предохранена от своекорыстия и тщеславия, как и убеждена по опыту и понаслышке в нежной любви к ней родины, она имела бы в качестве единственного стимула своих действий желание служить родине и заслужить ее одобрение.

Все было бы пущено в ход для того, чтобы предохранить молодежь от представлений о превосходстве и преимущественном положении. В этих местах простоты нравов и покоя ничто не могло бы возбуждать жажду золота и

власти. Пламенная любовь к равенству и справедливости была бы здесь связана с первыми восприятиями молодых граждан, которым скоро стали бы свойственны добродетели, внушенные этим учреждением и рекомендованные от имени столь милой сердцу родины.

Ремесла

Некоторые ремесла необходимы для блага общества, порядок и сохранность которого требуют, чтобы его члены были сведущи в нескольких областях.

Будет ли допущено, чтобы человеческий разум блуждал без руля и без ветрил по обширным пространствам воображения? Будет ли допущено вводить в общество под предлогом его украшения и улучшения бесконечное множество искусственных потребностей, неравенство, пререкания, ложные взгляды на счастье? Или промышленность будет введена в определенные границы и из воспитательных домов будет устранено все, что не является строго необходимым для благосостояния республики?

Желая избавить своих сограждан от неудобств, связанных с расслабляющими людей излишествами и любовью к наслаждениям, ценность которых состоит лишь в отличиях, показателями чего они являются, наш Комитет единодушно постановил ограничить в воспитательных домах ремесленное обучение лишь изготовлением доступных всем предме-

тов обихода; он хотел, чтобы так называемое изящество мебели и одежды уступило место сельской простоте. Порядок и чистота — говорил он — являются потребностями разума и тела; важно, чтобы принцип равенства, которому все должно уступать, привел к исчезновению пышности и изысканности, потворствующих нелепому тщеславию рабов.

Общий дух. Науки

Что касается умозрительных познаний, то члены Повстанческого комитета, предупрежденные мудрецами древности, просвещенные некоторыми подлинными философами новейшего времени и убежденные в том, что ничто не имеет столь малого значения для нации, как возможность блистать и заставить говорить о себе, хотели отнять у фальшивой науки всякий предлог к уклонению от общественных обязанностей, всякий повод к тому, чтобы потворствовать спеси, вводить в заблуждение чистосердечие и доставлять страстям чисто личное счастье, отличное от общественного.

В упразднении собственности они усматривали упразднение многотомной юриспруденции, приводящей в отчаяние людей, ее изучающих, как и людей, интересы которых она претендует защищать; они твердо решили пресекать любую теологическую дискуссию и сознавали, что упразднение заработной платы скоро исцелило бы нас от мании вы

ставления напоказ своего ума и фабрикования книг.

Познания граждан — говорили они — должны побуждать их любить равенство, свободу и отечество и сделать их способными служить ему и оборонять его. Необходимо, следовательно, говорили они далее, чтобы каждый француз умел говорить, читать и писать на своем языке, ибо в столь обширной республике письменные знаки являются единственно возможными средствами общения между ее частями, как и потому, что отсюда проистекают и другие познания. Необходимо, чтобы каждый был знаком с наукой о числах, ибо каждый может быть призван охранять и распределять национальные богатства; чтобы каждый приучался правильно рассуждать, кратко и точно выражаться; чтобы все знали историю и законы своей страны, — историю, для того чтобы знать о бедствиях, которым республика положила конец, и о благах, источником которых она является; законы, чтобы благодаря их изучению каждый был осведомлен о своих обязанностях, приобрел способность занимать государственные должности и высказывать свое мнение по поводу государственных дел; чтобы все были знакомы с топографией, естественной историей и статистикой республики с тем, чтобы получить правильное представление о державе, которая их охраняет, и о мудрости учреждений, благодаря которым все части столь крупного организма способствуют благоденствию каждого

отдельного индивида; чтобы с целью украшения праздников все были искусны в танцах и в музыке.

Вот приблизительно какое воспитание Повстанческий комитет предназначал для французской молодежи. Он отдавал предпочтение такому воспитанию, так как рассматривал его как самый прочный фундамент социального равенства и республиканского строя.

Приученная таким образом к труду, обученная сельскому хозяйству и необходимым ремеслам, наделенная полезными познаниями, молодежь станет постепенно надеждой и утешением для всех граждан, которые получают от нее большое облегчение в своем труде; она будет также доставлять приятные и трогательные развлечения во время общественных празднеств.

Чем больше внимания уделяется домашнему воспитанию, тем сильнее отцовская власть. Однако ту долю личной власти, которую закон отнял бы у отцов, он возвратил бы им сторицей в виде власти общественной. Сенаты, о которых упоминалось, должны были в каждом округе осуществлять надзор за воспитательными домами; под их руководством и женщины должны были также быть призваны следить за осуществляемым совместно воспитанием девочек до их замужества.

Воспитание девочек

Для того чтобы гражданское население состояло только из крепких и трудолюбивых

мужчин, необходимо обеспечить хорошим телосложением тех, кого природа предназначает давать государству граждан. Необходимо, следовательно, закалять их тело до усталости трудом и физическими упражнениями. Движение и труд, говорили участники заговора, являются великими средствами республиканского воспитания; наряду с отсутствием собственности и различий, они будут способствовать ослаблению склонности к кокетству и более позднему проявлению порывов любви.

Девушек, продолжали они, будут обучать наименее тяжелому сельскохозяйственному труду и ремеслам, ибо труд, являющийся обязанностью всех людей, служит также обузданием страстей, потребностью и очарованием домашней жизни; девушки будут целомудренны, ибо целомудрие сохраняет здоровье и служит украшением любви; они будут любить отечество, ибо важно, чтобы они внушили эту любовь мужчинам; следовательно, они будут принимать также участие в исследованиях, способных вызвать в них восхищение мудростью законов отечества; они будут обучаться пению национальных гимнов, долженствующих украсить наши праздники; они, наконец, будут участвовать на глазах у народа в юношеских играх для того, чтобы веселье и невинность преобладали при первых движениях любви и являлись предвестниками предстоящих браков.

Я лишен возможности входить во все детали столь нового учреждения, план кото-

рого был едва набросан Комитетом в общих чертах; к тому же достаточно знать, что великой целью общего и равного государственного воспитания являлось создание здоровых граждан, которые самоотверженно служили бы республике благодаря привычке все делать хорошо и ради удовольствия содействовать благу столь любимого отечества.

Военное воспитание

Согласно системе Комитета, юноши из воспитательных домов переходили в лагеря, устроенные вблизи границ. Здесь они должны были совершенствоваться в военном искусстве и быть всегда готовы отразить нападения извне. Живя в лагерях в условиях полной общности труда и развлечений, они приобрели бы трудом, прилежанием и умеренностью необходимые качества для того, чтобы по возвращении домой пользоваться гражданскими правами.

От успеха первых попыток такого рода зависел, по мнению участников заговора, успех их проекта преобразования; этого одного, говорили они, достаточно будет для того, чтобы упрочить равенство и завершить революцию, ибо одно это будет свидетельствовать о наличии республиканских нравов и воззрений, которые лишь несовершенно усвоены современным поколением.

Просветительные собрания

Для того чтобы лучше сохранить дух новых законов и принципы общественной морали, должны были быть введены просветительные собрания, на которых всякому гражданину дозволялось бы разъяснять публике предписания морали и политики и вести с ней беседу о делах нации. При таких собраниях власти должны были устроить типографии и библиотеки.

Свобода печати

При таком порядке вещей наиболее действенным средством общения, как и лучшей помехой узурпации народного суверенитета является печатное слово. Оно одно может сделать граждан обширного государства способными зрело высказываться по поводу предлагаемых ему законопроектов; оно одно улучшает постепенно общественный строй; оно одно расстраивает происки честолюбцев.

Но как только частная собственность будет упразднена и всякий денежный интерес станет невозможен, необходимо будет подумать о том, какими средствами извлечь из печати всю ту помощь, которую от нее можно ожидать, без риска снова увидеть справедливость равенства и права народа поставленными под вопрос, а республику — отданной во власть нескончаемых и роковых дискуссий

По вопросу о свободе печати рассмотрению Повстанческого комитета подверглись следующие пункты:

1. Никто не может высказывать взгляды, находящиеся в прямом противоречии со священными принципами равенства и народного суверенитета.

2. Всякое письменное выступление по поводу формы государственного устройства и его управления должно быть напечатано и разослано по всем библиотекам по требованию собрания, осуществляющего народный суверенитет, либо определенного числа граждан старше 30 лет.

3. Воспрещается публикование любого сочинения, носящего мнимо разоблачительный характер.

4. Любое сочинение печатается и распространяется лишь в том случае, если блюстители воли нации считают, что его опубликование может принести пользу республике.

Мы видели, говоря о воспитании, что Повстанческий комитет был намерен воспротивиться тому, чтобы утонченность искусств и изучение наук ввели в республике изнеженные нравы, ложные взгляды на счастье, опасные примеры и стимулы для спеси и тщеславия. Мы вернемся к этому пункту, который, как и многие другие, не был до конца разработан, когда Комитет оказался вынужденным отказаться от своего начинания.

Преимущества искусств и наук

Благодаря успехам искусств, говорили они порою, необходимые работы могут быть облегчены, сухопутные и водные сообщения могут стать более легкими и к массе общественных развлечений могут прибавиться новые развлечения.

Чем были бы эти искусства, продолжали они, без наук, устанавливающих их теорию и освещающих их практику. При помощи наук порой исцеляются либо предупреждаются болезни; они учат человека познать самого себя; они предохраняют его от религиозного фанатизма, настораживают его против деспотизма, придают очарование его досугу и облагораживают его душу.

Проистекающие от них бедствия

Однако при рассмотрении вещей в других аспектах можно было увидеть, что утонченность искусств порождала вкус к излишествам, отвращение к простоте нравов, пристрастие к изнеженности и легкомыслию; опасались, как бы для людей, которые посвящают себя науке, их действительные или предполагаемые познания не послужили основанием для постепенного присвоения себе прав на отличия, для преимущественного положения, для освобождения от общего труда, и как бы мнение, которое сложится об их учености, питая их тщеславие, не толкнуло их в итоге на пагубные

действия, направленные против прав простых и менее образованных людей, доверие которых будет ими обмануто при помощи лицемерного и опасного красноречия. К бременю этих грустных размышлений присоединялось соображение Ж.-Ж. Руссо, который говорил, исходя из опыта истории, что нравственность и свобода никогда не шли рука об руку с расцветом искусств и наук.

Во время дискуссий, имевших место несколько раз по этому вопросу, было обращено внимание на то, что поскольку большая часть бедствий, в которых повинны искусства и науки, имеют своей побудительной причиной жадность и прибыли, то вероятно, что эти бедствия исчезнут и что число учащихся значительно сократится как только установление строя общности уничтожит нищету, как и возможность удовлетворения алчности. Ничего не было постановлено по следующим предложенным пунктам:

1. Никакие знания не дают права на освобождение от общего труда.

2. Должностным лицам должно быть поручено хранить и умножать сокровищницу человеческих познаний.

3. Юноши, обнаружившие крупные дарования, будут по выходе из воспитательных домов направляться в распоряжение этих должностных лиц для продолжения обучения.

Возражения

Таковы первые очертания гражданского и политического строя, к которому были направлены усилия Повстанческого комитета. Против него приводились возражения то о неправоте его проектов, то о невозможности их осуществления. Что касается неправоты, то на протяжении этой работы мы предоставили нашим читателям возможность судить о ней; что же касается неосуществимости,— банального возражения людей, которым неприятно малейшее преобразование,— то мы ограничимся замечанием, что правильное представление о положении Франции в первые два года республики приводит к убеждению, что преданность французского народа делу равенства и его вера в своих руководителей были в то время так велики, что во Франции не существовало ни одного демократического учреждения, которое не было бы принято народом с энтузиазмом. Эти благие настроения были, правда, ослаблены ужасными событиями 9 термидора *, но они в значительной степени все еще проявлялись открыто в период деятельности Повстанческого комитета и даже много времени спустя. Кроме того, являясь естественными для народа, они не замедлят проявиться полностью как только перестанут действовать причины, их подавляющие. Препятствия ради-

* Результаты этого дня были тем более роковыми, что они привели к утрате веры в благо отечества и всего человечества многими людьми, поднявшимися до самых высших доблестей.

кальному преобразованию исходят не от большинства; все они кроются в развращенности людей, нашедших секрет того, как свалить на других свою долю труда; заставьте их умолкнуть — и все остальные будут приветствовать вас и оказывать вам помощь.

Впрочем, повторяю, Комитет будучи далек от претензии дать нам фактическое равенство на другой день после восстания, хотя и решительно настроенный не пренебрегать ничем, что могло бы ускорить его полное установление, не считал себя в состоянии точно указать срок установления равенства. Он сознавал необходимость постепенного движения вперед соответственно прогрессу общественного мнения и успеху первых мероприятий, о которых мы еще скажем; если бы он прочно учредил хотя бы только общественное воспитание, он сделал бы многое для человечества*.

* То, чего не сумели осуществить во Франции демократы IV года, попытался недавно провести иными средствами один благородный человек на Британских островах в Америке. Шотландец Роберт Оуэн после того, как он на свои средства основал у себя на родине несколько общин, базировавшихся на принципе равного распределения материальных благ и труда, основал в Соединенных Штатах ряд аналогичных учреждений, в которых несколько тысяч людей живут спокойно и мирно в условиях полного равенства.

Согласно советам этого друга человечества, основанное в Лондоне кооперативное общество с некоторых пор работает над распространением принципов

Первые мероприятия после восстания

Первой заботой восставших после победы было бы снискать расположение народа,

строая общности, как и над показом на практических примерах возможности их применения.

Бабеф пытался объединить многочисленный народ в единую крупную общину. Оуэну, поставленному в иные условия, хотелось бы во множестве распространить по стране мелкие общины, которые, будучи затем объединены, превратились бы в такое же количество членов единой большой семьи. Бабеф хотел, чтобы его друзья завладели верховной властью, с помощью которой он надеялся осуществить проектируемое ими преобразование. Оуэн рассчитывает добиться успеха проповедью и примером. Пусть он покажет миру без помощи власти, что мудрость может принести столь великое благо! А главное, пусть он не испытает горечи от того, что все его благородные усилия потерпят неудачу и что его безуспешная попытка даст противникам равенства аргумент против всякой возможности установления общественного порядка, которому бурные страсти оказывают ужасное сопротивление и который может явиться лишь результатом сильного политического потрясения среди цивилизованных наций!

Против системы Оуэна выставлялся ряд возражений, относящихся в равной мере и к системе Бабефа. Мы изложим их вместе с ответами, показывающими их маловажность.

Первое возражение. Физические различия, существующие между людьми, не позволяют установить в области распределения труда и предметов потребления совершенное равенство, являющееся целью строя общности.

Ответ. В данном случае равенство должно измеряться способностью трудящегося и потребностью потребителя, а не интенсивностью труда и количеством произведенных предметов. Тот, кто, будучи наделен одной степенью физической силы, поднимает тя-

передать всюду власть в руки лиц, преданных принципам новой революции, и не дать

жесть в 10 фунтов, трудится столько же, сколько тот, кто, обладая в пять раз большей силой, передвигает тяжесть в 50 фунтов. Человек, который для утоления жгучей жажды выпивает бутылку воды, не испытывает большего наслаждения, чем другой, который при меньшей жажде проглатывает поллитра воды. Целью строя общности, о котором идет речь, является равенство в пользовании материальными благами и в труде, а отнюдь не равенство в количестве потребляемого или в мере труда тех, кто работает.

Второе возражение. Неодинаковая доброкачественность однородных предметов, как, например, фруктов, овощей, молочных продуктов, мяса, напитков и т. д. и т. п., внесет в область распределения фактическое неравенство, которое породит зависть и пререкания и превратит общество в место раздоров и вражды.

Ответ. Рассуждают таким образом только потому, что о людях, воспитанных в условиях братского режима, судят по нам самим, которых дурные учреждения делают тщеславными, завистливыми и враждебными друг другу. Оскорбительным для творца природы является предположение, будто люди имеют естественную склонность к взаимной зависти, ненависти и раздорам из-за вкуса плода или приятного запаха цветка, в то время как у них имеются в изобилии плоды и цветы. Отнимите у людей частную собственность — и вы уймете самые пагубные их страсти. вы лишите их почти всех средств нанесения вреда друг другу. Впрочем, разве нельзя будет сделать еще менее чувствительным то незначительное неравенство, о котором идет речь, путем чередования в порядке распределения? В области морали, политики и экономики равенство вовсе не является математическим тождеством; оно не нарушается вследствие незначительных различий. В Спарте здравый смысл, как и дух равенства и согласия, сглаживали все незначительные трудности, которые даже

времени известным врагам равенства готовить заговоры, к которым они не преми-нули бы прибегнуть.

и в настоящее время не нарушают мира в многочисленных семьях, пансионатах и воинских постоях.

Третье возражение. Поскольку общество возьмет на себя заботу о нуждах каждого отдельного человека, то никто не будет испытывать потребности трудиться, чтобы обеспечить себе существование, и люди, естественным образом склонные к лени, впадут в общую беспечность, которая сделает невозможным всякий труд.

Ответ. Человек, обладающий хорошим телосложением, испытывает потребность в движении и, чтобы рассеять скуку, изыскивает работу, которая внушает ему отвращение только потому, что эта работа чрезмерна, и потому, что он несет одну лишь ее тяжесть. Ни тому, ни другому из этих случаев нет места при строе общности, где все работают и, следовательно, труд каждого наивозможно легок.

К этим причинам активности следует прибавить всеобщее убеждение в необходимости труда, позор, которым общественное мнение заклеймит лентяев, как и строгость закона, который будет карать своевольную праздность наказаниями, налагаемыми в настоящее время на воров.

Четвертое возражение. По той же причине не будет более никакого интеллектуального и промышленного прогресса.

Ответ. Жалкая продукция, выпускать которую составляет нужда в нищенской заработной плате и которая имеет цену лишь в глазах пустых и праздных людей, исчезнет безвозвратно. Конечно, это не будет злом. Однако несомненно, что так не будет обстоять дело с изучением и изысканиями, имеющими тенденцией упрочить любовь к отечеству и улучшить участь всех людей; таким изысканиям будут предаваться с тем большим жаром, что для этого обычно будет свободное время и что людей поощрит к этому

Воззвание к французскому народу

С этой целью Комитет утвердил план воззвания к французам, первые строки которо-

общественная признательность и будет привлекать разумно присуждаемая слава, которая во все времена являлась движущей силой великих деяний и поистине полезных изобретений.

Пятое возращение. Точно и во всех деталях осуществленный режим общности превратит гражданское общество в монастырь и нанесет вред свободе.

Ответ. Монахи, как землевладельцы, так и нищенствующие, не занимаются ни сельским хозяйством, ни промышленностью, в то время как при строе общности Бабефа и Оуэна каждый служит обществу своим трудом. Монахи не состоят в браке, а в строе общности не отказываются от брачных союзов. Монахи слепо подчиняются своим начальникам; в условиях строя общности существует подчинение одному лишь закону, созданию, изменению и упразднению которого способствуют все. Праздные монахи оглашают воздух бесполезными молитвами, в то время как при режиме равенства путем применения подлинного милосердия осуществляется единственный достойный божества культ. Наконец, монахи принуждены соотносить все свои действия со строгими правилами; люди, живущие при режиме общности, напротив, располагают своим временем, не считая времени на непродолжительный труд, согласно их наклонностям и желанию.

Чтобы решить вопрос о том, уважается ли свобода действий при режиме общности более, чем при режиме частной собственности, достаточно принять во внимание, что при режиме частной собственности большинство населения, по необходимости занятое долгим и тяжелым трудом, всегда в большей или в меньшей степени лишено возможности свободно применять свою волю даже тогда, когда закон, казалось, обеспечивает ему пользование этим правом. В стране, где все работают по 3—4 часа в день, будет, безус-

го писались одним из его членов как раз в тот момент, когда он был схвачен сателлитами тирании *. В этом воззвании должен был быть

ловно, существовать *большая* свобода, нежели в стране, где $\frac{4}{5}$ населения принуждены работать 10—12 часов в день, для того чтобы остальная, пятая часть утопала в наслаждениях и развращалась в праздности.

Шестое возражение. Жизнь на началах общности приведет общество в состояние варварства.

Ответ. Отсутствие наук и искусств в соединении с грубостью нравов и необузданностью характеров создает то, что обычно называют варварством. А ведь ничто из всего этого не будет с необходимостью вытекать из строя общности, как его понимают Бабеф и Оуэн. Научные исследования и мастерство, на деле способствующие благу и поддержанию общества, не будут устранены при строе общности, а будут поощряться благодаря общей заинтересованности в них благодаря общественному мнению и свободному времени. Поскольку науки и искусства не будут более служить алчности и тщеславию, они будут отбрасывать все то, что не является истиной и не служит общей пользе. С другой стороны, общественное воспитание и постоянная взаимопомощь, обмен услугами породят в области чувств братское отношение друг к другу, которое смягчает нравы и умеряет буйность характеров. Благодаря устранению нищеты и подлости, неизбежного следствия частной собственности, будут изгнаны из общества утаивание и лицемерие, превращающие его в поле битвы, в подлинный ад. Люди будут добры без притворства и горды без грубости. Отнюдь не впадая снова в варварство, мы, благодаря установлению строя общности, найдем тогда возможность достижения прочного счастья, подлинной и законченной цивилизации.

* Вот эти строки: «Повстанческий комитет общественного спасения. Народ одержал победу, тирании больше не существует, вы свободны...». На этом писавший был прерван и схвачен.

показан народу длинный ряд преступлений, которыми был бесчестно нанесен ущерб равенству и правам граждан; в нем должно было быть показано, что причины общественных бедствий, еще не искорененные революцией, которую эти бедствия вызвали, заключались всегда в неравенстве и в порождаемых им пороках; воззвание должно было указать нации на поведение парижского народа, как на образец, которому она должна следовать, во всеуслышание призвать французов к осуществлению равенства и торжественно взять на себя обязательство обеспечить за ними это равенство путем нескольких месяцев спокойствия, мужества, терпения и повиновения.

В том же воззвании был бы провозглашен в качестве законодательного принципа декрет восставшего парижского народа * и была бы подтверждена конституция 1793 г., как окончательное выражение нового политического строя. В нее были бы только внесены некоторые добавления и, кроме того, были бы предварительно установлены такие учреждения, без которых самая демократическая конституция останется всегда телом без души и будет служить мишенью для неистовства фракций.

Вот некоторые из положений, которые должны были сопутствовать этому воззванию:

немедленное смещение всех гражданских и судебных властей и объявление вне закона

* См. выше, стр. 242—243.

всякого, кто осмелился бы выполнять функции таковых;

немедленное восстановление исполнительных комиссий администрации департаментов и дистриктов, муниципалитетов, революционных комитетов, мировых судов и уголовных судов в том виде, в каком они существовали до 9 термидора II года;

приказ всем гражданам, занимавшим в то время какие-либо должности в вышеназванных органах власти, немедленно занять их вновь, за исключением тех случаев, когда имеются законные препятствия;

устранение от всякой общественной должности под страхом смертной казни любого, кто известен тем, что он обогатился при исполнении какой-либо общественной должности;

опубликование Акта о восстании по всей республике;

применение ко всей республике статей 1, 2, 18 и 19 названного Акта;

опечатание всех государственных касс:

освобождение от всех прямых и торговых-промышленных налогов, начиная с 1 вандемьера IV года, граждан, лично выполняющих земледельческие и ремесленные работы первой необходимости и обладающих лишь самым необходимым для себя и для своей семьи;

прогрессивное размещение среди богачей всей суммы ранее установленных прямых налогов;

взыскание этих налогов натурой;

оплата натурой аренды национальных имуществ;

устройство в каждой коммуне общественных складов, а также крупных военных складов в 20 лье от границ, где расположены войска;

призыв ко всем гражданам предоставить отечеству одежду для его защитников;

приказ муниципалитетам позаботиться о том, чтобы ни одна часть территории не оставалась невозделанной;

отнятие у землевладельцев в пользу народа земель, обработкой которых, как это установлено в стране обычаем, они пренебрегли;

прекращение продажи национальных имуществ;

немедленная отмена в пределах республики всякой выплаты денежного жалованья;

снабжение натурой общественных агентов, нужда которых в самом необходимом будет доказана;

подобное же снабжение неимущих семей защитников отечества, как и всех стариков и немощных бедняков;

призыв к богачам добровольно уступить властному требованию справедливости, уберечь отечество от междоусобиц, а себя самих от многих бедствий и ограничиться самым необходимым, великодушно уступив народу свой избыток;

забвение всех поступков и мнений, противоречивших равенству, в отношении лиц, кото-

рые в течение определенного срока недвусмысленно докажут, что они искренно вернулись к истине и отечеству;

возвращение в тюрьмы под страхом объявления вне закона всех лиц, содержащихся в них 8 термидора II года, в том случае, если они не подчинились призыву ограничиться необходимым в пользу народа;

отмена всех декретов, изданных после 9 термидора в пользу эмигрантов и лиц, обвиненных в эмиграции, а также в пользу заговорщиков и их наследников;

арест всех лиц, о которых известно, что они после 9 термидора совершали или провоцировали убийства республиканцев.

Это было бы только началом великих преобразований, задуманных Повстанческим комитетом; это было бы не чем иным, как насильственным переходом государственной власти в руки народа.

Рассчитывая сохранить после восстания полезное влияние на ход обсуждений, Комитет занялся планом неотложных подготовительных мероприятий к окончательному законодательству, которого он желал добиться. Я дам о нем некоторое представление.

Генеральные комиссары

Безотлагательно должны были быть направлены во все департаменты и войска генеральные комиссары не из числа членов нового Конвента, облеченные широкими полномочия-

ми с возложением на них обязанности подавлять силами республиканцев всякое сопротивление, прибегать в нужный момент к суровости или к снисходительности; наделенные властью смещать с должности, предавать суду, вознаграждать; обязанные, прежде чем приступить к исполнению своих функций, сообщить о своем имущественном положении и ответственные за свое поведение перед особым судом, учрежденным специально для того, чтобы получать отчеты об их действиях и карать тех из них, кто перестал считаться с целью своей миссии.

Образцовый семинарий

Чрезвычайно большое значение придавалось быстрому созданию при повстанческой власти образцового семинария, в котором граждане из провинции, прибывающие в определенном распорядке, постигали бы принципы новой революции, проникались духом преобразователей и учились руководить путем воздействия на общественное мнение исполнением законов, которые должны были изменить облик нации.

Общественный дух и народные общества

Генеральным комиссарам доверялась бы важная забота — просвещать и объединять республиканцев, в особенности побуждать их к тому, чтобы они разделяли взгляды и на-

строение руководителей восстания; они должны были привлечь их к себе благоразумием своих мероприятий, своим пламенным рвением, бескорыстием и безупречным образом жизни. Как истинные апостолы они вносили бы светоч равенства во все коммуны и особенно в народные общества, которые им надлежало открыть и в отношении которых желательно было, чтобы их взгляды предвосхищали преобразовательные мероприятия законодателя.

Революционные декреты

Пять проектов революционных декретов были представлены на обсуждение Повстанческого комитета к моменту его насильственной ликвидации, а именно:

Проект декрета о внутреннем порядке;

- » военного декрета;
- » декрета о воспитании;
- » экономического декрета;
- » декрета о национальных празднествах.

Декрет о внутреннем порядке

Введением в действие декрета о внутреннем порядке намеревались устрашить и внести смятение в ряды людей, которые попытались бы воскресить события, обогрившие кровью республику после 31 мая 1793 г. Такова была цель создания в стране военных лагерей, всеобщего вооружения граждан и воссоздания национальной гвардии. Все незаинтересованные

в полном успехе преобразования должны были быть лишены всякой силы. Точно так же каждый, кто не служил обществу полезным трудом, подлежал исключению из него. Наконец, намеревались облегчить выполнение общего плана с помощью самих недовольных, которые во имя своей же защиты были бы вынуждены искать в нем единственный путь к спасению *.

Военный декрет

Военный декрет должен был иметь результатом своего рода республиканское воспитание молодежи, которая не могла больше пользоваться благами такого воспитания в воспитательных домах; декрет этот содержал среди многих других статей следующие:

каждый француз находится на действительной службе в армии с 20 до 25 лет;

каждый, кто не прослужил в армии рядовым солдатом в течение ... лет, не может занимать в ней командных постов;

в каждой воинской части подчиненные участвуют в назначении своих начальников, которые периодически сменяются;

в войсках отменяется выплата денежного жалованья;

республика организует ежедневную выдачу воинского рациона каждому, кто входит в состав армии;

республика равным образом обеспечивает квартирой, одеждой, освещением, отоплением,

* См. Документы, № 28.

стиркой белья и содержанием всех защитников отечества;

военный паек является таким же, как для лиц, занимающих гражданские должности;

защитники отечества живут совместно под руководством своих начальников и согласно правилам, которые будут установлены;

мародерство воспрещается; каждый защитник отечества до выступления в поход обязуется доставлять военному начальству все, что он сможет отнять законным образом у неприятеля;

по окончании чрезмерного труда лица, на долю которых выпал такой труд, получают более обильное довольствие;

неподчинение карается смертной казнью;

такой же каре подвергаются генералы и офицеры, уличенные в воровстве, пьянстве, насилии, азартных играх, в пренебрежении к законам и в произволе по отношению к своим подчиненным;

в армии вводится труд, обучение и празднества;

республика присуждает награды за выдающиеся поступки;

все граждане обучаются владению оружием и проходят строевую службу.

Декрет о воспитании

Декрет о воспитании предназначался для того, чтобы немедленно привести в исполнение план, о котором мы говорили. В самом деле, нет нужды ни в какой особой предосторожно-

сти в отношении детей, которые, не имея установившихся привычек, готовы усвоить все те, которые им хотят привить.

Вся трудность в этом отношении сводилась к тому, чтобы преодолеть сопротивление некоторых семей и подыскать достаточное количество людей, способных руководить воспитательными домами в духе преобразования.

Первое препятствие надеялись преодолеть благодаря влиянию республиканцев, благодаря энтузиазму, который должно было пробудить распространение принципов равенства, благодаря облегчению, которое это мероприятие должно было незамедлительно принести неимущему классу, и благодаря очевидности преимуществ, которые оно должно было обеспечить детям.

Что касается разносторонности ума, нравственных качеств и способности лиц, которым должно было быть доверено руководство воспитательными домами, то заручиться этим рассчитывали с помощью образцового семинария, где нужное для формирования этих людей время следовало употребить таким образом, чтобы суметь потом привить народу новую систему и подготовить места, где должна была быть собрана молодежь.

Добьемся того, говорил Повстанческий комитет, чтобы молодые люди и солдаты привязались к обычаям равенства, и тогда самое главное будет сделано, ибо по истечении нескольких лет эти молодые люди и эти солдаты составят почти всю нацию. Однако

чтобы не сделать бесполезными добрые предрасположения, которыми наделит их государственное воспитание, не допустим, чтобы, вступив в общество, они нашли в нем порядок, находящийся в противоречии с результатами этого воспитания; пусть с этого же момента начинается уничтожение духа собственности, и пусть оно идет в ногу с успехами молодежи и армии в области теории и практики равенства. Для этого и предназначался Комитетом экономический декрет.

Экономический декрет

Декрет этот охватывал все области государственного управления; он распространялся на сельское хозяйство, ремесла, торговлю, судоходство, финансы и общественные работы, которые должны были получить благодаря ему новую жизнь.

Известно, что конечной целью работ Комитета было установление великого, совершенного строя общности. Комитет, однако, крайне остерегался бы вводить этот строй путем приказа на другой день после своей победы и принуждать сопротивляющихся принимать в нем участие; всякое личное насилие, всякое изменение, не предписанное законами, было бы воспрещено и наказуемо. Комитет считал, что законодатель должен вести себя таким образом, чтобы побудить весь народ упразднить частную собственность в силу потребности и в собственных интересах.

Но каким образом заставить стольких лю-

дей, развращенных праздностью, неестественными наслаждениями и тщеславием, желать простоты, которой они оказывали такое сильное противодействие? Законодательным установлением такого общественного строя, отвечал Комитет, при котором богачи, сохранившие свое имущество, не нашли бы больше ни изобилия, ни удовольствий, ни уважения. Устроим так, продолжал он, чтобы трудящиеся при весьма умеренном труде, не получая заработной платы, пользовались честно приобретенным неизменным достатком, и тогда спадет завеса с глаз граждан, заблуждающихся вследствие предрассудков и рутины; тогда наступит момент, когда обладатели богатств и отличий, будучи вынуждены предлагать более высокую оплату, чем удобное и бесплатное содержание, обеспечиваемое республикой, и расходовать большую часть своих доходов на обработку земли, на подготовительные работы и на налоги, не имея больше возможности пользоваться ни развлечениями, ни прислугой, отягченные бременем прогрессивных налогов, устраненные от дел, лишенные всякого влияния, презираемые, составляющие отныне в государстве лишь внушающий подозрение класс чужаков, — либо во множестве эмигрируют, бросив свое имущество, либо поспешат скрепить собственным присоединением мирное и всеобщее установление строя общности*.

* Чтобы правильно все это понять, необходимо тут же прочесть фрагмент экономического декрета напечатанный в прилагаемых Документах, № 29.

Призовем к себе, говорил далее Повстанческий комитет, мелких собственников, малосостоятельных торговцев, поденных рабочих, земледельцев, ремесленников, всех неимущих, которых наши порочные учреждения обрекают на жизнь, отягощенную чрезмерным грузом, лишениями и печальями. Пусть они вновь родятся для человечества; пусть отечество немедленно обеспечит всем людям, которые чистосердечно посвятят ему свои способности и свой труд, благоустроенное существование, не подверженное превратностям; пусть оно избавит их от опасений и забот, являющихся следствием частной собственности не в меньшей мере, нежели следствием нищеты; создадим отныне большую национальную общину, наделим ее обширной территорией, включим в нее все недвижимое имущество, право пользования которым имеет вся нация или коммуны; предоставим тем, кто ради нее проявит самоотверженность, кто полностью откажется от своего состояния, непрерываемое право на все то счастье, которое может быть уделом всех; будем следить за тем, чтобы это счастье было реальным и быстро осуществилось на деле; воспрепятствуем резонерам нарушить его софизмами и преувеличениями; заставим все виды власти следовать по пути равенства; примем в лоно отечества всех, кто будет искренно стремиться к равенству; искореним все источники, откуда спесь может еще черпать средства для того, чтобы блеснуть перед народом обманчивой

пышностью; сделаем 'золото более тяжелым, нежели песок и камни; смело нанесем первые удары и предоставим естественному стремлению к счастью, благоразумию последовательно завершить при поддержке общественного энтузиазма столь возвышенное начинание.

Когда эта подготовительная работа была бы осуществлена, носителями интересов нации были бы только участники строя общности. Однако все склоняло Повстанческий комитет к мысли, что эта система не замедлит распространиться на всю нацию путем последовательного вхождения в нее защитников отечества, как и путем включения имущества умерших лиц, не примкнувших к ней, а также благодаря счастливой перемене в общественном мнении, которая явится неизбежным следствием такого преобразования. Скоро наступил бы день, когда обязательность и принуждение можно было бы без опасений заменить увещеванием, примером и силой необходимости; с этих пор слово *собственник* скоро стало бы для французов дикостью.

Декрет о национальных праздниках

Говоря о народных собраниях, мы упомянули о национальных праздниках и о принципах, на основе которых Комитет рассчитывал их ввести. Тем же духом был проникнут революционный проект, который он обсудил незадолго до его насильственной ликвидации.

Эти праздники должны были быть многочисленными и разнообразными: каждый день отдыха должен был иметь свой особый праздник. По мнению Комитета, для дела равенства было настоятельно необходимо непрерывно держать граждан в состоянии подъема, привязывать их к отечеству, внушая им любовь к своим праздничным церемониям, играм и развлечениям, изгонять скуку в часы досуга и поддерживать путем частого общения чувства братства между всеми частями республики.

Согласно точке зрения Комитета, осуществление революции и полнота применения народного суверенитета зависели от укрепления этих учреждений и в особенности тех из них, которые создавались в силу экономического декрета; иными словами — день, когда народ стал бы мирно наслаждаться равенством, был бы также днем, когда он мог бы пользоваться во всей полноте освященным конституцией 1793 г. правом обсуждения законов.

Частичное и последовательное осуществление конституции

До этого момента суверенная власть должна была передаваться в руки народа лишь постепенно и по мере прогресса нравов. Сенаты, умеряя своей властью влияние большинства путем различных приемов во время осуществления преобразования, предохраняли бы народ от потрясений и опасностей, кото-

рым его неминуемо подвергали бы старые привычки и козни злобных людей.

Множество подробностей изгладилось из моей памяти; она сохранила лишь воспомина-ние о самых выдающихся чертах и ясное пред-ставление о постепенном и одновременном прогрессивном развитии учреждений и кон-ституции. Легко понять, что сам Повстанче-ский комитет не мог ни предвидеть всех меро-приятий, которые могли стать необходимыми в силу обстоятельств, ни заранее определить время, когда задача преобразователя будет завершена.

Кто мог учесть всю силу сопротивления охваченных ужасом страстей? Кто мог пред-сказать, до какой степени умножат внешние враги республики свои усилия в борьбе про-тив нового преобразования, которое, несом-ненно, вызовет у них бóльшую ненависть, чем все предшествующие. Эти расчеты и эти предвидения зависели от того, с какой быст-ротой демократическое общественное мнение вновь приобретет свое прежнее влияние.

Можно лишь с уверенностью заявить, судя по хорошо известному образу мыслей участ-ников заговора, что военные действия против внешних врагов ни на один день не были бы продлены из-за тщеславного стремления к за-воеванию и господству, как и в силу торгового соперничества.

Арест участников заговора

Все эти усилия, которым нельзя отказать в известной доблести, оказались тщетными вследствие предательства Гризеля. Используя хитросплетения этого изменника, угнетатели Франции арестовали утром 21 флореаля IV года большинство руководителей заговора *.

Бабеф и Буонарроти были схвачены вместе с некоторыми документами в комнате, где они провели ночь над обдумыванием и подготовкой восстания и преобразования. Одновременно Дарте, Жермен, Эридди [Дидье], Друэ и ряд других были схвачены на квартире у Дюфура, где они собрались, чтобы установить

* В это время открылась блестящая итальянская кампания, проложившая дерзновенному солдату путь к высшей власти. Отныне любовь к свободе начала уступать место в сердцах французов любви к военной славе и завоеваниям, которая затем стала самой действенной причиной их невзгод и их полного порабощения. По всей видимости, успех изложенного нами заговора, вырвав власть из рук слабых и испорченных людей, пользовавшихся ею со времени 9 термидора, вернул бы республике силу, которая была ей присуща в первые годы ее существования, и надо полагать, что французский народ, избегнув тем самым заговоров аристократов, которые его сломили, был бы предохранен от честолюбия Бонапарта и от роковых последствий дальних экспедиций, из которых вступившие в коалицию короли извлекли столь большую выгоду и вновь подчинили французский народ игу его прежних господ, натравив на него с помощью коварных обещаний свободы многие народы, пробужденные взрывом революции и озлобленные бедствиями захватнической и грабительской войны.

дснь народного выступления. Внутренние войска с оружием в руках содействовали походу против демократии, а население Парижа, которое уверили, что арестованы воры, оставалось пассивным зрителем лишения свободы тех самых участников заговора, оковы которых оно некоторое время спустя безуспешно пыталось разбить.

К о н е ц п е р в о г о т о м а .

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие к второму изданию	5
В. П. Волгин. Движение «равных» и их социальные идеи	7

Ф. Буонарроти.

ЗАГОВОР ВО ИМЯ РАВЕНСТВА,
ИМЕНУЕМЫЙ ЗАГОВОРОМ БАБЕФА

Предисловие	65
Партии французской революции и их характер	70
Система эгоизма	75
Система равенства	77
Фальшивые друзья равенства	82
Усилия и успехи партии равенства	82
Ее торжество	84
Аристократы в Национальном конвенте до 31 мая 1793 г.	85
Друзья равенства против того, чтобы заняться конституцией	87
Заговор 31 мая 1793 г.	88
Демократия во Франции. Что она собой пред- ставляет	94
Малочисленность искренних друзей равенства в Национальном конвенте	94
Декларация прав, провозглашенная Робеспьером	96
Конституция 1793 года	97
Происхождение и побудительные мотивы револю- ционного правительства	104
Чудеса революционного правительства	106
Законодательные мероприятия в пользу равен- ства и народных обычаев	110

Фракция, внушавшая народу тревогу за сохранение его суверенитета. Эбертисты	113
Фракция воинствующих эгоистов, присоединившись к предшествующей, убивает друзей равенства. Дантонисты	114
Добродетель названа пороком и тиранией	119
Революционное правительство становится общественным бедствием	121
Друзья равенства требуют конституции 1793 года. Они терпят поражение	122
Тюрьмы Парижа — очаги заговоров во имя равенства	126
Образ жизни и занятия заключенных патриотов	130
Конституция III, или 1795 года	130
Мнение друзей равенства об этой конституции	131
Протесты друзей равенства	135
Ложь о принятии народом конституции III года	136
Проскрипция членов Конвента	136
Надежды врагов революции	137
Народ связан обновлением трети депутатов	138
Друзья равенства защищают преступных членов Конвента	139
Новое предательство членов Конвента	141
Освобождение патриотов	143
Их заблуждение	143
Раскол среди патриотов	144
Первые собрания равных	145
Дух нового правительства	151
Правительство поощряет собрания патриотов	151
Настроения патриотов и народа	152
Осторожность равных	153
Основание общества Пантеона	154
Его организация	154
Расхождения среди членов общества Пантеона	155
Связь общества с народом	156
Народные законы	157
Преследование Бабефа	158
Комитет на квартире у Амара	158
Взгляд Комитета на правительство III года	159

Частная собственность — причина порабощения	161
Порочность аграрных законов, как и законов против роскоши	164
Конечная цель общества — равенство в труде и в пользовании благами	165
Робеспьер был другом такого равенства	167
Препятствия к установлению равенства	167
Конституция 1793 года — путь к равенству . .	169
Недостатки конституции	170
Пункты, объединявшие республиканцев	170
Власть, которой надлежало заменить правитель- ство III года	171
Насильственный роспуск Комитета	173
Другие объединения того же рода	174
В обществе Пантеона проявляется демократиче- ский дух	175
Трудное положение ораторов этого общества	176
Возрождение демократических принципов в на- роде	176
Деятельность общества Пантеона	177
Раздача защитникам отечества миллиарда из национальных имуществ	178
Интерес общества к Бабефу	179
Раскол в обществе Пантеона	180
Ассигнаты, свобода печати, присяжные заседа- тели	181
Осторожность общества	183
Недопущение членов Конвента	183
Декадные праздники	184
Ненависть правительства к членам общества Пантеона	186
Рвение членов общества	187
Чтение произведения Бабефа. Насильственный роспуск общества Пантеона	187
Вероломство правительства	189
Новая проскрипция патриотов	191
Мужество Бабефа создает ему множество врагов	192
У Бабефа зарождается план освобождения народа	193
Создание Тайной директории общественного спасения	194

Агенты и их инструктирование	195
Члены Директории и их политическая доктрина	196
Конечная цель участников заговора	198
Народ — цель и средство Тайной директории	199
Тайная директория хотела установить конституцию 1793 года	201
Мнение Тайной директории об этой конституции	202
Истина — главная движущая сила народного восстания	203
В Париже множатся народные общества	203
Выбор 12 революционных агентов	204
Военные агенты	207
Гризель	209
Демократические произведения	209
Нищета народа	211
Рост повстанческих настроений	213
Деятельность Тайной директории	213
Власть, которой надлежало заменить существующую	214
Необходимость власти, которая предшествовала бы конституционному строю	215
Созыв Конвента	217
Возражения	218
Временная власть, подлежавшая назначению парижскими повстанцами	219
Эта система гармонировала с народным суверенитетом	220
Диктатура отвергнута	221
Восставшему парижскому народу должен был быть предложен орган из демократов, по одному от каждого департамента	223
Тайная директория предусматривает способы сделать народ более сильным, чем армия	224
Лионские республиканцы	225
Сильное брожение в Париже	225
Две клики в государстве	226
Фальшивые друзья равенства хотят устранить из органов власти бывших аристократов	227
Они пытаются объединить вокруг себя патриотов и народ	228
Тайная директория расстраивает эти козни	22

Комитет из членов Конвента, подвергшихся проскрипции	229
Тайная директория расстраивает усилия ко- митета	230
Фальшивые друзья равенства объединяются с бывшими аристократами против демократии	231
Обращение Исполнительной директории, на- правленное против демократов	232
Законы против свободы слова и печати	234
Новое преследование демократов	235
Возмущение друзей свободы	235
Тайная директория унимает их нетерпение	236
Некоторые мероприятия, связанные с восста- нием	237
Акт о восстании	239
Раздача имуществ, предписывавшаяся Актом о восстании, вела к строю общности	240
Собрание парижского народа вслед за уничто- жением тирании	241
Новое Национальное собрание	241
Декрет, который надлежало предложить на утверждение восставшему парижскому на- роду	242
Восстание полицейского легиона	243
Роспуск полицейского легиона	245
Легионеры укрываются у патриотов	245
Военно-политическое заседание 11 флореаля IV года	247
Военный комитет	248
Предложение о содействии роялистов начина- нию демократов	249
Предложение заколоть членов Исполнительной директории	249
Участники заговора презирали деньги	250
Россиньоль и Фион настаивают на введении монтаньяров в состав Тайной директории	252
Монтаньяры намереваются завладеть восста- нием	253
Друзья связан с участниками заговора	253
Нерешительность Тайной директории	254

Тайная директория постановляет объединиться с монтаньярами	256
Условия объединения	257
Посланец от комитета монтаньяров представляется Тайной директории	258
Отказ монтаньяров	259
Ответ Тайной директории	260
Тревога патриотов	261
Объединение Тайной директории с комитетом монтаньяров	262
О некоторых вопросах, относившихся к восстанию	263
Предательство Гризеля	264
Гризель доносит о существовании заговора	265
Собрание участников заговора на квартире у Друэ	266
Доклад Тайной директории	266
Новое присоединение монтаньяров	269
Доклад военного комитета	269
Постановление собрания	270
Полиция осаждает квартиру Друэ	270
Гризель успокаивает участников заговора	271
Собрание агентов на квартире у Массара	272
Предложения агентов	273
Военный комитет требует от агентов новых сведений	274
Силы демократии	275
Недовольство и нетерпение народа	276
Силы тирании	276
Ресурсы народа	277
Член директории Баррас предлагает участникам заговора свои услуги	277
Приказ о восстании	279
Обеспечение неимущих жилищем и одеждой	283
Наказание изменников	283
Двусмысленное поведение монтаньяров вынуждает к новым мерам предосторожности	285
Распоряжения, касавшиеся восстания, должны были получить санкцию народа	287
Дискуссия относительно участия Повстанческого комитета в новой власти	288

Обзор положения Парижа после восстания . . .	290
Провинция	292
Законодательство равенства и законы переходного характера	294
Вся собственность имеет одного владельца: она принадлежит народу	295
Право каждого человека на счастливое существование; одинаковая для всех обязанность трудиться	297
Сельское хозяйство и ремесла первой необходимости	297
Распределение граждан	298
Оно начинается с общего воспитания	298
Изобилие — цель всеобщего труда	299
Труд — функция, регулируемая законом	299
Облегчение тяжелых работ	300
Равенство в пользовании благами	301
Преимущества строя общности в применении к стране, занимающей обширное пространство	303
Равное распределение богатств	304
Внешняя торговля	305
Право пользования	306
Старики и немощные	307
Благоприятные условия для размножения человеческого рода	309
Превосходство этого установления над установлениями древности	309
Новое распределение населения	310
Уменьшение значения больших городов	311
Простота жилищ	314
Великолепие общественных зданий	314
Мебель и одежда	315
Благие последствия преобразования	316
Непроизводительные занятия	317
Добродетельные нравы	318
Воспитание — источник нравов	320
Работы, не подлежащие распределению	320
Управление государством и оборона отечества — дело всех граждан	320
Опасность образования специального класса людей, сведущих в искусстве управления	321

Отправление законодательной власти доступно всем гражданам	321
Возраст и дееспособность, необходимые для пользования избирательным правом . .	323
Права гражданства приобретаются с согласия Народные собрания с целью осуществления суверенитета	325
Образование и деятельность правительства . .	326
Народные собрания — благоприятное условие для отдыха и соревнования	327
Каждый гражданин является солдатом . . .	328
Воспитание в детях любви к отечеству и к подлинной славе	329
Молодежь будет постоянно располагаться лагерем на границе	329
Военный распорядок	331
Деятельность, в основе которой лежит военное дело	332
Легко осуществляемое всенародное ополчение .	333
Непредвиденные случаи и меры предусмотрительности	334
Содержание армии	338
Чрезвычайные ресурсы	338
Предохранительные меры против злоупотребления войной	339
Уважение к международному праву	341
Преимущества частых собраний граждан . .	342
Четыре рода собраний	343
Торжества	344
Цензурные собрания	345
Суждения об общественных должностных лицах	346
Суждения об умерших	346
Годовщины памятных событий	347
Игры и зрелища	347
Божественное начало и бессмертие души . . .	348
Связь между всеми частями республики . . .	349
Сношения между гражданами	351
Праздники	352
Необходимость власти	353
Законодательная власть пребывает в народе .	353
Иностранцы	355

Собрания, осуществляющие народный суверенитет	358
Центральное собрание законодателей	359
Блюстители национальной воли	359
Создание закона	360
Гарантия против посягательств собрания законодателей	361
Разделение власти в этом собрании	362
Преимущество рассредоточения законодательных органов	362
Народ должен принять меры предосторожности против заблуждений	363
Сенаты	364
Первоначальное создание сенатов	364
Нерушимые принципы	365
Внесение поправок в конституцию	366
Народу, пользующемуся благами равенства, достаточно немногих законов	367
Руководство сельским хозяйством и полезными ремеслами — одна из главных функций суверенной власти	367
Исполнительная власть	368
Причины, обуславливающие хорошую исполнительную власть	368
Дополнение к конституции 1793 года	369
Природа и цели различных общественных учреждений	370
Объединение гражданских функций с военными	371
Должностное лицо обходится не дороже рядового гражданина	373
Простота нравов — гарантия преданности должностных лиц	373
Лестница общественных должностей	373
В начальной стадии преобразования ведомства должны вверяться только революционерам	374
Постепенное движение вперед	375
Воспитание — средство осуществления преобразования и его сохранения	376
Общество должно руководить воспитанием	377
Разделение полов	377
Государственное воспитание	378

Общественное	379
Равное	379
Воспитанием должен руководить высокий орган	380
Забота о детях	380
Естественные различия между полами . . .	381
Цели воспитания	381
Тело	382
Распорядок в воспитательных домах	382
Сердце	383
Ремесла	384
Общий дух. Науки	385
Воспитание девочек	387
Военное воспитание	389
Просветительные собрания	390
Свобода печати	390
Преимущества искусств и наук	392
Проистекающие от них бедствия	392
Возражения	394
Первые мероприятия после восстания	396
Воззвание к французскому народу	399
Генеральные комиссары	404
Образцовый семинарий	405
Общественный дух и народные общества . .	405
Революционные декреты	406
Декрет о внутреннем порядке	406
Военный декрет	407
Декрет о воспитании	408
Экономический декрет	410
Декрет о национальных праздниках	413
Частичное и последовательное осуществление конституции	414
Арест участников заговора	416

Ф. Буонарроти

**Заговор во имя равенства,
именуемый заговором Бабефа.**

*Утверждено к печати
Отделением исторических наук
Академии наук СССР*

*Редактор Издательства Ю. П. Мадор
Технический редактор Г. А. Астафьева*

РИСО АН СССР № 89-2В Сдано в набор 27/VI 63

Подп. к печати 13/XI 63 Печ. л. 13,37.

Усл. печ. л. 15,56. Уч.-изд. л. 14,5 (14,4 + 0,1) Формат 70 × 90¹/₃₂.

Тираж 3000 экз. Изд. № 1486. Тип. зак. 242

Цена 1 р. 03 к.

Издательство АН СССР.

Москва К-62. Подсосенский пер., 21

2-я типография Издательства АН СССР.

Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

42.07.12

Ф. БУСНАРРОТИ

И